

Н. СПАРКС

Свадъба

Издание не подлежит цензуре «Трибуна»

Annotation

Продолжение легендарного романа Николаса Спаркса "Дневник памяти", которое ничуть не уступает первой книге!

Любовь в браке медленно умирает, сменяясь привычкой?

Так бывает, увы, очень часто.

Но разве это нельзя изменить?!

Уилсон Льюис вынужден признать - его супруга Джейн больше не чувствует себя счастливой.

С каждым днем она все сильнее страдает без романтики, без ярких проявлений подлинного чувства.

Она хочет любви.

Не комфорта, спокойствия, добрых семейных отношений - а именно любви, безумной и нежной, как в те времена, когда Джейн только познакомилась с будущим мужем...

Уилсон понимает: ему придется опять покорить сердце собственной жены и помочь ей заново испытать радости, наслаждения и тревогу настоящей страсти...

-
- [Свадьба](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Я заерзал.](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Добро пожаловать домой, дорогая.](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Свадьба

*Посвящается Кэти, которая сделала меня
счастливейшим человеком на свете в тот день, когда
согласилась стать моей женой*

Пролог

Интересно, может ли человек измениться? Или же характер и привычки – это непреодолимые преграды?

Сейчас середина октября 2003 года, Я пытаюсь найти ответы, наблюдая за тем, как мотылек мечется вокруг фонаря на крыльце. Джейн, моя жена, спит наверху. Она не увидела, как я выскользнул из спальни. Уже поздно, далеко за полночь, воздух морозный – предвестие ранней зимы. На мне толстый халат, я надеялся, что он достаточно теплый, но теперь замечаю, что руки у меня дрожат.

На небе звезды словно брызги серебряной краски на черном холсте. Я различаю Орион и Плеяды, Большую Медведицу и Северную Корону и изрядно вдохновляюсь при мысли о том, что я не просто люблю звезды, а мысленно переношусь в прошлое. Созвездия мерцают так же, что и тысячи лет назад, и я жду, что вот-вот на меня снизойдет нечто, например, слова, которыми поэт мог бы объяснить тайны мира. Но ничего не происходит.

И неудивительно. Я никогда не отличался сентиментальностью, уверен, жена это подтвердит. Я не пускаю слезу в кино или над книгой, редко мечтаю, а если когда-либо и жажду власти, то в соответствии с законом и нормами права. По большей части моя жизнь – жизнь юрисконсульта, специализирующегося на завещаниях, – прошла в общении с людьми, которые старательно готовятся к смерти. Вероятно, некоторые скажут, что мое собственное существование вряд ли преисполнено большого смысла. Но даже если они правы, что поделать? Я не ищу себе оправданий и никогда не искал; надеюсь, вы посмотрите сквозь пальцы на эту причуду, если дочитаете книгу до конца.

Пожалуйста, поймите меня правильно. Может быть, я и не сентиментален, но отнюдь не лишен чувств, и порой меня внезапно охватывает ощущение чуда. Например, я нахожу до странности трогательными самые обыкновенные вещи – гигантские секвойи в Сьерра-Неваде или волны, с шумом разбивающиеся о мыс Гаттерас и выбрасывающие тучи брызг. На минувшей неделе у меня перехватило дыхание, когда маленький мальчик, шагая рядом с отцом по тротуару, взял того за руку. Иногда я способен забыть о ходе времени, глядя на небо, затянутое облаками, или прислушиваясь к раскатам грома. Я всегда подхожу к окну, чтобы увидеть молнию. Когда ослепительная вспышка

освещает все вокруг, каждый раз меня переполняет смутная тоска. И я не в силах объяснить, чего именно мне недостает в такие моменты.

Меня зовут Уилсон Льюис, и я хочу поделиться с вами историей о свадьбе и браке. Несмотря на то что мы с Джейн прожили вместе тридцать лет, следует признать: другим наверняка известно о семейной жизни больше, чем мне. Если кто-нибудь спросит у меня совета, то вряд ли извлечет из него много пользы. Честно говоря, в браке я был эгоистичен, упрям и невежествен, как осел, и теперь мне больно это осознавать. И, оглядываясь назад, я понимаю: одно достоинство у меня все-таки есть – на протяжении тридцати лет я не переставал любить Джейн. Возможно, кто-нибудь скажет, что это само собой разумеется, но учтите: было время, когда я сомневался во взаимности своей любви.

Разумеется, все пары переживают взлеты и падения. Наверное, такова естественная природа людей, принявших решение быть вместе. За время нашей с Джейн жизни я потерял обоих родителей, она – мать, а потом ее отец тяжело заболел. Мы четырежды переезжали, и, хотя моя карьера складывалась успешно, мне пришлось многим жертвовать, чтобы удержаться на плаву. У нас трое замечательных детей, и мы не променяли бы это счастье на все сокровища Тутанхамона. Но должен признаться, бессонные ночи и регулярные визиты в клинику были нелегким, порой чрезмерным испытанием.

Подобные события чреваты стрессами, а когда двое людей живут бок о бок, они неизбежно выплескивают свои эмоции друг на друга. Насколько я могу судить, это одновременно благословение и проклятие брака. С одной стороны, у вас есть отдушина, с другой – в роли отдушины выступает близкий человек.

Почему я об этом заговорил? Я лишь хочу подчеркнуть: за эти годы я ни разу не усомнился в сильных чувствах к Джейн. Конечно, бывали дни, когда поутру за столом мы избегали встречаться взглядами, и все же я никогда не сомневался в своей любви. Порой я задумывался о том, как бы сложилась моя жизнь, если бы я женился на другой, но за все время, проведенное вместе, ни разу не пожалел о сделанном выборе. Мне казалось, наш брак устоялся окончательно, но вдруг я понял, что ошибаюсь. Это произошло около года назад, если быть точным, четырнадцать месяцев назад.

Что же случилось? – спросите вы.

Наверное, вы решите, что у меня начался кризис среднего возраста, под влиянием которого я либо завел любовницу, либо внезапно возжелал изменить свою жизнь. Ни то, ни другое. На самом деле мой проступок

незначителен и при других обстоятельствах со временем вполне мог бы стать темой для забавного анекдота. Но он причинил боль Джейн и детям, и именно с этого момента я поведу свой рассказ.

Это было 23 августа 2002 года. Я проснулся, позавтракал и провел день в офисе, как всегда. Честно говоря, я помню лишь, что ничего из ряда вон выходящего на работе не случилось. В обычное время я вернулся домой и был приятно удивлен, увидев, как Джейн готовит мое любимое блюдо. Когда она обернулась, чтобы поздороваться, мне показалось, жена ожидала увидеть в моих руках нечто иное, но точно не портфель. Часом позже мы сели ужинать, а потом, пока она убирала со стола, я ушел в кабинет, достал из портфеля бумаги и принялся их просматривать. Дочитав до конца первую страницу, я увидел, что Джейн стоит на пороге. Она вытирала руки кухонным полотенцем, и на ее лице отражалось разочарование, которое с течением времени я по крайней мере научился если не предупреждать, то распознавать.

– Ты ничего не хочешь сказать? – спросила она.

Я задумался, догадавшись, что за спокойным тоном кроется нечто большее. Возможно, Джейн намекала, что сделала новую прическу. Я присмотрелся, но ее волосы были уложены точь-в-точь как обычно. Много лет я учился замечать подобные нюансы. Мы не отрываясь смотрели друг на друга, и я понимал: надо прервать молчание.

– Как прошел день? – наконец поинтересовался я.

Джейн слегка улыбнулась в ответ и вышла.

Теперь я, конечно, знаю, чего она ждала, но тогда просто выкинул это из головы и снова взялся за работу, помянув про себя пресловутую женскую загадочность.

Вечером я едва успел лечь и устроиться поудобнее, как услышал прерывистый вздох. Джейн лежала, повернувшись ко мне спиной. По тому, как дрожали ее плечи, я тут же догадался, что жена плачет. Испуганный, я ожидал объяснений, но вместо этого Джейн вновь прерывисто задышала, как будто сдерживая рыдания. Мое горло инстинктивно сжалось, я ощутил возрастающий страх. Я старался не паниковать, не думать о том, что с ее отцом или с детьми беда или врач сообщил ей скверные новости... И мне не под силу помочь. Я коснулся ее плеча в надежде, что это каким-то образом утешит Джейн.

– Что случилось? – нежно спросил я.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джейн ответила. Она вздохнула и натянула одеяло на плечи.

– С годовщиной тебя, – прошептала она.

Двадцать девять лет назад мы поженились. Я слишком поздно об этом вспомнил и заметил в углу комнаты подарки, которые Джейн купила для меня, красиво завернула и сложила на комод.

Как просто. Я забыл об этом.

Я не пытаюсь найти оправдания. Что толку? Конечно, я попросил у нее прощения и извинился еще раз, утром, и в третий раз, вечером, когда преподнес Джейн духи в качестве подарка. Она улыбнулась, поблагодарила меня и похлопала по колену.

Сидя рядом с ней на кушетке, я осознавал, что люблю ее так же сильно, как и в день нашей свадьбы. Но потом, вероятно, впервые, я заметил печальный рассеянный взгляд Джейн и внезапно задумался: а любит ли она меня по-прежнему?

Глава 1

Невыносимо думать о том, что твоя жена, возможно, тебя не любит. Джейн унесла духи к себе, а я несколько часов провел на кушетке, гадая, чем все это может обернуться. Мне очень хотелось верить, что Джейн просто дала волю эмоциям и что я уделяю случившемуся больше внимания, нежели оно заслуживает. Но чем дольше я об этом думал, тем сильнее ощущал не только ее недовольство забывчивым супругом, но и какую-то застарелую меланхолию – как будто мой промах стал последней каплей в длинной череде ошибок.

Неужели наш брак разочаровал Джейн? Я понял это по выражению ее лица и принялся размышлять, что ждет нас в будущем. Может быть, Джейн задается вопросом, жить ли со мной и дальше. Не сожалеет ли она о том, что некогда вышла за меня замуж? Надо признать, мне нелегко давались рассуждения на подобные темы (а выводы вообще пугали), поскольку до нынешнего дня я предполагал, что Джейн столь же довольна мной, как и я ею.

Почему наши чувства изменились?

Наверное, многие сочли бы нашу жизнь заурядной. Как и большинство мужчин, я взял на себя обязанность содержать семью и целенаправленно делал карьеру. В течение тридцати лет я работал в юридической фирме «Эмбри, Саксон и Тандл» в Нью-Берне, и моих доходов (если разумно тратить деньги) вполне хватало. Думаю, нашу семью можно было назвать состоятельной. По выходным я с удовольствием играл в гольф и возился в саду, слушал классическую музыку и каждое утро читал газету. Джейн работала учительницей в начальной школе, но после замужества всецело посвятила себя воспитанию троих детей. Она занималась хозяйством, и самая ее большая гордость – это тщательно составленные фотоальбомы, раскрывающие историю нашей жизни. Мы живем в собственном доме, в гараже стоят две машины, даже фонтанчик в саду. Я – член клуба «Ротари»^[1] и торговой палаты. За годы семейной жизни мы накопили достаточную сумму, чтобы спокойно уйти на пенсию, выстроили на заднем дворе деревянные качели, на которых теперь некому качаться, посетили десятки родительских собраний, регулярно участвовали в выборах и каждое воскресенье жертвовали в фонд епископальной церкви. Сейчас мне пятьдесят шесть, я на три года старше Джейн. Невзирая на любовь к жене, иногда я думаю, что мы не подходим друг другу. Мы совершенно разные, и,

хотя противоположности притягиваются, я чувствую, что мне повезло больше, чем Джейн. Я бы хотел стать таким человеком, как Джейн. Мое кредо – «Стоицизм и логика», а Джейн добрая и отзывчивая, у нее природная способность к сопереживанию, благодаря чему все ее так любят. Она часто смеется и легко заводит друзей. С течением времени я начал понимать, что изрядная доля моих приятелей – это фактически мужья подруг Джейн, но, наверное, так оно и бывает у большинства семейных пар нашего возраста. Впрочем, я благодарен жене: она выбирает себе друзей, неизменно памятуя обо мне, поэтому на вечеринках я не страдаю от одиночества. Если бы в моей жизни не было Джейн, возможно, я бы превратился в отшельника.

И еще меня очаровывает то, что Джейн выражает свои эмоции с детской непосредственностью. Если ей грустно, она плачет, если радостно – смеется, и, кроме того, Джейн обожает сюрпризы. В эти минуты она очаровательна, одни лишь воспоминания о каком-нибудь давнем сюрпризе способны пробудить в Джейн прежнее волнение. Иногда, когда жена дремлет, я спрашиваю, о чем она думает, и Джейн мечтательно вспоминает что-нибудь, о чем я давно забыл. И эта ее черта не перестает меня восхищать.

Джейн обладает на диво нежным сердцем, но она во многом сильнее, чем я. Ее ценности и упования, как и у большинства южанок, в основе своей имеют веру в Бога и семью, она видит мир лишь в черно-белых тонах и делит его исключительно на добро и зло. Трудные решения жена принимает мгновенно и почти всегда оказывается права, тогда как я, наоборот, начинаю взвешивать бесчисленные варианты и предугадывать собственные действия. В отличие от меня Джейн редко задумывается о том, что скажут другие, – это признак уверенности, которой так недостает мне. В этом я завидую жене.

Видимо, наши различия коренятся в воспитании. Джейн выросла в маленьком городке, она была младшей из четырех детей, и родители ее обожали. А я вырос в Вашингтоне в семье адвокатов, и мои родители редко появлялись дома раньше семи часов вечера. В итоге почти все свободное время я проводил в одиночестве – и до сих пор лучше всего чувствую себя в тишине кабинета.

Как я уже упоминал, у нас трое детей, и, хотя моя любовь к ним безгранична, они принадлежат Джейн. Она выносила их и воспитала; с ней они чувствуют себя гораздо уютнее. Иногда я жалею о том, что мало общался с ними, а затем утешаюсь мыслью, что Джейн вполне компенсировала им мое отсутствие. Теперь дети выросли и живут

собственной жизнью. Сын переехал в другой штат, и мы считаем, что нам повезло, так как обе дочери регулярно нас навещают. Джейн заботливо держит в холодильнике любимые лакомства девочек на тот случай, если они проголодаются. Когда они приезжают, то болтают с матерью часами.

Старшей, Анне, двадцать семь. Она брюнетка с карими глазами, и ее внешность идеально соответствует характеру. В детстве она была мрачной и задумчивой – проводила целые дни, запершись в комнате, слушала музыку и писала дневник. Тогда она казалась мне совсем чужой; я неделями не слышал от нее ни единого слова и ломал голову над тем, чем вызвано такое отношение. Со мной она общалась лишь вздохами и кивками, а если я спрашивал, все ли в порядке, Анна смотрела на меня как на безумца. Впрочем, Джейн, кажется, не видела в этом ничего странного и считала, что Анна проходит типичную для девочки фазу развития, но дочь по крайней мере с ней общалась. Иногда, проходя мимо ее комнаты, я слышал, как Анна и Джейн шепчутся, но если они догадывались о моем присутствии за дверью, то немедленно замолкали. Позже, когда я спрашивал, о чем шла речь, Джейн пожимала плечами и отмахивалась, как будто их единственной целью было держать меня в неведении.

И все же Анна оставалась моей любимицей, потому что была первенцем. Видимо, она и сама это сознавала. Со временем я начал понимать, что даже в отрочестве она любила меня сильнее, чем мне представлялось. Я прекрасно помню, как Анна проскальзывала в кабинет, пока я возился с документами, и принималась бродить по комнате и рассматривать корешки книг, но стоило ее окликнуть, и она исчезала столь же тихо, как и появлялась. В итоге я научился не беспокоить дочь, поэтому иногда она проводила в кабинете целый час, наблюдая за тем, как я работаю. Если я смотрел на нее, она заговорщицки улыбалась и явно наслаждалась игрой. Теперь, как и прежде, я не всегда ее понимаю, но те моменты навечно запечатлелись в памяти.

Сейчас Анна работает в «Роли ньюс», но, кажется, мечтает стать писателем. В колледже она активно сочиняла, и все ее истории были такими же мрачными, как она сама. Помнится, я читал одну повесть, героиня которой, молодая девушка, становится проституткой, чтобы содержать больного отца, некогда изнасиловавшего ее. Добравшись до конца, я задумался о том, какой же вывод мне надлежит сделать.

Еще Анна безумно влюблена. Моя дочь, всегда крайне осмотрительная в вопросах выбора, становится стократ осторожнее, когда дело касается мужчин. Слава Богу, Кит прекрасно с ней ладит. Он – будущий ортопед и держится с уверенностью человека, знающего, почем фунт лиха. Джейн

рассказала мне, что на первом свидании Кит и Анна отправились кататься на дельтаплане. Когда дочь привела его к нам знакомиться, он появился в спортивном пиджаке, чисто выбритый и пахнувший одеколоном. Мы пожали друг Другу руки, Кит взглянул мне в глаза и сказал: «Я очень рад встрече с вами, мистер Льюис».

Джозеф на год младше Анны. Он всегда зовет меня отец, единственный из детей. И опять-таки у нас мало общего. Джозеф высок и строен, из одежды предпочитает джинсы, а когда гостит у нас на Рождество или День благодарения, то ест только овощи. В детстве он был тихим ребенком, но, как и у Анны, его сдержанность, судя по всему, распространялась исключительно на меня. Окружающие хвалили его чувство юмора, но, если честно, я редко замечал у Джозефа это качество. Мне частенько казалось, что сын пытается произвести на меня впечатление.

Как и Джейн, еще в раннем детстве он отличался чуткостью. От волнения Джозеф грыз ногти, так что начиная с пяти лет они у него постоянно были обкусаны до мяса. Разумеется, когда я предложил ему заняться изучением экономики, он проигнорировал мой совет и выбрал социологию. Теперь Джозеф работает в нью-йоркском приюте для женщин, подвергшихся дурному обращению. Он почти не рассказывает о своих делах. Наверное, он точно так же удивляется мне, как и я ему; и все-таки, несмотря на все различия, именно с Джозефом мы ведем те самые разговоры, о которых я так мечтал, когда дети были маленькими. Он очень умен и с отличием окончил колледж, у него широкий спектр интересов – от проблем дискриминации на Ближнем Востоке до фрактальной геометрии. Джозеф потрясающе честен, иногда до абсурда, и, естественно, все эти черты ставят меня в невыгодное положение, когда дело доходит до споров. Пусть иногда меня раздражает его упрямство, но в такие минуты я особенно горжусь тем, что Джозеф – мой сын.

Лесли, наша младшая, с упорством изучает в Уэйк-Форест биологию и физиологию, она мечтает стать ветеринаром. Вместо того чтобы проводить летние каникулы дома по примеру других студентов, она занимается дополнительно, надеясь получить диплом раньше срока, а по вечерам работает на ферме. Из всех троих она самая общительная и смеется точь-в-точь как Джейн. В детстве она тоже любила бывать в моем кабинете, но в отличие от Анны бурно радовалась, когда я уделял ей максимум внимания. Ребенком она с удовольствием сидела у меня на коленях и тянула за уши, став постарше, забредала в кабинет и рассказывала анекдоты. Мои полки завалены подарками от Лесли – глиняными поделками, которые она сама

сделала, карандашными набросками, оригами. Лесли всегда была открыта для любви – она первой неслась обнимать и целовать бабушку с дедушкой и охотно смотрела романтические фильмы, свернувшись на кушетке. Неудивительно, что три года назад на встрече выпускников ее провозгласили королевой.

Лесли тоже очень добра. На день рождения она неизменно приглашала весь класс из опасения ранить чьи-либо чувства, а в девять лет однажды целый вечер бродила по пляжу, потому что нашла в воде часы и вознамерилась вернуть их владельцу. Из всех детей она причиняла мне меньше всего тревог; когда Лесли приезжает в гости, я бросаю все дела, чтобы провести с ней время. Ее энергия заразительна, когда мы вместе, я искренне удивляюсь своему счастью.

После отъезда детей дом изменился. Раньше в нем гремела музыка, а сейчас царит тишина, прежде кладовка была набита восемью видами сладких хлопьев, а сейчас можно обнаружить один-единственный. Мебель в детских комнатах осталась прежней, но теперь не сразу определишь, где чья спальня, потому что со стен исчезли плакаты и фотографии. В доме, где некогда нам так уютно жилось впятером, стало пусто, и эта зловещая пустота напоминала о том, какой на самом деле должна быть жизнь. Поначалу я полагал, что именно разлука с детьми повлияла на чувства Джейн.

И все же, невзирая на причину, я не мог отрицать, что мы отдаляемся друг от друга. Чем больше я думал об этом, тем чаще замечал, что трещина между нами становится все шире. Когда-то мы были влюбленной парочкой, потом стали родителями (нормальное и даже неизбежное явление, на мой взгляд), но спустя двадцать девять лет как будто вновь превратились в посторонних. Похоже, вместе нас удерживала лишь привычка. Мы мало соприкасались: вставали в разное время, проводили день в разных местах, а по вечерам предавались разным развлечениям. Я немного знал о делах Джейн и почти не рассказывал ей о своих. Даже не помню, когда мы в последний раз обсуждали что-нибудь экстраординарное.

Через две недели после годовщины, впрочем, такой разговор состоялся.

– Уилсон, нам надо поговорить, – сказала Джейн.

Я взглянул на нее. На столе между нами стояла бутылка вина, ужин был почти окончен.

– Да?

– Я хочу съездить в Нью-Йорк и погостить у Джозефа.

– Разве он не приедет на праздники?

– Я ведь собираюсь не на месяц. И потом, Джозеф не смог приехать летом. Я подумала, что ради разнообразия сама его навещу.

В глубине души я понимал, что уехать вдвоем на несколько дней – неплохая идея. Возможно, Джейн именно это и имела в виду; я с улыбкой взял бокал.

– Прекрасная мысль, – согласился я. – Мы не были в Нью-Йорке с тех пор, как Джозеф туда перебрался.

Джейн улыбнулась и опустила взгляд.

– И еще кое-что...

– Что?

– Ты ведь так занят, и я знаю, как тебе трудно куда-либо выбраться...

– Полагаю, что смогу выкроить пару дней, – сказал я, мысленно просматривая свое рабочее расписание. – Когда ты хочешь ехать?

– В том-то и дело...

– В чем?

– Уилсон, пожалуйста, выслушай, – произнесла Джейн и глубоко вздохнула, даже не стараясь скрыть усталость. – Мне бы хотелось погостить у Джозефа одной.

На мгновение я растерялся.

– Ты расстроен? – спросила она.

– Нет, – поспешно ответил я. – С чего бы мне расстраиваться? – Чтобы доказать свое спокойствие, я отрезал себе еще мяса. – Так когда ты собираешься ехать?

– На следующей неделе. В четверг.

– В четверг?

– Я уже взяла билет.

И хотя на тарелке у нее еще оставалась еда, Джейн встала и отправилась на кухню. Она избегала моего взгляда, и я заподозрил, что жена не договорила, но не знает, как бы сформулировать свою мысль. Я сидел за столом один, обернувшись, можно было увидеть в профиль лицо Джейн, стоящей около раковины.

– Надеюсь, ты хорошо проведешь время, – сказал я с напускной беззаботностью. – И Джозеф будет в восторге. Может быть, сходите в театр или еще куда-нибудь.

– Может быть, – отозвалась она. – Зависит от того насколько он занят.

Джейн включила воду, и я понес свою тарелку в раковину. Жена молчала.

– Да, это отличные планы на выходные, – заметил я.

Она взяла тарелку и принялась ее мыть, а потом добавила:

– Да, кстати...

– Что?

– Я собираюсь остаться не только на выходные.

Я внезапно напрягся.

– А сколько же ты собираешься там пробыть?

Джейн поставила чистую тарелку на стол.

– Недели две.

Конечно, я не винил Джейн за то, что наш брак свернул с наезженной колеи. Я понимал, что по большей части сам тому виной, пусть даже еще и не осознавал, как и почему. Признаюсь, я никогда не был тем человеком, каким меня хотела видеть Джейн, даже в самом начале нашей семейной жизни. Она мечтала, чтобы я был чуть более романтичным – таким, как ее отец, Ной. Этот человек часами мог держать жену за руку или нарвать для нее букет полевых цветов по пути с работы домой. Их отношения очаровывали Джейн даже в детстве. Раз за разом я слышал, как она, болтая по телефону с сестрой, Кейт, удивлялась, отчего мне трудно быть романтичным. Не то чтобы я не пытался – просто, видимо, я понятия не имел, каким образом можно заставить ее сердце трепетать. В нашей семье как-то не принято было часто обниматься и целоваться, поэтому мне неловко выказывать эмоции в присутствии других, особенно детей. Однажды я заговорил об этом с тестем, и он посоветовал мне написать жене письмо. «Объясни, почему ты ее любишь», – предложил он. Это было двенадцать лет назад. Помнится, я попытался последовать его совету, но стоило занести ручку над бумагой, как из головы улетучились все подходящие случаю слова. В итоге я сдался. В отличие от Ноя я всегда испытывал смущение, когда речь заходила о чувствах. Я человек спокойный, надежный, верный, вне всякого сомнения. Но романтика для меня такая же тайна, как и переселение душ.

Просто удивительно, сколько мужчин мучится из-за таких же проблем.

Когда я позвонил в Нью-Йорк, к телефону подошел Джозеф.

– Привет, отец, – поздоровался он.

– Привет. Как дела?

– Ничего себе, – ответил он и после мучительно долгой паузы поинтересовался: – А у тебя?

Я переступил с ноги на ногу.

– Нормально. У нас здесь тихо. – Я помолчал. – Как там мама?

– Хорошо. Я ей скучать не даю.

– Покупки и экскурсии?

– Ну да. А в основном мы просто разговариваем. Я узнал много

нового.

Я помедлил. Интересно, на что он намекает? Но Джозеф, видимо, не собирался развивать эту тему.

– Мама дома? – спросил я, изо всех сил стараясь говорить бодро.

– Нет, пошла в магазин. Вернется через пару минут, так что можешь перезвонить.

– Ничего страшного. Передай ей, что я звонил.

– Обязательно... – Джозеф сделал паузу. – Отец, я хотел кое о чем спросить.

– О чем?

– Ты действительно забыл про годовщину?

Я глубоко вздохнул:

– Да. Забыл.

– Как?

– Не знаю. Я все время помнил, а когда этот день настал, у меня просто вылетело из головы. Мне очень стыдно.

– Мама огорчилась, – сказал Джозеф.

– Несомненно.

На другом конце провода снова воцарилась тишина.

– Ты понимаешь почему? – наконец спросил сын.

Я не ответил, но прекрасно знал ответ.

Джейн не хотела, чтобы мы уподобились тем пожилым парам, которые неизменно пробуждали в нас сострадание. Такие люди обычно очень вежливы. Муж подвигает жене кресло и помогает снять пальто, жена заказывает любимое блюдо мужа. Они в точности знают вкусы и пристрастия друг друга (это достигается годами совместной жизни): яичницу не солить, а на тост намазать побольше масла.

Но потом, когда официант удаляется с заказом, оба не произносят ни слова. Они молча пьют и смотрят в окно в ожидании еды. Они могут еще обменяться парой слов с официантом – например, попросить кофе, – а затем немедленно погружаются в собственные мысли. В течение всего вечера они сидят, как посторонние, которые случайно оказались за одним столом. Создается впечатление, что наслаждаться обществом друг друга для них слишком большое усилие.

Может быть, это преувеличение, но порой я задумывался, что доводит людей до такой жизни.

И теперь, когда Джейн уехала в Нью-Йорк, меня вдруг посетила мысль о том, что мы, вероятно, катимся в ту же пропасть.

Встречая жену в аэропорту, я ощутил странное волнение, Это было

неприятное чувство, и я с облегчением увидел мимолетную улыбку на лице Джейн, которая шла ко мне, Я забрал у нее чемодан и поинтересовался:

– Как поездка?

– Все хорошо, – улыбнулась Джейн, – Понятия не имею, отчего Джозефу так нравится Нью-Йорк. Там слишком шумно. Я бы не выдержала.

– Ты рада, что вернулась?

– Да. Только очень устала.

– Не сомневаюсь. Путешествия – это утомительно.

Мы помолчали. Я взял чемодан в другую руку.

– Как поживает Джозеф?

– Хорошо. Кажется, он слегка поправился с тех пор, как мы видели его в последний раз.

– Неужели в его жизни не происходит ничего необычного?

– В общем, нет, – ответила Джейн. – Он много работает. Такова уж его натура.

В ее голосе прозвучала непонятная грусть. Я задумался и тут же заметил юношу и девушку, которые обнимались и целовались с таким пылом, словно не виделись много лет.

– Хорошо, что ты снова дома, – сказал я.

Джейн взглянула на меня и перевела взгляд на багажный транспортер.

– Конечно.

* * *

Таково было положение дел год назад.

Хотелось бы мне сказать вам, что все наладилось сразу же после возвращения Джейн, но, увы, нет. Жизнь продолжалась, как и прежде, мы существовали сами по себе, один ничем не примечательный день сменялся другим. Джейн, в общем, не сердилась, но и счастливой не выглядела, а я понятия не имел, что предпринять для изменения неприятной ситуации. Как будто между нами незаметно выросла стена равнодушия и отчуждения. В конце осени, спустя три месяца после годовщины, я стал серьезно задумываться о будущем наших отношений. Я даже решился на разговор с тестем.

Если бы вы знали Ноя Кэлхоуна, то поняли бы, отчего я в тот день отправился к нему. Они с женой Элли перебрались в Крик-Сайд, в дом престарелых, одиннадцать лет назад, в сорок шестую годовщину брака. Я

не удивился, не застав Ноя в комнате. Чаще всего, когда я его навещал, он сидел на скамейке у пруда. Я выглянул в окно, чтобы удостовериться.

Даже издали я без труда его узнал – пряди седых волос, слегка развеваемые ветром, сутулые плечи, светло-синий свитер, который недавно связала для него Кейт. Ему было восемьдесят семь – вдовец с изуродованными артритом руками и слабым здоровьем. В кармане Ной носил пузырек с нитроглицерином и страдал от рака простаты, но куда сильнее врачей беспокоило его психическое состояние. Несколько лет назад они вызвали нас с Джейн и мрачно сообщили, что Ноя мучат галлюцинации. Я, впрочем, не особо поверил. Полагал, что знаю старика лучше, чем кто бы то ни было, и уж точно лучше, чем врачи. Не считая Джейн, Ной был моим самым близким другом; когда я увидел его одинокую фигуру, то немедленно вспомнил все, что ему пришлось пережить.

Его собственный брак завершился пять лет назад, хотя циники, наверное, скажут, что это произошло куда раньше. В последние годы жизни Элли страдала от болезни Альцгеймера, чертовски неприятного недуга. В конце концов, что представляют собой люди без воспоминаний и иллюзий? Наблюдать за течением болезни было все равно что смотреть фильм о неизбежной трагедии. Нам с женой приходилось нелегко, когда мы навещали родителей, Джейн хотела запомнить мать другой, какой она была прежде, и я никогда не принуждал ее ездить к ней чаще, потому что мне самому становилось больно. А Ною было тяжелее всех.

Но это уже другая история.

Выйдя из комнаты, я направился во двор. Утро выдалось прохладное, даже для ноября. Листья блестела в косых лучах солнца, в воздухе слабо пахло дымом. Это было любимое время года Элли, и я всем сердцем ощутил, как одинок Ной. По своему обыкновению, он кормил лебедя; я подошел и поставил пакет около скамейки. В нем лежали три буханки хлеба. Ной всегда просил привезти ему одно и то же.

– Здравствуйте, Ной, – сказал я.

Я понимал, что вполне могу называть его папа, как Джейн называла моего отца, но отчего-то мне было неловко, и Ной не настаивал.

Он обернулся при звуках моего голоса.

– Привет, Уилсон. Спасибо, что заглянул.

Я положил руку ему на плечо.

– Как поживаете?

– Могло быть и лучше. – Ной лукаво ухмыльнулся. – Хотя, впрочем, могло быть и хуже.

Именно этими фразами мы неизменно обменивались при встрече. Ной похлопал по скамье рядом с собой, я сел и взглянул на пруд. На его поверхности хаотично плавали опавшие листья, в воде отражалось безоблачное небо.

– Я хочу кое-что у вас спросить, – начал я разговор.

– Что? – Ной отломил кусок хлеба и бросил в воду. Лебедь быстро подцепил его клювом.

– Насчет Джейн, – добавил я.

– Джейн... – пробормотал он. – Как она поживает?

– Хорошо. – Я заерзал, почувствовав себя неуютно. – Она как-нибудь заглянет к вам.

В последние годы мы частенько навещали Ноя то вместе, то порознь. Интересно, о чем они говорили без меня.

– А дети?

– У них тоже все в порядке. Анна пишет статьи, Джозеф наконец нашел квартиру. Где-то в Куинсе, рядом с метро. Лесли отправилась на выходные в горы с друзьями. Она отлично сдала экзамены.

Ной кивнул, не спуская глаз с лебедя.

– Ты счастливчик, Уилсон, – сказал он. – Тебе повезло, что все они выросли прекрасными людьми.

– Конечно.

Мы помолчали. Если смотреть вблизи, морщинки на его лице напоминали ущелья, а сквозь истончившуюся кожу рук виднелись вены. В парке никого, кроме нас, не было. Холод загнал обитателей Крик-Сайда в дом.

– Я забыл про нашу годовщину, – вдруг сказал я.

– Э?

– Двадцать девять лет.

– Хм...

Было слышно, как шелестят на ветру сухие листья.

– Я беспокоюсь, – наконец признался я.

Ной внимательно посмотрел на меня. Сначала мне показалось, что сейчас он спросит о причинах беспокойства, но вместо этого старик прищурился, изучая мое лицо, а затем отвернулся, бросил лебедю еще кусок хлеба и заговорил. Голос у него был мягкий и низкий – старческий баритон с мягким южным акцентом.

– Помнишь, как я читал Элли, когда она заболела?

– Да, – ответил я, и на меня нахлынули воспоминания.

Ной читал жене отрывки из дневника, который он вел до того, как они

перебрались в Крик-Сайд. Это была история их любви. Иногда, послушав мужа, Элли вдруг обретала ясность мысли, невзирая на разрушительное действие болезни. Увы, ненадолго – но в те редкие минуты улучшение было настолько несомненным, что в Крик-Сайд смотреть на чудо приезжали врачи из Чапел-Хилла. Чтение помогало Элли, вне всяких сомнений. Впрочем, специалисты так и не сумели выяснить почему.

– Ты знаешь, зачем я это делал? – спросил Ной.

– Наверное, это помогало Элли, – предположил я. – И потом, она ведь сама попросила вас.

– Да, конечно. – Ной сделал паузу. Воздух вырывался из его груди со свистом, точно из недр старого аккордеона. – Но не только. Я делал это и для себя. Мало кто понимал...

Ной замолк, но я сообразил, что он еще не закончил. Лебедь перестал описывать круги и подплыл ближе. Не считая черного пятнышка на груди размером с долларовую монету, он был цвета слоновой кости. Птица застыла на месте, когда Ной вновь заговорил:

– Знаешь, что я помню лучше всего?

Я понял, что он говорит о тех редких днях, когда Элли еще узнавала его, и покачал головой:

– Нет, не знаю.

– Как я влюбился. Вот что я помню. И когда ей становилось лучше, мы как будто начинали все сначала. – Ной улыбнулся. – Каждый раз, когда я читал Элли, то как будто вновь ухаживал за ней, и иногда она опять в меня влюблялась, совсем как много лет назад. Это самое удивительное чувство на свете. Всем ли выпадает такой шанс – влюбляться друг в друга снова и снова?

Он не ждал ответа, и я промолчал.

Мы провели вместе целый час, беседуя о детях и о здоровье. Ни слова более о Джейн и Элли. Разговор с Ноем заставил меня задуматься. Несмотря на тревоги врачей, Ной был в здравом уме. Он не только знал, что я непременно его навещу, но и угадал причину моего визита. В своей типично южной манере он подсказал мне решение проблемы еще до того, как я успел задать вопрос.

И тогда я понял, что следует сделать.

Глава 2

Я вновь начну ухаживать за Джейн.

Как просто, не правда ли? Что может быть легче? Тем более что в нынешнем положении вещей есть свои несомненные плюсы. Во-первых, мы с Джейн живем в одном доме, и после тридцати лет совместной жизни нет нужды начинать с самого начала. Обойдемся без разговоров о родственниках, без смешных историй о детстве, без взаимных расспросов и сравнений. Некоторые детали, о которых на ранней стадии отношений люди предпочитают умалчивать, нам уже давно известны. Джейн, например, знает, что я храплю, поэтому нет необходимости скрывать это от нее. С другой стороны, я видел жену во время болезни, и мне все равно, как выглядит ее прическа поутру.

Подытожив все это, я решил, что на этот раз завоевать сердце Джейн будет нетрудно. Нужно просто воссоздать то, что было между нами много лет назад. Так поступил Ной, когда принялся читать Элли свой дневник. Но постепенно я пришел к выводу, что никогда не догадаюсь, чем именно покорила Джейн. Я считал себя ответственным, но в годы моей юности женщины вряд ли находили эту черту характера особенно привлекательной. В конце концов, я был ребенком эпохи «беби-бума» и привык к тому, что мои прихоти удовлетворялись в первую очередь.

Мы с Джейн познакомились в 1971 году. Мне было двадцать четыре, я учился на втором курсе и очень серьезно относился к занятиям. Ни один сосед по комнате не выдерживал со мной более семестра, потому что я частенько засиживался над книгами за полночь. Большинство моих однокурсников рассматривали учебу как череду выходных, перемежаемых скучными лекциями, тогда как я считал колледж важным шагом в будущее.

Джейн была первой, кто назвал меня застенчивым. Мы познакомились субботним утром в кафе. Стоял ноябрь, и задания в середине семестра становились все труднее. Опасаясь отстать в учебе, я направился в кафе, чтобы позаниматься без помех.

Официантка, подошедшая принять у меня заказ, была Джейн. Даже теперь я прекрасно помню эту минуту. Темные волосы, собранные в хвост, выразительные шоколадно-карие глаза, контрастирующие с нежной молочного цвета кожей, ярко-синее платье с черным передником. Меня поразило, как просто она улыбнулась, словно благодаря за то, что я сел именно здесь. Когда она спросила про заказ, я услышал отчетливый

певучий акцент уроженки Северной Каролины.

Тогда, конечно, я еще не знал, что в итоге мы вместе поужинаем, но на следующий день я снова пришел в кафе и сел за тот же столик. Она улыбнулась, и мне, безусловно, стало приятно от того, что девушка меня помнит. Эти визиты продолжались по выходным в течение месяца, мы ни разу не завязали разговор и даже не поинтересовались, кого как зовут, но вскоре я заметил, как путаются мысли, если темноволосая официантка приближается к столику. Почему-то от нее пахло корицей.

Честно говоря, я с трудом находил общий язык с противоположным полом. В старших классах я не принадлежал к числу популярных учеников, которые занимались спортом или входили в школьный совет. Я увлекался шахматами и даже организовал клуб, который постепенно разросся до одиннадцати человек. К сожалению, все это были мальчишки. Невзирая на недостаток опыта, на первом курсе колледжа я несколько раз ходил на свидания и неплохо проводил время. Но поскольку твердо решил не завязывать серьезных отношений, не обеспечив себе материальной базы, мне так и не удалось близко познакомиться ни с одной из этих девушек. Они быстро улетучивались из моей жизни и памяти.

Но частенько и притом в самые неожиданные минуты я ловил себя на мысли о темноволосой официантке. Неоднократно я задумывался о ней на лекции и воображал, как она движется по аудитории в черном переднике, раздавая меню. Эти образы смущали меня и вставали передо мной вновь и вновь.

Понятия не имею, чем бы все закончилось, если бы Джейн не взяла инициативу в свои руки. Большую часть утра я провел над книгами в клубах сигаретного дыма, витавшего в кафе, когда вдруг хлынул дождь – холодный, с сильными порывами ветра, настоящий ураган, пришедший с гор. Я, разумеется, на всякий случай захватил с собой зонтик.

Когда официантка подошла к столику, я поднял взгляд, ожидая добавки кофе, но вместо этого увидел, что она сняла передник и распустила густые волосы. Они каскадом рассыпались по плечам.

– Вы не могли бы проводить меня до машины? – попросила она. – У вас ведь есть зонтик, а мне бы не хотелось вымокнуть.

Было невозможно ей отказать, поэтому я немедленно собрал учебники, и мы зашлепали по глубоким лужам. Девушка касалась меня плечом. Пока мы пересекали улицу под проливным дождем, она крикнула, что ее зовут Джейн и что она учится в женском колледже Мередит. Джейн изучала английский язык и литературу и после выпуска мечтала работать в школе. Я молчал и заботился лишь о том, чтобы она не промокла. Я думал, что она

сразу же сядет в машину, как только мы до нее доберемся, но Джейн обернулась ко мне и сказала:

– А ты застенчивый.

Я не знал, что ответить, и, видимо, она разгадала выражение моего лица, потому что расхохоталась.

– Ничего страшного, Уилсон. Мне нравятся застенчивые.

Наверное, я должен был удивиться, откуда Джейн известно мое имя. Но я не удивился. Она стояла под проливным дождем, по ее лицу текла тушь, а я думал, что в жизни не встречал никого прекраснее.

Моя жена по-прежнему красива. Конечно, ее красота с годами стала менее яркой. На нежной коже появились морщинки, бедра и живот слегка пополнели, но я все так же преисполняюсь вожделения, когда вижу, как она раздевается перед сном.

В последние годы мы нечасто занимались любовью, и нам, конечно, недоставало волнения и непосредственности, которыми мы так наслаждались в молодости. Но больше всего я скучал не по сексу как таковому. Я тосковал по давно забытому выражению желания в глазах Джейн, по прикосновению, по жесту, который дал бы понять, что она хочет меня так же сильно, как и я ее. Хоть что-нибудь. Я ждал от нее любого сигнала.

Но как, размышлял я, воскресить былое? Да, я понимал, что придется вновь ухаживать за Джейн, но это далеко не так просто, как кажется. Тот факт, что мы хорошо знаем друг друга, который должен был облегчить задачу, на самом деле только усложнил ее. Разговоры за столом оставались по-прежнему однообразными. В течение нескольких недель после визита к Ною я проводил долгие вечера в кабинете, изобретая новые темы для бесед, но они неизменно оказывались надуманными и быстро изживали себя. Мы возвращались к привычному разговору о детях и работе.

Я осознавал, что образ нашей жизни мало способствует оживлению страсти. В течение долгих лет мы порознь проводили день, исполняя свои по большей части различные обязанности. На заре семейной жизни я просиживал в офисе долгие часы, в том числе по вечерам и по выходным, для того, чтобы со временем сделаться достойным партнером. Из отпуска я всегда возвращался раньше срока. Возможно, я прикладывал слишком много усилий к тому, чтобы произвести впечатление на Эмбри и Саксона, но мне не хотелось надеяться на удачу, поскольку нужно было содержать увеличивающуюся семью. Теперь я понимаю, что погоня за карьерой в сочетании с моей природной замкнутостью отдаляла меня от жены и детей. В собственном доме я был посторонним.

Пока я занимался делами, у Джейн хватало забот с детьми. По мере того как их потребности становились все более многочисленными, она превратилась в сплошной сгусток энергии, который носился по всему дому. Были годы, когда мы частенько ужинали порознь, и хотя иногда такой порядок вещей казался мне неправильным, я ничего не делал для того, чтобы его изменить.

Возможно, мы привыкли к подобному образу жизни, но как только дети перестали требовать нашего неусыпного внимания, мы оказались не в силах заполнить зияющую между нами пустоту. И, невзирая на все мои опасения и волнения, выбиться из наезженной колеи было все равно что прокопать ложкой туннель в гранитной стене.

Не то чтобы я не пытался. В январе, например, я купил поваренную книгу и начал регулярно готовить ужины по субботам. Надо сказать, что некоторые блюда выходил и довольно оригинальными и вкусными. Помимо традиции играть в гольф, я трижды в неделю по утрам отправлялся на прогулку, надеясь немного сбросить вес. Несколько вечеров я даже провел в книжном магазине, в отделе психологических справочников, пытаюсь понять, что еще можно предпринять. Как, по словам экспертов, придать браку интерес? Главное, говорили они, – внимание, сочувствие, привязанность и влечение. Я решил, что в данных словах есть определенный смысл, и направил всю энергию на реализацию своего маленького плана. Теперь я проводил с Джейн больше времени по вечерам, вместо того чтобы сидеть в кабинете, чаще говорил ей комплименты. Когда она рассказывала о делах, я внимательно слушал и кивал в подходящие моменты, чтобы показать свой неподдельный интерес.

Я не питал никаких иллюзий по поводу того, что подобные средства волшебным образом вернут мне расположение жены, и не надеялся, что это произойдет быстро. Если на то, чтобы отдалиться друг от друга, у нас ушло двадцать девять лет, за несколько недель можно лишь попытаться заложить камень, означающий начало долгого пути. Пусть даже положение дел слегка улучшилось, процесс шел медленнее, чем хотелось бы. В конце весны я пришел к выводу, что в придачу к этим ежедневным усилиям необходимо сделать что-то еще. Нужно показать Джейн, что она по-прежнему – самое главное в моей жизни. Однажды вечером, когда я просматривал семейный альбом, меня посетила идея.

На следующее утро я проснулся, полный энергии и благих намерений. Я понимал, что план надлежит разработать втайне и очень тщательно, поэтому первым делом завел отдельный почтовый ящик. Впрочем, далеко я не продвинулся, потому что у Ноя случился удар.

Это был не первый удар в его жизни, но зато самый серьезный. Он пролежал в больнице почти полтора месяца, и внимание Джейн было полностью отдано ему. Она находилась в клинике целый день, а вечером выглядела слишком измученной и расстроенной для того, чтобы оценить мои усилия. В конце концов Ной вернулся в Крик-Сайд и снова принялся кормить лебедя на пруду, но, так или иначе, все мы поняли, что долго на этом свете он не протянет. Я провел много часов, утешая Джейн и тихонько вытирая ее слезы.

Из всего, что было сделано за прошедший год, лишь это она оценила по достоинству. Было ли причиной тому мое неизменное спокойствие, или же усилия последних месяцев наконец дали результат, но время от времени я начал замечать со стороны Джейн новые порывы нежности. Хотя это случалось нечасто, я от души ими наслаждался и надеялся, что наши отношения каким-то образом наладятся.

Слава Богу, Ной шел на поправку. В начале августа минул почти год с тех пор, как я забыл о годовщине. Благодаря регулярным прогулкам я сбросил около двадцати фунтов и обрел привычку ежедневно ходить на почту. Я трудился над своим замыслом, сидя на работе, чтобы сохранить тайну от Джейн. Вдобавок я решил взять двухнедельный отпуск в преддверии нашей тридцатой годовщины – самый длинный отпуск в моей жизни – и провести его с женой. Учитывая то, что случилось год назад, мне хотелось, чтобы празднование грядущей годовщины запомнилось навсегда.

А потом, вечером в пятницу (за восемь дней до праздника), случилось то, чего мы с Джейн не забудем никогда.

Мы сидели в гостиной – я читал биографию Теодора Рузвельта, устроившись в своем любимом кресле, а Джейн листала каталог. Внезапно в дом влетела Анна. На тот момент она по-прежнему жила в Нью-Берне, но недавно заплатила первый взнос за квартиру в Роли и через пару недель собиралась туда переехать с Китом.

Невзирая на жару, Анна была одета в черное, в ушах у нее красовались по две серьги, а губная помада, на мой взгляд, могла бы быть и побледнее. К тому времени я уже привык к готическим предпочтениям дочери, но когда Анна села, вновь поразился, как она походит на Джейн. Анна покраснелась, скрестила руки на груди, словно пытаясь собраться с силами.

– Мама и папа, – объявила она, – я кое-что должна вам сказать.

Джейн отложила каталог. Видимо, по голосу Анны она поняла: случилось что-то серьезное. В последний раз, когда дочь вела себя таким же образом, она сообщила нам, что собирается жить с Китом.

Конечно, она взрослая, и я ничего тут не могу поделать.

– В чем дело, милая? – спросила Джейн.

Анна перевела взгляд с матери на меня, потом снова на нее и глубоко вздохнула.

– Я выхожу замуж, – ответила она.

Я начинаю подозревать, что дети существуют исключительно ради того, чтобы огорошивать своих родителей всяческими сюрпризами, и Анна – не исключение.

Честно говоря, все, что связано с детьми, – это сплошной сюрприз. Обычно люди жалуются, что первый год брака самый трудный, но только не для нас с Джейн. И седьмой год, переломный для многих пар, мы тоже пережили благополучно.

Для нас самым нелегким временем (не считая, конечно, последних нескольких лет) оказались годы, последовавшие за рождением детей. Некоторые люди, особенно бездетные, представляют себе этот период, точь-в-точь как изображено на открытках, с розовыми пухлыми младенцами и счастливыми родителями. А Джейн до сих пор называет его ненавистным. Иронически, разумеется, но все-таки сомневаюсь, что она согласилась бы пережить это еще раз.

Ненавистный – потому что были дни, когда Джейн ненавидела буквально всех и вся. Она ненавидела свою фигуру. Ненавидела женщин, у которых не болела грудь и которые по-прежнему влезали в старые платья. Ненавидела свою кожу, сделавшуюся жирной, и прыщи, появившиеся у нее впервые со времен отрочества. Но сильнее всего Джейн раздражали, во-первых, недостаток сна, а во-вторых, как следствие, рассказы других матерей, чьи новорожденные дети спокойно спали ночами. Фактически она ненавидела всех, у кого была возможность проспать более трех часов подряд, и порой даже меня, как непосредственного виновника событий. В конце концов, я не кормил грудью и после долгого рабочего дня просто не имел иного выбора, кроме как отсыпаться в комнате для гостей, чтобы наутро вновь приступить к каким-то осмысленным действиям. Я уверен, что рассудком Джейн прекрасно все понимала, хотя порой вела она себя с точностью до наоборот.

– Доброе утро, – говорил я, когда жена, пошатываясь, заходила на кухню. – Как дела?

Вместо ответа она нетерпеливо тянулась за кофейником и вздыхала.

– Опять не выспалась? – наугад спрашивал я.

– Ты бы и недели не протянул.

И тут, словно услышав наши слова, ребенок начинал реветь. Джейн,

скрипя зубами, проглатывала свой кофе. Судя по всему, она искренне недоумевала, отчего Господь Бог послал ей такое испытание.

Со временем я понял, что лучше вообще ничего не говорить.

Несомненно, ребенок переворачивает представление о браке. Вы не просто муж и жена, вы отец и мать. Отныне никаких необдуманных действий. Поужинать в ресторане? Сначала попросим родителей посидеть с малышом или найдем няню. В кино идет новый фильм? Что вы, мы уже год нигде не бываем. Выходные за городом? Мы об этом даже не думали. Нет времени на прогулки, разговоры. На все то, что сближает людей. Нам обоим было нелегко.

Не хочу сказать, что первый год жизни ребенка – сплошной кошмар. Когда меня спрашивают, каково быть родителем, я отвечаю, что это одно из самых нелегких испытаний, но взамен ты учишься любить. Все, что делает ребенок, кажется родителям величайшим чудом. Я помню первую улыбку каждого из моих детей; я хлопал в ладоши, когда они делали свои первые шаги, а Джейн плакала от переполнявших ее эмоций. Нет ничего приятнее, чем держать спящего малыша на руках и удивляться, насколько сильна твоя любовь. Все это моменты, которые я до сих пор вспоминаю в мельчайших подробностях, тогда как трудности (конечно, мне-то легко говорить) превратились в далекие, расплывчатые образы, больше похожие на сон, чем на реальность.

Ничто не сравнится со счастьем, которое испытывают родители, глядя на детей. И, невзирая на все проблемы, с которыми мы столкнулись, я воистину счастлив. Хоть и готов при этом к любым сюрпризам.

Услышав слова Анны, Джейн с радостным возгласом вскочила с кушетки и немедленно обняла дочь. Мы с женой ничего не имели против Кита. Когда я поздравил Анну, та загадочно улыбнулась.

– Милая, это просто потрясающе, – твердила Джейн. – Когда он сделал тебе предложение? Как? Расскажи! Покажи кольцо!

Когда первая волна схлынула, Анна покачала головой, и Джейн помрачнела.

– Нет-нет, особых торжеств не будет, мама. Мы уже давно живем вместе и не хотим раздувать из мухи слона.

Ее слова меня не удивили. Анна, как я уже говорил, всегда поступала по-своему.

– О... – произнесла Джейн.

Анна взяла ее за руку.

– Есть еще кое-что, мама. Это важно.

Дочь устало взглянула на меня.

– Ну... вы ведь знаете, как дела у дедушки. – Мы молча кивнули. Как и все мои дети, Анна обожала Ноя. – Этот удар и все такое... Кит был просто счастлив, когда познакомился с ним, а я люблю дедушку больше всех на свете...

Она помолчала. Джейн стиснула ей руку, вынуждая продолжать.

– Мы хотим пожениться, пока дедушка еще жив. Ведь никто не знает, сколько ему осталось... Мы с Китом обсудили возможные даты. А поскольку через две недели он уезжает в Университет Дьюка, и я тоже переезжаю, и дедушка нездоров... короче говоря, мы подумали, что вы не будете против, если... – Она замолчала, глядя на Джейн.

– Что? – прошептала та. Анна выдохнула.

– Мы решили пожениться в следующую субботу.

Джейн удивленно приоткрыла рот. Анна продолжала, явно намереваясь договорить прежде, чем мы успеем вмешаться:

– Я знаю, что у вас юбилей, и, разумеется, не стану спорить, если вы скажете «нет», но мы с Китом подумали, что это отличный способ поблагодарить вас обоих. За все, что вы сделали друг для друга. За все, что вы сделали для меня. Мы не станем устраивать пышную церемонию, просто распишемся и поужинаем с вами. Не нужно никаких подарков, ничего такого. Вы не против?

Глядя на лицо Анны, я понял, каким будет ответ.

Глава 3

Наш период помолвки тоже был недолгим. Окончив колледж, я начал работать у «Эмбри и Саксона». Джошуа Тандл в те годы еще не входил в число партнеров. Он, как и я, был младшим компаньоном, и наши кабинеты располагались напротив. Будучи родом из Поллоксвилла, маленькой деревушки в двадцати милях к югу от Нью-Берна, Тандл поступил в Университет Восточной Каролины и частенько допытывался, как мне живется в провинции. Вынужден признать, я вовсе не так рисовал себе свою карьеру. Учась в колледже, я всегда предполагал, что буду работать в мегаполисе, как и мои родители, но в итоге обосновался в Нью-Берне, где выросла Джейн.

Я переехал сюда из-за нее и никогда не сожалел об этом. В Нью-Берне нет университета или большого парка, но его красота с лихвой искупает все недостатки. Он расположен в девяноста милях от Роли на равнине посреди сосновых лесов и неторопливых широких рек. Солоноватые воды Ньюз-Ривер, омывающие городские окраины, меняют цвет чуть ли не ежечасно, становясь серыми на рассвете, голубыми в полдень и коричневыми на закате. А ночью река угольно-черная.

Мой офис находится в историческом центре города, и после ленча я иногда прогуливаюсь по старым улочкам. Нью-Берн был основан в 1710 году выходцами из Швейцарии и Италии, это второй из старейших городов Северной Каролины. Когда я только переехал сюда, большинство старинных зданий стояли заброшенными и обветшавшими. За последние тридцать лет ситуация изменилась. Один за другим новые хозяева начали возвращать домам былую славу, и теперь прогулка по городу заставляет меня уверовать в чудеса реставрации. Знатоки архитектуры заметят стекла ручной работы, антикварные латунные украшения на дверях, резные панели, полы из ели. На узкие улочки выходят изящные крылечки, напоминая о тех временах, когда по вечерам люди усаживались на них подышать свежим воздухом. Дубы и кизил отбрасывают густую тень, каждую весну расцветают тысячи азалий. Короче говоря, это одно из самых прекрасных мест, которые мне только доводилось видеть.

Джейн выросла в предместье Нью-Берна, в старой усадьбе, построенной около двухсот лет назад. Ной отреставрировал дом вскоре после войны с присущим ему тщанием, и здание, подобно многим историческим постройкам города, выглядело грандиозно.

Иногда я бываю в старом доме – захожу после работы или по пути в магазин, а порой отправляюсь туда специально. Джейн не знает про эти посещения. Конечно, она бы все равно не стала возражать, но есть особое удовольствие в том, чтобы наносить визиты в одиночку. В таких случаях я чувствую себя членом тайного общества – ведь у всех, включая Джейн, есть свои секреты. Время от времени я гадаю, каковы они.

О моих посещениях знает лишь одна живая душа. Харви Уэллингтон, пожилой афроамериканец, который живет в маленьком дощатом домике по соседству. Его семья обитала там еще в конце прошлого века. Он – священник в местной баптистской церкви. Харви всегда дружил с Джейн и ее родителями, но с тех пор как Элли и Ной перебрались в Крик-Сайд, наше общение свелось к ежегодному обмену поздравительными открытками на Рождество. Приходя сюда, я частенько замечаю, как он стоит на ветхом крылечке, но одному Богу известно, о чем Харви думает, видя меня.

Я редко захожу в дом. Он заколочен с тех пор, как Элли и Ной уехали, вся мебель накрыта чехлами и выглядит удручающе. Я предпочитаю погулять вокруг – бреду по гравийной дорожке вдоль забора, затем огибаю дом и выхожу к реке. Река в этом месте сужается; когда вода спокойна, ее гладь напоминает зеркало, отражающее небеса. Иногда я стою на пристани, любуюсь отражением неба и слушаю, как ветер тихонько шелестит в листве.

Я оказался неподалеку от шпалер, которые Ной выстроил после свадьбы. Элли всегда любила цветы, и Ной посадил вокруг фонтана целый розовый сад в форме сердец, которые хорошо было видно из окна спальни. Еще он установил несколько фонарей, которые подсвечивали цветы в темноте, – эффект получился потрясающий. Пройдя под резными шпалерами, можно было попасть в сад, а поскольку Элли была художницей, сад нередко появлялся на ее полотнах – картинах, которые отчего-то всегда несли на себе отпечаток грусти, невзирая на красоту. Теперь розарий одичал и зарос, шпалеры потрескались, но я по-прежнему был глубоко растроган, попав сюда. Ной вложил массу сил в то, чтобы сделать сад, как и дом, уникальным. Я нередко дотрагивался до резьбы или просто смотрел на розы, надеясь проникнуться талантом, который был мне недоступен.

Это место мне дорого, потому я прихожу сюда. Именно здесь я впервые понял, что люблю Джейн. Моя жизнь обрела смысл благодаря ей, но, вынужден признать, я до сих пор удивляюсь, как такое могло случиться.

Разумеется, я не собирался влюбиться в Джейн, когда провожал ее до

машины в тот дождливый день 1971 года. Мы были едва знакомы, но, стоя под зонтиком и наблюдая за тем, как она уезжает, я вдруг почувствовал, что хочу увидеть девушку снова. Много позже, сидя вечером за книгами, я слышал, как ее слова эхом отдаются в голове: «Ничего страшного, Уилсон. Мне нравятся застенчивые».

Не в силах сосредоточиться, я отложил книгу и встал из-за стола. Я убеждал себя, что у меня нет ни времени, ни желания завязывать роман. Пошагав по комнате и вспомнив о своем безумном расписании (а также о стремлении быть финансово независимым), я решил больше не ходить в это кафе и выбросить из головы мысли о Джейн. Это было непростое решение, но верное, как показалось мне тогда.

Наследующей неделе я занимался в библиотеке, но сказать, что я не виделся с Джейн, было бы неправдой. Каждый вечер я воскрешал в памяти нашу короткую встречу. Ее волосы, ниспадающие на плечи, певучий акцент, терпеливый взгляд. Чем усерднее я заставлял себя не думать о ней, тем навязчивее становились образы. Я понял, что не выдержу еще одну неделю, и утром в субботу решительно достал ключи от машины.

В кафе я ехал без намерения пригласить Джейн на свидание. Скорее, собирался доказать самому себе, что это – минутное увлечение. Она самая обыкновенная девушка, твердил я, стоит мне увидеть ее еще раз, как я сам это пойму. Я уже почти поверил в это, когда остановился перед входом.

Как обычно, кафе было переполнено, и я долго лавировал в толпе, прежде чем добрался до своего излюбленного места. Столик недавно протерли, и мне пришлось промокнуть его салфеткой, а потом открыть книгу.

Я погрузился в чтение и, услышав шаги, склонил голову. Я делал вид, что ничего не замечаю, пока официантка не остановилась у столика. Когда я поднял глаза, то обнаружил, что это не Джейн. Передо мной стояла женщина лет сорока с блокнотом в кармане передника и карандашом за ухом.

– Кофе? – спросила официантка. В ее действиях была уверенность, характерная для человека, проработавшего здесь много лет. Интересно, отчего раньше я ее не видел.

– Да, пожалуйста.

– Минуту, – бодро прочирикала она, оставляя на столике меню.

Как только она отвернулась, я огляделся и заметил Джейн, которая несла тарелки в дальний конец кафе. Я наблюдал за девушкой несколько секунд, гадая, знает ли она, что я здесь, но Джейн всецело была поглощена работой и даже не смотрела в мою сторону. В тот момент мне показалось,

что она какая-то особенная, и я облегченно вздохнул, поверив, что избавился от странного наваждения, которое так долго не давало мне покоя.

Принесли кофе. Увлечшись книгой, я успел прочесть с полстраницы, когда услышал знакомый голос:

– Привет, Уилсон.

Джейн улыбнулась, когда я взглянул на нее.

– А в прошлую субботу тебя не было, – запросто сказала она. – Я уж подумала, что ты испугался.

Я вздохнул, не в силах ответить. Она была еще красивее, чем помнилось мне. Не знаю, сколько времени я глазел на нее, не произнося ни слова, видимо, достаточно долго, потому что на лице Джейн отразилась тревога.

– Уилсон, ты в порядке?

– Да, – сказал я. Удивительно, но лучшего ответа я не сумел придумать в тот момент.

Она с озадаченным видом кивнула:

– Ну... ладно. Прости, я не заметила, как ты вошел. Ты вроде как мой постоянный клиент.

– Да, – повторил я, прекрасно понимая, что в моем ответе мало смысла. Просто это было единственное слово, которое я мог произнести в ее присутствии.

Джейн подождала, ожидая продолжения, но тщетно, и по ее лицу проскользнула тень разочарования.

– Вижу, ты занят, – наконец сказала она, указывая на книгу. – Я всего лишь хотела поздороваться и поблагодарить за то, что проводил до машины. Приятного аппетита.

Она уже собиралась уходить, когда я наконец стряхнул с себя оцепенение и выдавил:

– Джейн...

– Что?

Я поперхнулся от волнения.

– Ты не против, если я как-нибудь еще разок провожу тебя до машины? Даже если дождя не будет?

Она несколько секунд молча смотрела на меня.

– Я буду рада, Уилсон.

– Может быть, сегодня?

Джейн улыбнулась:

– Конечно.

Она развернулась, и я вновь позвал:

– Джейн...

Она взглянула через плечо:

– Что?

Наконец осознав истинную причину своего прихода, я обеими руками вцепился в книгу, как будто надеялся почерпнуть из нее силы.

– Может, поужинаем в выходные?

Джейн, кажется, изрядно позабавила моя нерешительность.

– Да, Уилсон, – ответил она. – С удовольствием.

Трудно поверить, что тридцать лет спустя мы сидим и обсуждаем предстоящую свадьбу дочери.

Условие, высказанное Анной, – сыграть свадьбу, было встречено дружным молчанием. Джейн поначалу замерла как громом пораженная, а затем, собравшись с мыслями, принялась качать головой и энергично твердить:

– Нет-нет-нет...

Если подумать, реакция была довольно закономерная. Настал один из самых счастливых моментов жизни матери – ее дочь выходит замуж. Все начинает вращаться исключительно вокруг предстоящего важного события; естественно, матери имеют четкие представления о том, каким должен быть этот день. Идеи Анны явно противоречили тому, о чем мечтала Джейн, и, хотя это была не ее свадьба, моя жена не могла отказаться от иллюзий – все равно что отказаться от собственного прошлого.

Джейн не возражала против того, чтобы свадьба состоялась в день нашей годовщины – она как никто другой знала состояние Ноя, – но то, что Анна и Кит решили пренебречь традиционным церковным обрядом, ей явно не понравилось. Не радовал Джейн и тот факт, что Анна настаивала на самом скромном празднестве. В любом случае на приготовления оставалось лишь восемь дней.

Я не проронил ни слова, а переговоры шли полным ходом.

– А как же Слоуны? – удивлялась Джейн. – Они страшно огорчатся, если их не пригласить. А Джон Петерсон? Он же столько лет учил тебя играть на фортепиано и всегда тебе нравился.

– Не понимаю, зачем устраивать большое торжество, – не соглашалась Анна. – Мы с Китом давно живем вместе. Все к нам относятся так, как будто мы уже женаты.

– А фотограф? Неужели вам не хочется фотографий на память?

– Все гости наверняка придут с фотоаппаратами, – возражала дочь. – Ну или займись этим сама. За столько лет ты, полагаю, набила руку.

Джейн качала головой и пыталась убедить Анну, что это самый

важный день в ее жизни. Та отвечала, что в любом случае свадьба остается свадьбой. До ссоры, конечно, было далеко, но дело явно зашло в тупик.

В подобных вопросах я обычно разделяю мнение Джейн, особенно когда речь заходит о дочерях, но на этот раз мне было что добавить и от себя. Я вмешался:

– Давайте пойдем на компромисс!

Анна и Джейн с интересом взглянули на меня.

– Я понимаю, что вы условились насчет следующей недели, – сказал я, – но, может быть, мы все же позовем нескольких гостей, не считая членов семьи, и поможем вам с Китом все устроить?

– Не знаю, хватит ли нам времени... – начала Анна.

– Может быть, мы хотя бы попытаемся?

Переговоры продолжались еще час, но в конце концов мы достигли согласия. Анна стала поразительно уступчивой, как только я вмешался в разговор. Она сказала, что знает одного священника, который охотно обвенчает их в следующую субботу. Джейн буквально засияла от счастья, услышав обещание дочери обвенчаться.

Тем временем я размышлял не только о предстоящей свадьбе Анны, но и о нашей тридцатой годовщине. Дата, которую я надеялся сделать памятной. И свадьба, которая состоится в тот же день... Я ясно сознавал, какое из двух событий для меня значительнее.

* * *

Дом, в котором мы с Джейн живем, выходит на реку Трент. В этом месте она достигает почти полумили в ширину. Вечером, сидя за столом в кабинете, я наблюдаю за тем, как лунный свет отражается в волнах. Иногда в зависимости от погоды вода кажется одушевленной.

В отличие от дома Ноя у нашего нет большой террасы. Его построили в те годы, когда кондиционер и телевизор заперли людей в четырех стенах. Когда мы впервые обошли дом, Джейн выглянула из окна и решила, что пусть у нас по крайней мере будет веранда. Это была первая из многочисленных перестроек, благодаря которым в конце концов наш дом стал уютным.

Помню, в день отъезда Анны Джейн долго сидела на кушетке, рассеянно глядя ей вслед. Я не в силах был разгадать выражение ее лица, но, прежде чем я успел спросить, о чем она думает, жена вдруг встала и вышла. Понимая, что вечер принес нам обоим много сюрпризов, я

отправился на кухню и открыл бутылку вина. Джейн не любила алкоголь, но порой не отказывалась от бокала хорошего вина, и я решил, что сегодня именно такой случай.

С бокалом в руке я вышел на веранду. В ночи эхом отдавались кваканье лягушек и треск сверчков. Луна еще не показалась, и на противоположном берегу реки поблескивали желтые огоньки в окнах домов. Поднялся ветер, и до меня донеслись отдаленные звуки садового колокольчика, который подарила нам Лесли на прошлое Рождество.

Не считая этого, кругом царил тишина. В слабом свете, озарявшем крыльцо, профиль Джейн напоминал греческую статую, и я снова поразился тому, что она совсем не изменилась за все эти годы. Разглядывая ее высокие скулы и полные губы, я возблагодарил Бога за то, что наши дочери похожи больше на мать, чем на меня. Теперь, когда одна из них собиралась замуж, я ожидал, что Джейн будет буквально лучиться счастьем. Приблизившись к ней, я с испугом заметил, что жена плачет.

Я помедлил, гадая, стоит ли подходить к ней. Но не успел я удалиться, Джейн, видимо, почувствовала мое присутствие и взглянула через плечо.

– А, это ты, – сказала она, шмыгая носом.

– С тобой все в порядке? – нежно спросил я.

– Да. – Она помолчала, потом покачала головой: – То есть нет. Сама не знаю.

Я придвинулся и поставил бокал на перила. В темноте вино походило на масло.

– Спасибо, – поблагодарила Джейн. Сделав глоток, она тяжело вздохнула и посмотрела на воду. – Как это похоже на Анну, – наконец произнесла она. – Наверное, мне не следовало бы удивляться, но все же...

Она не договорила и отставила бокал.

– А я думал, тебе нравится Кит, – сказал я.

– Да. – Джейн кивнула. – Но неделя на подготовку к свадьбе? Понятия не имею, что у нее в голове. Если Анна способна на такое, то удивительно, почему они с Китом вообще не сбежали, чтобы тайно пожениться.

– Ты бы предпочла, чтобы они поступили именно так?

– Нет. Я была бы страшно недовольна.

Я улыбнулся. Джейн всегда говорила правду.

– У нас столько дел, – продолжала она, – и я даже не представляю, как мы справимся. Я, конечно, не настаиваю, что свадьба должна пройти в ресторане «Плаза», но все-таки она могла бы позвать фотографа и нескольких друзей.

– Анна так и не согласилась?

Джейн говорила, тщательно подбирая слова:

– Кажется, она не осознает, что память об этом дне останется с ней на всю жизнь. Анна ведет себя так, словно это весьма заурядное событие.

– Она всегда будет помнить этот день, вне зависимости от того, как он пройдет, – мягко возразил я.

Джейн закрыла глаза.

– Ты не понимаешь, – устало сказала она.

Несмотря на то что жена не произнесла больше ни слова, я прекрасно понял, что она хотела донести до меня.

Проще говоря, Джейн не желала, чтобы дочь повторила ее ошибку.

Жена всегда грустила, когда вспоминала день нашей свадьбы, и я понимал, что это целиком моя вина. Наша свадьба прошла так, как хотелось мне, и, хотя я отнюдь не снимаю с себя ответственности, на мое решение в значительной степени повлияли родители.

Они, как это ни странно для южан, были атеистами и воспитали меня в соответствующем духе. В детстве церковь и таинственные ритуалы, о которых я читал, пробуждали мое любопытство, но в нашем доме вопросы веры никогда не обсуждались. На самом деле я понимал, что отличаюсь от соседских ребятишек, но особенно на эти темы не размышлял.

Теперь я думаю иначе и считаю величайшим счастьем, что мне дано было уверовать в Бога. Надо признать, в прошлом я всегда ощущал, что в моей жизни чего-то недостает. Годы, проведенные с Джейн, подтвердили это. Как и ее родители, Джейн искренне верила в Бога, именно она отвела меня в церковь и торопливо отвечала на главные вопросы, которые не давали мне покоя. Еще жена купила Библию, которую мы вместе читали по вечерам.

Впрочем, все это случилось лишь после свадьбы.

Если на ранней стадии наших отношений между нами и возникали разногласия, то только из-за моего атеизма. Несомненно, порой Джейн задавалась вопросом, сумеем ли мы поладить. По ее словам, если бы она не была уверена, что рано или поздно я признаю Христа, то не вышла бы за меня замуж. И теперь слова Анны воскресили в Джейн неприятные воспоминания – недостаток веры вынудил нас сочетаться гражданским браком. Тогда я был убежден, что венчаться в церкви, не веря в Бога, – лицемерие.

Была и еще одна причина, по которой нас обвенчал мировой судья, а не священник, – моя гордость. Я противился тому, чтобы родители Джейн оплачивали традиционные свадебные расходы, хотя они сами предложили это сделать. Теперь, сам будучи родителем, я понимаю, что это был

подарок, но в те годы я свято верил, что каждый должен платить за себя. Если я не в состоянии позволить себе роскошное празднество, значит, его у меня не будет.

Да, я не мог устроить богатый прием. Я только поступил на работу в фирме и изо всех сил старался сколотить достаточную сумму, чтобы купить в рассрочку дом. Замечу, мы приобрели собственное жилье спустя девять месяцев после свадьбы, и теперь я сомневаюсь, что подобные жертвы были оправданны. Экономия, как выяснилось, дается нелегкой ценой. И ее последствия порой длятся вечно.

Нас сочетали браком за десять минут, без единой молитвы. Я пришел в темно-сером костюме, Джейн – в легком желтом платье, с гладиолусом в прическе. Ее родители наблюдали за нами со ступенек, они благословили нас поцелуем и рукопожатием. Выходные мы провели в старинном отеле в Бофоре, и, хотя Джейн безумно понравилась антикварная кровать с балдахином, на которой прошла наша первая брачная ночь, на следующий же день нам пришлось вернуться – в понедельник я должен был приступить к работе.

Отнюдь не о такой свадьбе Джейн мечтала с детства. Теперь-то я знаю. И она пыталась внушить это Анне. Улыбающаяся, счастливая невеста в красивом платье, которую ведет к алтарю отец; священник, совершающий традиционный обряд; семья и лучшие друзья. Званый ужин с тортом и цветами и молодые, принимающие поздравления от родных и близких. Музыка, под которую невеста танцует сначала с мужем, а потом с отцом, пока другие смотрят на нее со слезами радости.

Вот чего хотела Джейн.

Глава 4

Утром в субботу, на следующий день после визита Анны, солнце уже пекло вовсю, когда я приехал в Крик-Сайд. Как и в большинстве южных городов, в августе в Нью-Берне замедляется течение жизни. Водители ездят осторожнее, красный свет на светофорах горит дольше, чем обычно, а пешеходы затрачивают лишь необходимый минимум энергии, как будто участвуют в соревнованиях по медленной ходьбе.

Джейн и Анна уже уехали. Вчера вечером жена расположилась на кухне и начала составлять список дел. Хотя она прекрасно понимала, что не успеет сделать все, перечень занял три страницы и был расписан по минутам.

Джейн всегда любила планировать. Она немедленно вызывалась помочь, будь то сбор средств для бойскаутов или организация благотворительной лотереи. Пусть даже порой у нее голова шла кругом (не забывайте, у Джейн на руках было трое детей), она никогда не отступала от намеченного плана. Памятуя о том, как утомительна такого рода деятельность, я решил на предстоящей неделе как можно реже требовать к себе внимания.

Двор Крик-Сайда был украшен живыми изгородями и кустами азалий. Миновав здание (я был уверен, что Ной на улице), я прошел по извилистой гравийной дорожке к пруду. Заметив старика, я покачал головой: тот надел свой любимый синий кардиган, невзирая на жару. Только Ной мог мерзнуть в такой день.

Он закончил кормить лебедя, и тот по-прежнему описывал перед ним круги. Подойдя, я услышал, как Ной разговаривает с птицей. Слов было не разобрать, но лебедь видимо, полностью ему доверял. Ной рассказывал, что иногда лебедь устраивается на земле у его ног, правда, сам я этого никогда не видел.

– Здравствуйте, Ной, – сказал я.

Он с заметным усилием обернулся.

– Привет, Уилсон. Спасибо, что заглянул.

– Как поживаете?

– Могло быть и лучше. Хотя, конечно, могло быть хуже.

Несмотря на частые посещения, Крик-Сайд наводил на меня тоску – здесь доживали всеми позабытые люди. Врачи и сиделки твердили, что Ною повезло – его то и дело навещают, тогда как большинство постояльцев

проводят целые дни перед телевизором в надежде спастись от одиночества. По вечерам Ной читал соседям стихи. Он очень любил Уолта Уитмена, и на скамейке рядом с ним лежали «Листья травы». Он редко выходил без этой книги; мы с Джейн когда-то читали ее и удивлялись, отчего Ной находит стихи Уитмена исполненными столь глубокого смысла.

Глядя на него, я вновь был поражен тем, как грустно наблюдать за постепенным старением и угасанием некогда жизнерадостного и активного человека. Раньше я почти не задумывался об этом, но теперь, слыша его затрудненное дыхание, перед моим мысленным взором предстал старый аккордеон. Ной не владел левой рукой – последствия удара, который он пережил весной. Он сдавал – и, кажется, сам понимал, что конец близок.

Он смотрел на лебедя; проследив его взгляд, я увидел знакомое черное пятнышко на груди птицы, похожее на родинку или угольную отметину, словно природа попыталась испортить совершенство. В теплое время года на пруду обитало до десятка лебедей. Но только этот никогда не улетаел. Я видел, как он плавает здесь даже зимой, когда все остальные давно отправились на юг. Ной однажды объяснил мне, почему лебедь не улетаёт, и, в частности, поэтому врачи сочли, что у старика галлюцинации.

Сев рядом с ним, я рассказал все, что случилось накануне. Когда я закончил, Ной взглянул на меня с легкой усмешкой.

– Джейн удивилась? – спросил он.

– А кто бы не удивился?

– Она хочет, чтобы все было как положено?

– Именно, – ответил я и рассказал ему о планах, которые она строила, сидя за кухонным столом, а затем изложил свои соображения – то, что, на мой взгляд, Джейн упустила.

Ной похлопал меня по колену здоровой рукой как бы в знак одобрения.

– Как там Анна? – спросил он.

– У нее все хорошо. Сомневаюсь, что реакция Джейн ее удивила.

– А Кит?

– Тоже нормально. По крайней мере если верить Анне.

Ной кивнул:

– Эти двое – отличная пара, вот что. Совсем как мы с Элли. У них золотое сердце.

Я улыбнулся.

– Непременно передам Анне. Она будет счастлива это услышать.

Мы сидели молча, а потом Ной указал на воду:

– Ты знаешь, что лебеди выбирают себе пару раз и навсегда?

– Я думал, это легенда.

– Это истинная правда. Элли всегда говорила, что ничего прекраснее ей слышать не доводилось. Значит, любовь сильнее всего на свете. До того как выйти за меня, она была обручена с другим. Ты ведь знаешь?

Я кивнул.

– Она пришла навестить меня, не сказав жениху, я посадил ее в каноэ и отвез в одно местечко, где были тысячи лебедей. Как будто на воде лежал снег. Я тебе об этом рассказывал?

Я снова кивнул. Картина вставала передо мной во всех подробностях. И Джейн неизменно вспоминала эту историю с умилением.

– Они больше туда не возвращались, – пробормотал Ной. – Несколько лебедей так и остались на пруду, но второго такого раза не было. – Он погрузился в собственные мысли и ненадолго замолчал. – Элли все равно любила там бывать. Она кормила оставшихся лебедей, находила парочки и показывала их мне. «Вот этот и вон тот, – говорила она. – Разве не удивительно, что они вместе навсегда?» – Ной ухмыльнулся, и на его лице появились морщины. – Наверное, таким образом она убеждала меня хранить верность.

– Сомневаюсь, что ей приходилось об этом беспокоиться.

– Да?

– Полагаю, вы с Элли слишком много значили друг для друга.

Ной грустно улыбнулся.

– Да, – наконец сказал он. – Конечно. Но нам пришлось приложить немало усилий. Были и нелегкие времена.

Видимо, он имел в виду болезнь Элли. А задолго до того – смерть одного из детей. Случались и другие беды, конечно, но об этих ему было особенно трудно говорить.

– Послушать вас, так все проще некуда, – возразил я.

Ной покачал головой:

– Нет. Не всегда. Письма, которые я писал Элли, были призваны напомнить ей не только о моих чувствах, но и о клятве, которую мы когда-то дали друг другу.

Я задумался, не пытается ли он намекнуть мне, что нужно сделать то же самое для Джейн, но спрашивать не стал. Я просто сменил тему:

– Было ли вам с Элли трудно после того, как дети выросли и уехали?

Ной ненадолго задумался.

– Вряд ли трудно. Скорее, все просто стало по-другому.

– Как?

– Во-первых, тихо. Очень тихо. Элли рисовала, а я целыми днями бродил по дому. Даже начал разговаривать сам с собой – от одиночества.

– А как Элли переживала то, что дети уехали?

– Как и я, – ответил Ной. – По крайней мере поначалу. Дети долгое время были смыслом нашей жизни. Поэтому когда положение вещей меняется, к этому надо привыкнуть. И когда Элли привыкла, то, кажется, начала наслаждаться тем, что мы снова одни.

– И сколько времени у нее ушло?

– Не знаю. Недели две, быть может.

Я слегка приуныл. Две недели?

Ной, кажется, заметил выражение моего лица и откашлялся.

– Хотя, если подумать, – сказал он, – то даже еще быстрее. Наверное, через два-три дня она уже совершенно пришла в норму.

Два-три дня? Я не смог ему ответить. Ной почесал подбородок.

– Впрочем, если мне не изменяет память, – продолжал он, – то даже двух-трех дней не понадобилось. Честно говоря, мы отплясывали джиттербаг на лужайке перед домом, едва успев погрузить вещи Дэвида в машину. Признаюсь, первые несколько минут нам было нелегко. Очень нелегко. Иногда я прямо-таки удивляюсь, как мы вообще это пережили.

Хотя Ной оставался абсолютно серьезен во время своей речи, я различил лукавый проблеск в его глазах.

– Джиттербаг? – уточнил я.

– Такой танец.

– Я знаю.

– Он был очень популярен.

– Да, когда-то.

– Что? Сейчас не танцуют джиттербаг?

– Это забытое искусство, Ной.

Он легонько ткнул меня локтем:

– Что, попался?

– Да, – признал я.

Ной подмигнул. Несколько секунд он сидел молча, явно довольный собой. Затем, вспомнив, что я так и не получил ответа на свой вопрос, Ной поерзал и тяжело вздохнул.

– Нам обоим было трудно, Уилсон. К тому времени они уже были не только нашими детьми, но и друзьями. Мы оба скучали и не знали, что делать.

– Вы никогда об этом не говорили.

– А ты никогда и не спрашивал, – заметил Ной, – Я скучал по детям, но сильнее всего из нас двоих, полагаю, скучала Элли. Она могла быть художником, кем угодно, но в первую очередь она была матерью. Когда

дети уехали, она будто засомневалась, где теперь ее место в мире. По крайней мере поначалу.

Я попытался вообразить ее состояние, но не сумел. Такой Элли я не знал и даже не мог себе представить.

– Почему? – спросил я.

Вместо ответа Ной окинул меня взглядом и замолчал.

– Я рассказывал тебе о Гасе? – наконец спросил он. – Он навещал меня, когда я ремонтировал дом.

Я кивнул. Гас был родственником Харви, чернокожего священника, которого я частенько видел, когда заезжал в старый дом.

– Старина Гас обожал всякие небылицы – чем смешнее, чем лучше. Иногда мы сидели на крыльце по вечерам и придумывали бог весть что, лишь бы повеселить друг друга. Знаешь, какая байка была моей любимой? Для начала надобно тебе знать, что Гас полвека прожил со своей женой и у них было восемь детей. Эта пара прошла огонь я воду. Так вот, болтаем мы до глубокой ночи, а потом Гас говорит: «Сейчас я тебе кое-что скажу». И представь, смотрит он мне в глаза с самым серьезным видом и заявляет: «Ной, я понимаю женщин».

Ной захихикал, как будто услышал это впервые в жизни.

– Вся соль в том, – продолжал он, – что нет на света мужчины, который мог бы этим похвастать, не покривив душой. Понять женщин просто невозможно, так что не стоит и пытаться. Но это не значит, что их не нужно любить. Не значит, что ты не должен изо всех сил показывать им, как они для тебя важны.

Размышляя над словами Ноя, я смотрел на лебедя, который то расправлял, то складывал крылья. Именно в таком духе Ной всегда в последнее время говорил со мной о Джейн. Он ни разу не дал внятного совета, ни разу не сказал, что именно делать. И в то же время он прекрасно понимал, что я нуждаюсь в поддержке.

– Наверное, Джейн хочет, чтобы я походил на вас, – предположил я.

Ной снова усмехнулся:

– А ты молодец, Уилсон. Просто молодец.

Не считая тиканья настенных часов и ровного гула кондиционера, в доме царила тишина. Положив ключи на стол в гостиной, я окинул взглядом каминные полки. На них за годы семейной жизни накопилось множество фотографий в рамках: мы впятером в джинсах и синих рубашках пару лет назад; пляж у Форт-Мейкон, когда дети были подростками; еще один групповой снимок, на котором они совсем маленькие. Фотографии, сделанные Джейн: Анна на выпускном балу,

Лесли в спортивной форме, Джозеф с нашей собакой, Сэнди (она умерла несколько лет назад). Хотя снимки располагались не в хронологическом порядке, можно было проследить, как наша семья росла и менялась с годами.

В центре, прямо над камином, стояла черно-белая фотография – мы с Джейн в день свадьбы. Снимок сделала Элли. В фотогеничности Джейн не приходилось сомневаться: она всегда была красавицей, а ко мне объектив оказался милосерден. Именно так я и надеялся выглядеть, стоя рядом с женой.

Но как ни странно, на полках больше не было ни одного снимка, где мы были бы вдвоем с Джейн. В альбомах лежали десятки снимков, сделанных детьми, но ни один из них мы так и не вставили в рамочку. В течение многих лет Джейн беспрестанно намекала, что пора сделать еще один портрет, но я настолько был занят работой и прочими делами, что так и не выполнил ее просьбу. Удивительно, от чего мы не сумели выкроить время и как это отразится нашем будущем – и отразится ли вообще?

Разговор с Ноем заставил меня задуматься обо всех тех годах, прошедших после отъезда детей. Хорошо ли я справлялся с обязанностями супруга? Безусловно, нет. Оглядываясь назад, признаю, что после отъезда Лесли в колледж раз за разом подводил Джейн, если можно этим словом обозначить полнейшее непонимание ее чувств и желаний. Я помню, что жена была молчаливой и даже слегка мрачной, временами она смотрела невидящим взглядом в пространство или бездумно перебирала детские вещи в коробках. Для меня тот год выдался особенно нелегким: старый Эмбри пережил сердечный приступ и вынужден был переложить большую часть дел на меня. Из-за двойной нагрузки – непомерно возросшего объема работы и организационных проблем, вызванных болезнью Эмбри, – я частенько бывал измучен и слишком занят.

Когда Джейн вдруг решила обновить интерьер, я воспринял это как хороший знак. Работа, рассуждал я, отвлечет ее от мыслей о детях. В доме появились кожаные кушетки вместо обитых тканью, чайные столики вишневого дерева, витые латунные лампы, в столовой мы переклеили обои, купили еще стульев, чтобы вместить наших детей вместе с их будущими супругами. Джейн проделала великолепную работу, но я, признаюсь, то и дело в шоке изучал счета, полученные вместе с почтой, хотя уже давно понял, что лучше не спорить.

Так или иначе, когда ремонт закончился, мы оба начали испытывать некую неловкость, причиной которой было не опустевшее гнездо, а наши изменившиеся отношения, пусть даже ни один из нас об этом не

заговаривал. Как будто мы считали, что обсуждение сделает проблемы реальными. Полагаю, мы в равной степени боялись того, к чему это может привести.

Должен признать, именно по этой причине мы никогда не ходили к психологу. Назовите меня старомодным, но я всегда смущался при мысли о том, чтобы обсуждать свои беды с чужим человеком. Кроме того, я прекрасно знал, что скажет психолог. Нет, не отъезд детей послужил источником проблемы. И не имеет значения тот факт, что у Джейн появилось много свободного времени. Это просто катализаторы, благодаря которым уже существующие неурядицы вышли на первый план.

Что же в таком случае нас к этому привело?

Подозреваю, что истинный корень наших зол крылся в таком невинном пренебрежении – преимущественно с моей стороны, если честно. Я не только постоянно ставил карьеру выше нужд семьи, но и принимал стабильность брака как нечто данное. Мне казалось, что у нас нет серьезных проблем, и потом я в отличие от Ноя не тот человек, который будет суетиться и проделывать ради жены миллион мелочей. Когда я задумывался об этом – по правде сказать, нечасто, – то убеждал себя, что Джейн прекрасно знает, каков я, и этого вполне достаточно.

Но любовь, как выяснилось, – это нечто большее, чем три слова, оброненные перед сном. Любовь поддерживается действием. Нежностью даже в тех вещах, которые мы делаем друг для друга изо дня в день.

Рассматривая снимок, я думал лишь о том, что тридцать лет бездумного пренебрежения по отношению к жене сделали мою любовь похожей на ложь и, судя по всему, теперь приходится платить по счетам. Мы были женаты лишь формально. Редкие поцелуи, которыми мы обменивались, не значили ровным счетом ничего. Я страдал при мысли о том, чего мы лишились, и, глядя на нашу свадебную фотографию, ненавидел самого себя.

Глава 5

Несмотря на жару, остаток дня я провел за прополкой сорняков, потом принял душ и отправился в магазин. В конце концов, была суббота и моя очередь готовить, поэтому я решил испробовать новый рецепт, для которого требовались паста и овощи. Хотя я понимал, что еды на двоих будет более чем достаточно, но в последнюю минуту решил приготовить еще закуски и салат.

В пять часов я вошел на кухню, в половине шестого стряпня была в полном разгаре. Я приготовил грибы, фаршированные колбасным фаршем и сливочным сыром, и поставил их в микроволновку. Только я закончил накрывать на стол и открыл бутылку мерло, когда вернулась Джейн.

– Ты где? – позвала она.

– В столовой.

Когда Джейн вошла, я поразился тому, как ослепительно она выглядит. Моя редущая шевелюра подернулась сединой, а ее распущенные волосы были такими же густыми и темными, как в день нашей свадьбы. Несколько прядей она заправила за ухо, на шее сверкала маленькая бриллиантовая подвеска, которую я купил в первые годы нашей семейной жизни. Пусть я был чертовски занят делами, но все же никогда не оставался равнодушным к красоте жены.

– Ого! – воскликнула Джейн. – Как вкусно пахнет. Что на ужин?

– Телятина в белом соусе, – объявил я, протягивая ей бокал вина. Изучая лицо жены, я заметил, что выражение тревоги на нем сменилось радостным возбуждением, которое мне не доводилось видеть уже довольно давно. Судя по всему, дела у них с Анной шли на лад; я облегченно вздохнул и лишь тогда заметил, что до сих пор стоял затаив дыхание.

– Ты не поверишь, что сегодня произошло, – сказала Джейн. – Даже если я расскажу, ты все равно не поверишь.

Она сделала глоток вина и ухватила меня за руку, стаскивая туфли. Тепло ее прикосновения сохранилось даже после того, как Джейн разжала пальцы.

– Что такое? – спросил я. – Что случилось?

Она энергично начала жестикулировать свободной рукой.

– Пойдем на кухню, и я все тебе расскажу. Умираю от голода. Мы были так заняты, что даже не успели перекусить. Когда мы сообразили, что надо бы поесть, все кафе уже закрылись, а нам еще нужно было заскочить в

несколько мест. Спасибо, что приготовил ужин. Я совершенно забыла, что сегодня твоя очередь готовить, и изо всех сил подыскивала себе оправдание.

Джейн, весело болтая, пошла на кухню. Следуя за ней, я не переставал восхищаться тем, как изящно она покачивает бедрами.

– Так или иначе, кажется, Анна втянулась. Она проявляет куда больше энтузиазма, чем вчера. – Джейн блестящими глазами взглянула на меня через плечо. – Но подожди, подожди... Ты в жизни не поверишь.

Кухонный стол был завален всяческими ингредиентами – нарезанное мясо, овощи... Я взял прихватку и вытащил из микроволновки противень с фаршированными грибами.

– Вот, – гордо сказал я.

Джейн с удивлением взглянула на меня:

– Уже готово?

Я пожал плечами:

– Просто рассчитал время.

Джейн потянулась за грибочком.

– Утром я заехала за ней... Боже мой, как вкусно. – Она взяла еще кусочек, прежде чем продолжить: – Сначала мы задумались, кого бы из фотографов пригласить, я имею в виду профессиональных фотографов. В городе есть несколько студий, но я была уверена, что в последнюю минуту никто не согласится. Поэтому вчера вечером я подумала, что, может быть, сын Клэр нас выручит. Он занимается фотографией в колледже. С утра я позвонила Клэр и предупредила, что мы к ней заглянем, но потом Анна засомневалась, потому что не видела ни одной из его работ. Тогда я предложила позвать кого-нибудь из ее знакомых журналистов, но Анна заявила, что в газете косо смотрят на такого рода вещи. Короче говоря, она решила объехать студии на тот случай, если нам вдруг удастся кого-нибудь найти. Ты в жизни не догадаешься, что было дальше...

– Ну так расскажи, – нетерпеливо потребовал я.

Джейн сунула в рот еще один гриб, выдерживая драматическую паузу. Кончики пальцев у нее лоснились.

– Какая прелесть, – произнесла она. – Это новый рецепт?

– Да.

– Сложный?

– Не очень.

– Ну слушай. Как я и предполагала, в первых двух студиях все уже было расписано. А потом мы приехали к Кейтону. Ты когда-нибудь видел свадебные фотографии Джима Кейтона?

– Говорят, он лучший мастер фотографии в городе.

– Он прекрасен, и работы у него просто потрясающие. Даже Анна была впечатлена, а уж это не так часто случается. Кейтон снимал свадьбу Даны Кроу, если помнишь. Обычно у него записываются за полгода вперед, и то не факт, что он будет свободен. То есть у нас не было шансов. Но когда я поговорила с его женой – студией заправляет именно она, – та сказала, что по чистой случайности в следующую субботу он не занят.

Я вскинул брови:

– Потрясающе.

Теперь, когда кульминация миновала, Джейн заговорила быстрее:

– Ты себе не представляешь, как счастлива Анна. Джим Кейтон? Да если бы у нас был целый год на подготовку, я бы в первую очередь подумала о нем. Мы, наверное, несколько часов там провели, листая альбомы, – чтобы уловить основную идею. Наверняка миссис Кейтон подумала, что мы сумасшедшие. Мы досматривали один альбом и тут же просили следующий. Слава Богу, она была так любезна, что ответила на все наши вопросы. Под конец мы просто прыгали, радуясь, как нам повезло.

– Да уж не сомневаюсь.

– А потом, – бодро продолжала Джейн, – мы пошли по кондитерским. Впрочем, насчет торта я не особенно беспокоилась. В итоге мы зашли в одну кондитерскую, я даже не представляла, какой там огромный выбор. Целый каталог свадебных тортов. Большие и маленькие. Можно выбрать вкус, глазурь, форму, украшения, ну и так далее...

– Просто удивительно.

– Ты и половины еще не знаешь, – восторженно сказала она, и я рассмеялся.

Кажется, сегодня расположение звезд складывалось в мою пользу. У Джейн было прекрасное настроение, вечер получился отличный, и мы собирались насладиться романтическим ужином. Стоя рядом с женой, с которой прожил тридцать лет, я внезапно понял, что этот день не мог бы выдаться лучше, даже будь он спланирован заранее.

Пока я заканчивал с приготовлениями, Джейн увлеченно пересказывала мне события минувшего дня, в подробностях описывая заказанный торт (два слоя, со вкусом ванили, сметанная глазурь) и фотографии (все дефекты Кейтон убирает при помощи компьютерной программы). В неярком свете кухонной лампы я угадывал едва заметные морщинки в уголках ее глаз – следы нашей совместной жизни.

– Слава Богу, что все идет хорошо, – сказал я. – Для одного дня вы и в

самом деле многое успели.

Запах разогретого масла наполнил кухню, и мясо на сковороде тихонько зашипело.

– Да. Поверь, я очень счастлива, – заверила меня Джейн. – Но мы еще не знаем, где пройдет церемония, и, следовательно, не можем готовиться дальше. Я предложила Анне пригласить гостей прямо сюда, если она захочет, но эта идея, кажется, ей не понравилась.

– А чего она хочет?

– Она сама не знает. Может быть, устроить свадьбу в парке. Лишь бы не было чересчур формально.

– Ну, найти место не так уж сложно.

– Ты удивишься, мне в голову пришел только Трайон-Пэлас, но вряд ли нам удастся получить разрешение за столь короткое время. Я даже не знаю, разрешено ли там проводить свадьбы.

– Хм... – Я добавил к мясу соли, перца и чеснока.

– Хотя «Ортон» тоже хорош. Помнишь? Мы ездили туда в прошлом году на свадьбу к Брэттонам.

Примерно в двух часах езды от Нью-Берна, между Уилмингтоном и Саутпортом.

– По-моему, слишком далеко, – высказал я свое мнение. – Не забывай, что большинство гостей – местные.

– Знаю. Это не более чем предположение. И потом, скорее всего «Ортон» уже занят.

– Может быть, подыщем местечко в городе? В каком-нибудь небольшом отеле?

Джейн покачала головой:

– Почти все они слишком маленькие. И не везде есть сад, хотя, наверное, стоит проверить. А если не получится... ну, мы обязательно что-нибудь придумаем. По крайней мере я на это надеюсь.

Джейн нахмурилась и погрузилась в собственные мысли. Она облокотилась на стол, упершись ступней в кухонный шкаф, – точь-в-точь та самая девушка, которая некогда попросила проводить ее до машины. Когда я провожал Джейн во второй раз, то был уверен, что она просто сядет за руль и уедет, но у нас завязалась первая оживленная беседа, причем она стояла в той же позе, что и теперь, прислонившись к дверце. Помню, я любовался ее красотой, а она рассказывала о жизни в Нью-Берне; тогда я впервые оценил те качества Джейн, которыми буду восхищаться всегда, – ум, энергию, обаяние, беззаботный взгляд на мир. Годы спустя жена выказывала те же черты, когда растила детей, и я понимаю, что именно

поэтому все трое выросли добрыми и ответственными.

Я кашлянул, прервав рассеянное течение ее мыслей, и сказал:

– Сегодня я был у Ноя.

Джейн как будто очнулась.

– Как он поживает?

– Нормально. Выглядит усталым, но держится молодцом.

– Снова сидел у пруда?

– Да. – И, опережая следующий вопрос, добавил: – Лебедь тоже там был.

Джейн поджала губы. Не желая портить ей настроение, я быстро продолжил:

– Я рассказал ему о свадьбе.

– Он обрадовался?

– Очень. Сказал, что будет ждать с нетерпением.

– Завтра я свожу к нему Анну. На прошлой неделе она так и не сумела к нему вырваться, а ей, конечно, хочется с ним пообщаться. – Джейн улыбнулась. – Спасибо, что навестил папу. Ему нравится принимать гостей.

– Ты ведь знаешь, я тоже люблю проводить время с Ноем.

– Да. Но все равно спасибо.

Мясо было готово, и я добавил остальные ингредиенты – марсалу, лимонный сок, грибы, бульон, нарезанный лук и еще один кусок масла, решив вознаградить себя за потерянные в прошлом году двадцать фунтов.

– Ты уже говорила с Джозефом и Лесли? – спросил я.

Джейн наблюдала за тем, как я переворачиваю мясо, а потом, вооружившись ложкой, попробовала соус.

– Вкусно, – сказала она, подняв брови.

– Кажется, ты удивлена.

– Нет. Ты действительно стал отлично готовить. По крайней мере если сравнить с тем, что было вначале.

– Неужели когда-то тебе не нравилась моя стряпня?

– Ну, подгоревшее пюре и пересушенное мясо – это блюдо на любителя.

Я улыбнулся. Мои первые опыты на кухне и впрямь трудно было назвать успешными.

Джейн снова отведала соус и положила ложку на стол.

– Уилсон, насчет свадьбы... – начала она.

Я взглянул на нее:

– Что?

– Ты ведь знаешь, что выйдет дорого, если покупать билет для

Джозефа в последнюю минуту?

– Да.

– И услуги фотографа тоже недешевы. Придется заплатить даже в случае отказа.

Я кивнул:

– Понимаю.

– И торт стоит денег.

– Никаких проблем. Мы ведь стараемся не только для себя.

Джейн с любопытством посмотрела на меня, явно озадаченная моими ответами.

– Ну... я просто хотела предупредить заранее, чтобы ты не расстраивался.

– С чего бы мне расстраиваться?

– Иногда ты расстраиваешься, если приходится переплачивать.

– Правда?

Джейн удивленно подняла брови:

– Не притворяйся. Помнишь, как ты ворчал во время ремонта дома? Или когда ломался насос? Да ты ботинки чистишь сам...

Я шутливым жестом вскинул руки, как бы прося пощады:

– Ладно, ты права. Но не беспокойся, на этот раз все будет по-другому. Даже если мы разоримся, я скажу, что игра стоила свеч.

Джейн едва не поперхнулась вином и удивленно посмотрела на меня. Затем она вдруг шагнула ко мне и потыкала пальцем в плечо.

– Что ты делаешь? – поинтересовался я.

– Проверяю, действительно ли ты мой муж или тебя заменили клоном.

– Клоном?

– Ну да. Как в «Похитителях тел». Помнишь?

– Да. Но это и в самом деле я.

– Слава Богу, – с притворным облегчением сказала Джейн и (о чудо!) вдруг подмигнула: – Но на всякий случай я тебя предупредила.

Я улыбнулся, чувствуя, как мое сердце наполняется радостью. Когда мы в последний раз шутили и смеялись на кухне? Месяц назад? Год? Конечно же, я понимал, что это, возможно, только временно, в моей душе затеплился маленький огонек надежды.

Первое свидание с Джейн прошло не совсем так, как я задумал.

Я заказал столик в «Харперз» – лучшем ресторане в городе. И кстати, самом дорогом. Зарабатывал я достаточно и мог позволить себе ужин в таком месте. Но в то же время я прекрасно понимал: до конца месяца придется тщательно планировать все расходы, чтобы своевременно

заплатить по счетам. Еще я задумал нечто особенное на потом.

Я заехал за Джейн в Мередит, дорога до ресторана заняла всего несколько минут. Наш разговор был типичным для первого свидания – мы, так сказать, скользили по поверхности: поболтали о школе, о морозной погоде, о том, что, слава Богу, оба тепло одеты. Еще я обратил внимание на ее красивый свитер, она сказала, что купила его накануне. Я задумался, не сделала ли она это специально в предвкушении свидания, но мне достало ума не спрашивать прямо.

Из-за наплыва посетителей оставить машину вблизи ресторана не удалось, поэтому пришлось парковаться в паре кварталов от «Харперз». Впрочем, мы приехали заблаговременно и были уверены, что не опоздаем. За несколько минут пешей прогулки носы у нас слегка покраснели. В витринах магазинов по-праздничному мерцали огоньки; проходя мимо местной пиццерии, мы слышали звуки рождественских песен, доносящиеся из музыкального автомата.

Неподалеку от ресторана мы увидели собаку. Довольно крупная, но исхудавшая и грязная, она лежала на дорожке. Пес дрожал, было видно, что на улице он не первый день. На всякий случай я встал между ним и Джейн, но та вдруг шагнула вперед и смело опустилась на корточки перед псом.

– Не бойся, – сказала она. – Мы тебя не обидим.

Пес попятился в тень.

– У него ошейник, – заметила Джейн. – Наверное, он потерялся.

Она не отводила взгляда от пса, а тот изучал ее с осторожным интересом.

Взглянув на часы, я убедился, что у нас есть еще несколько минут. Хотя я и побаивался, что собака может проявить агрессию, но тем не менее склонился рядом с Джейн и заговорил с бродяжкой тем же успокаивающим тоном. Так мы провели некоторое время, но собака упорно не желала подходить ближе. Джейн двинулась к ней, но та заскулила и шарахнулась.

– Он боится, – с тревогой в голосе сказала Джейн. – И что теперь делать? Нельзя оставлять его здесь. Ночью обещали мороз. Наверное, больше всего он хочет попасть домой.

Конечно, я бы многое мог сказать в оправдание, а потом мы бы спокойно пошли в ресторан. Что мы честно попытались, что нужно позвонить в приют, что мы обязательно вернемся после ужина и попробуем еще раз, если пес будет на прежнем месте. Но выражение лица Джейн остановило меня. На нем читались тревога и вызов. Это был первый намек на то, что Джейн добра и заботится о всяких бедолагах. Я понял, что у меня нет иного выбора, кроме как подчиниться ей.

– Дай-ка я попробую, – предложил я.

Честно говоря, я понятия не имел, что делать. В детстве у меня не было собаки, потому что мама страдала от аллергии. Теперь я просто вытянул руку и начал шептать что-то ласковое, подражая виденному в кино.

Я подождал, пока собака привыкнет к моему голосу, а потом медленно двинулся вперед, пес остался на месте. Опасаясь его спугнуть, я замер, затем снова шагнул... Прошла целая вечность, прежде чем я смог к нему приблизиться. Когда я снова протянул руку, пес ткнулся в нее носом, решив, что можно не бояться, и лизнул мои пальцы. Через секунду я уже гладил его по голове, глядя через плечо на Джейн.

– Ты ему нравишься, – в восторге сказала она.

Я лишь пожал плечами:

– Наверное.

К счастью, на ошейнике мы обнаружили номер телефона. И Джейн пошла в ближайший магазин, чтобы позвонить хозяину собаки. Пока ее не было, я караулил пса; чем дольше я его гладил, тем сильнее он радовался моим прикосновениям. Джейн вернулась, и мы прождали еще минут двадцать, пока не приехал хозяин – мужчина лет тридцати пяти. Он буквально вылетел из машины, а собака немедленно рванулась к нему, отчаянно виляя хвостом. Получив свою долю слюнявых поцелуев, хозяин обратился к нам:

– Спасибо, что позвонили! Его не было целую неделю, и наш сынишка каждый вечер засыпал в слезах. Вы себе не представляете, как ему дорог этот пес. Он сказал, что ему не нужно никаких подарков на Рождество, лишь бы Чарли нашелся.

Хозяин предложил вознаграждение, но мы с Джейн отказались. Тогда он снова поблагодарил нас и сел в машину. Глядя ему вслед, мы оба чувствовали, что совершили благородный поступок. Как только стих звук мотора, Джейн взяла меня за руку.

– Мы успеем в ресторан? – поинтересовалась она.

Я взглянул на часы.

– Мы опоздали на полчаса.

– Вдруг столик еще не занят?

– Не знаю. Заказать здесь место было нелегко. Пришлось просить одного из университетских преподавателей.

– А вдруг нам повезет? – предположила Джейн.

Не повезло. Когда мы пришли в ресторан, за столиком уже ужинала другая пара, а нам предложили подождать до без четверти десять. Джейн

ласково взглянула на меня.

– По крайней мере ребенок будет счастлив, – сказала она.

– Да, – вздохнул я. – И я об этом не жалею.

Джейн стиснула мою руку.

– Я так рада, что мы остановились, пусть даже ценой ужина в «Харперз».

Озаренная светом уличного фонаря, она выглядела божественно.

– Может быть, пойдем куда-нибудь в другое место? – предложил я.

Джейн задумалась.

– Ты любишь музыку?

Через десять минут мы сидели в вышеупомянутой пиццерии. Хотя в мой первоначальный замысел входили вино и свечи, пришлось довольствоваться пивом и пиццей. Джейн, впрочем, не казалась разочарованной. Она запросто болтала, рассказывала о своем увлечении греческой мифологией и английской литературой, об учебе в колледже, о подругах, обо всем, что приходило ей в голову. А я по большей части просто кивал и задавал вопросы – Джейн говорила целых два часа, и, сказать по чести, еще ничье общество не было мне столь приятно.

Сидя на кухне, я заметил, что Джейн с любопытством смотрит на меня. Отогнав воспоминания, я поставил мясо на стол. Мы наполнили тарелки, склонили головы и поблагодарили Бога за все, что он нам дал.

– С тобой все в порядке? Ты как будто был где-то далеко, – сказала Джейн, накладывая салат.

Я налил вина.

– Честно говоря, я вспоминал наше первое свидание.

– Правда? – Ее вилка застыла в воздухе. – Почему?

– Не знаю, – признался я, протягивая ей бокал. – А ты его помнишь?

– Конечно, – ворчливо отозвалась Джейн. – Это было в канун Рождества. Мы собирались поужинать в «Харперз», но по пути заметили потерявшуюся собаку и в результате опоздали в ресторан. Поэтому пришлось отправиться в пиццерию. А потом...

Она прищурилась, пытаясь восстановить в памяти последовательность событий.

– Потом мы сели в машину и поехали посмотреть, как украсили Хейвермилл-роуд. Правильно? Ты настоял, чтобы мы вышли из машины и прогулялись, несмотря на холод. На углу стоял человек в костюме Санта-Клауса; когда мы проходили мимо, он вручил мне сверток. Это был подарок от тебя на Рождество. Еще я восхищалась тем, что ты так спокойно отнесся ко всем нашим злоключениям на первом свидании.

– Помнишь, что я тебе подарил?

– Да разве я могу забыть? – Джейн улыбнулась. – Зонтик.

– И если не ошибаюсь, ты была не в восторге.

– Ну... – протянула она. – Разве после этого я могла встречаться с другими парнями? Моей целью было найти человека, который провожал бы меня до машины. Не забывай, что в нашем колледже мужчины были лишь среди преподавателей и уборщиков.

– Вот почему ты получила зонтик. Я раскусил твой замысел.

– Ничего подобного, – с улыбкой ответила Джейн. – Я была твоей первой девушкой.

– Нет. Я ходил на свидания и раньше.

Она лукаво взглянула на меня.

– Хорошо, но я была первой девушкой, с которой ты поцеловался.

Временами я сожалел, что признался ей, потому что Джейн никогда об этом не забывала и в известные моменты использовала как козырь. Я возразил:

– Я был слишком занят, чтобы заниматься всякой ерундой.

– Ты просто стеснялся.

– Я учился. Это другое дело.

– Ты что, забыл наш ужин? Или возвращение? Ты всю дорогу молчал. Только пару раз обмолвился об учебе.

– Не только, – обиделся я. – Я сказал, что мне нравится твой свитер, помнишь?

– Это не считается. – Джейн подмигнула. – Тебе повезло, что я такая терпеливая.

– Да, – согласился я. – Повезло.

Я сказал это так, как мне бы хотелось услышать от нее, и Джейн, кажется, поняла намек. Она улыбнулась.

– Знаешь, что я помню лучше всего? – продолжил я.

– Мой свитер?

Джейн всегда была остра на язык. Я засмеялся, но, отнюдь не утратив философского настроения, добавил:

– Мне понравилось, что ты пожертвовала ужином в дорогом ресторане ради собаки и отказалась уходить, пока не убедилась, что бедняжка в безопасности, Я понял, что у тебя золотое сердце.

Я был готов поклясться, что Джейн покраснела, услышав комплимент. Она быстро взяла бокал, и прежде чем жена успела заговорить, я сменил тему и спросил:

– Анна волнуется?

Джейн покачала головой:

– Нет. Ни капельки. Наверное, она думает, что все образуется, точь-в-точь как сегодня – с фотографом и тортом. Утром, когда я показала ей список дел, Анна сказала лишь: «Ну так давай начнем побыстрее».

Я кивнул. Легко было представить, как Анна произносит эти слова.

– А как там ее знакомый священник?

– Она сообщила, что звонила ему вчера вечером. Он будет рад прийти.

– Отлично. Одной проблемой меньше.

Джейн замолкла. Я понял, что она размышляет над событиями грядущей недели.

– Видимо, мне потребуется твоя помощь, – наконец сказала она.

– Что ты затеяла?

– Тебе, Киту и Джозефу нужны смокинги. И папе...

– Разумеется.

Она заерзала.

– Анна составит список гостей. К сожалению, у нас нет времени рассылать приглашения, поэтому придется их всех обзвонить. Поскольку мы с Анной заняты, а ты в отпуске...

– Конечно, буду рад помочь, – заверил я жену. – Завтра же приступлю.

– Ты знаешь, где лежит телефонная книга?

Это один из тех вопросов, к которым я привык с течением лет. Джейн убеждена, что я от природы неспособен найти самые простые вещи в нашем доме. Еще жена считает, что если я случайно положу что-нибудь не туда, то она просто обязана вернуть этот предмет на должное место. Нужно заметить, ни в том, ни в другом я неповинен. Пусть я и не знаю, где лежит каждая отдельно взятая вещь, но это скорее связано с разницей нашей логики, нежели с моей воображаемой рассеянностью. Джейн, например, свято верит, что фонарик должен лежать в одном из ящичков кухонного стола, тогда как я считаю, что ему самое место в кладовке, рядом с феном и утюгом. В результате фонарик кочует туда-сюда, а поскольку большую часть времени я провожу вне дома, то просто не в силах следить за его постоянными перемещениями. Если я оставляю ключи от машины на столе, инстинкт подсказывает, что там они и будут лежать, но Джейн автоматически перекладывает их на полку в прихожей. Что касается телефонной книги, я не сомневался, что найду ее на столике рядом с телефоном. Там она лежала в последний раз, когда я ею пользовался...

– Она стоит на полке рядом с поваренной книгой, – немедленно сообщила Джейн.

Я взглянул на нее и поспешно согласился:

– Ну да. Конечно.

Хорошее настроение царило до тех пор, пока мы не закончили ужинать и не взялись убирать со стола.

Затем постепенно, поначалу едва уловимо, добродушное подтрунивание сменилось натянутым обменом фразами, который то и дело прерывался долгими паузами.

Не могу объяснить, отчего это случилось, – видимо, нам просто не о чем было разговаривать. Джейн второй раз спросила про Ноя, и я повторил то, что она уже слышала. Через минуту она заговорила о фотографии, но затем вспомнила, что уже рассказывала об этом, и замолчала. Поскольку мы еще не звонили Джозефу и Лесли, от них не было никаких вестей. Насчет работы я тоже не мог ничего добавить, так как сидел дома. Я чувствовал, что царившая за ужином атмосфера благополучия ускользает, и хотел отвратить неизбежное. Я начал лихорадочно размышлять и наконец откашлялся.

– А ты слышала, как в Уилмингтоне акула напала на человека?

– Неделю назад? На девушку?

– Да.

– Ты рассказывал.

– Правда?

– Ты сам прочел мне статью.

Я вымыл бокал, затем дуршлаг. Было слышно, как Джейн возится в шкафу.

– Ужасное начало каникул, – добавила она. – Ее семья даже не успела распаковать вещи.

Я принялся соскребать с тарелок остатки еды в раковину, потом выбросил мусор в ведро, и этот звук эхом отозвался в кухне, подчеркнув царившую между нами тишину. Я сунул тарелки в посудомоечную машину и сообщил:

– Я прополол клумбу в саду.

– Кажется, ты сделал это еще несколько дней назад.

– Да.

Я включил воду, выдвинул из машины стойку с посудой, задвинул ее обратно...

– Надеюсь, ты не слишком долго пробыл на солнце, – сказала Джейн.

Она помнила, что мой отец умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти лет, когда мыл машину. Сердечные недомогания – бич моей семьи, и я знал, что Джейн волнуется из-за меня. Хотя сейчас мы были скорее друзьями, нежели супругами, жена неизменно беспокоилась обо

мне. Забота о других – часть ее натуры.

Ее братья и сестры обладают такими же качествами, и я приписываю это исключительно влиянию Ноя и Элли. Объятия и смех были обычным явлением в их доме, они обожали розыгрыши, но никто не имел намерения обидеть другого. Я часто гадал, каким бы человеком мог стать, если бы вырос в похожей семье.

– Говорят, завтра опять будет жарко, – сообщила Джейн, прерывая поток моих мыслей.

– В новостях сказали, температура поднимется до тридцати градусов, – продолжил я. – И влажность тоже повысится.

– Тридцати?

– Да.

– Действительно жара.

Джейн убрала остатки еды в холодильник, а я вытер стол. После недавней задушевности нынешний недостаток тем для разговора меня пугал. Судя по выражению лица Джейн, она была разочарована возвращением к привычному положению дел. Она похлопала себя по бокам – в буквальном смысле полезла за словом в карман, – а потом глубоко вздохнула и с усилием улыбнулась.

– Я позвоню Лесли, – наконец заявила она.

Мгновение спустя я в одиночестве стоял на кухне и гадал, получится ли у нас начать сначала.

В течение двух недель после первого свидания мы с Джейн виделись пять раз, а затем она уехала в Нью-Берн на рождественские каникулы. Дважды мы вместе занимались, один раз ходили в кино и еще дважды гуляли по университетскому кампусу.

Одна примечательная прогулка навсегда останется в моей памяти. День был пасмурный, все утро моросил дождь, небо затянули серые облака, казалось, что наступили сумерки. В воскресенье, два дня спустя после спасения собаки, мы с Джейн бродили среди зданий кампуса.

– Расскажи про своих родителей, – попросила она.

Я прошел несколько шагов молча, прежде чем ответить.

– Они хорошие люди, – наконец сказал я.

Джейн явно ожидала большего; когда я замолчал, она легонько толкнула меня плечом:

– И все?

Я понял, что она пытается вызвать меня на откровенный разговор (хотя мне всегда было неловко это делать) и не успокоится, пока не добьется своего. Как я позже выяснил, Джейн разбиралась не только в

науках, но и в людях. Особенно во мне.

– Не знаю, что еще сказать, – честно ответил я. – У меня самые обыкновенные родители. Работают в государственном учреждении и вот уже двадцать лет живут в Вашингтоне. У них квартира в Дюпонт-Сёркл. Я там вырос. Наверное, когда-то они подумывали о том, чтобы купить дом в пригороде, но при этом не хотели ездить на работу поездом, поэтому все осталось как есть.

– У вас был задний двор?

– Нет. Только площадка перед домом. Иногда между камней там пробивались сорняки.

Джейн засмеялась.

– А где встретились твои родители?

– В Вашингтоне. Они оба там родились. Познакомились, когда работали в транспортном департаменте. Подозреваю, сидели в одном кабинете. Подробностей я не знаю. Они никогда особо об этом не распространялись.

– У них есть хобби?

Я задумался над этим вопросом и живо представил себе родителей.

– Мама любит писать письма редактору «Вашингтон пост», – сказал я. – Думаю, она хочет изменить мир. Она всегда на стороне угнетенных, и, разумеется, идеи по переустройству вселенной у нее не иссякают. Она пишет как минимум по письму в неделю. Конечно, их не все печатают, но те, что публикуют, она вырезает и наклеивает в альбом. А папа... он очень спокойный. Любит строить кораблики в бутылке. За эти годы, наверное, построил несколько сотен. Когда на полках не остается места, он дарит кораблики школам. Дети обожают такие штуки.

– Ты тоже этим увлекаешься?

– Нет, это папино хобби. Он никогда меня не учил. По его словам, у каждого должно быть собственное занятие. Впрочем, он разрешал наблюдать, как он это делает, только ничего не трогая при этом.

– Как грустно.

– Грустно? А я об этом не задумывался. Другого положения дел я не знал, и мне нравилось. Тихо, зато интересно. Отец мало говорил за работой, но было так приятно просто проводить время рядом с ним.

– Он играл с тобой в салочки? Катался на велосипеде?

– Нет. Он вообще не любил проводить время на улице. Занимался только своими корабликами. У него я научился терпению.

Джейн потупилась, глядя себе под ноги; видимо, она вспоминала собственную семью.

– Ты единственный ребенок? – вдруг спросила она.

Хотя я никому еще об этом не говорил, мне вдруг захотелось объяснить ей почему. Я хотел, чтобы Джейн знала все.

– У мамы больше не могло быть детей. Когда я родился, у нее случилось какое-то кровоизлияние, и врачи сказали, что рожать дальше было слишком рискованно.

Джейн нахмурилась:

– Мне очень жаль.

– Наверное, ей тоже.

Мы приблизились к университетской часовне и ненадолго остановились, чтобы полюбоваться архитектурой.

– Кажется, такого откровенного разговора у нас с тобой еще не было, – сказала Джейн.

– Возможно, такого откровенного разговора у меня еще не было ни с кем.

Углом глаза я заметил, как она заправляет за ухо прядь волос.

– Наверное, теперь я понимаю тебя чуть лучше, – произнесла Джейн.

Я помедлил.

– Это хорошо?

Джейн обернулась ко мне, и я вдруг понял, что уже знаю ответ.

То, что было дальше, почти полностью улетучилось из моей памяти. Помню лишь, что сначала я взял Джейн за руку, затем нежно притянул к себе. Она, кажется, немного испугалась, а потом закрыла глаза и подалась вперед. Когда наши губы соприкоснулись, я понял, что запомню наш первый поцелуй навсегда.

Прислушиваясь, как Джейн беседует по телефону с Лесли, я подумал, что голос у нее остался, точь-в-точь как у девушки, которая некогда гуляла со мной по кампусу. Джейн говорила оживленно и весело и смеялась так, будто дочь была в комнате.

Я сидел на кушетке в дальнем углу и слушал краем уха. Некогда мы с Джейн могли болтать и гулять часами, но теперь, видимо, мое место заняли другие. Общаясь с детьми, Джейн всегда знала, что сказать, и не испытывала никаких затруднений, когда навещала Ноя. Круг ее друзей был довольно велик, и она охотно бывала в гостях. Интересно, что подумали бы знакомые, если бы провели с нами обычный вечер?

Неужели мы – единственная пара, столкнувшаяся с подобными проблемами? Или это типично для всех, кто прожил в браке много лет? Неизбежное действие времени. С точки зрения логики так оно и есть, но мне по-прежнему больно было осознавать, что вся легкость улетучится, как

только Джейн повесит трубку. Вместо радушной болтовни начнется обмен банальностями, магия исчезнет. Еще одного разговора о погоде я не выдержу.

Но что делать? Этот вопрос не давал мне покоя. В течение часа я размышлял над двумя вариантами и в конце концов понял, чего, по моему мнению, мы заслуживаем.

Джейн начала прощаться с Лесли. У всех людей есть излюбленные словечки, которыми они заканчивают телефонный разговор, и я знал словечки Джейн так же хорошо, как и свои собственные. Скоро она скажет дочери, что любит ее, выслушает то же самое в ответ и распрощается. Решив не упустить свой шанс, я поднялся с кушетки и повернулся к жене.

Надо подойти к ней и взять за руку, как тогда, перед часовней в Университете Дьюка. Она точно так же удивится, в чем дело, а затем я притяну Джейн к себе, коснусь ее лица, закрою глаза... и когда наши губы соприкоснутся, она поймет, что этот поцелуй не похож на все предыдущие. Он будет необычным, но странно знакомым, легким, но исполненным желания; он пробудит в ней давнее чувство и положит новое начало нашей жизни, как это сделал первый поцелуй много лет назад.

Спустя несколько секунд Джейн попрощалась с дочерью и повесила трубку. Пора. Собравшись с духом, я двинулся вперед.

Жена стояла спиной ко мне, по-прежнему касаясь рукой телефона. Она смотрела в окно гостиной, изучая серое, медленно темнеющее небо. Джейн была самым прекрасным человеком из всех, кого я знал, именно это я собирался сказать ей после поцелуя.

Она уже была близко – достаточно близко для того, чтобы я уловил знакомый аромат духов. Мое сердце бешено забилося. Я почти дотронулся до ее руки, но Джейн вдруг снова быстро взяла трубку. Она двигалась уверенно и порывисто.

Когда Джозеф ответил, я утратил свою решимость. Мне оставалось только вернуться на кушетку.

* * *

В течение следующего часа я сидел с раскрытой биографией Рузвельта на коленях. Хотя Джейн именно меня попросила обзвонить гостей, после разговора с Джозефом она сама поговорила с нашими близкими друзьями. Я вполне оценил ее рвение, но в итоге до девяти часов мы пребывали в разных мирах, и я пришел к выводу, что нереализованные надежды, даже

самые скромные, всегда причиняют невероятную душевную боль.

Когда Джейн закончила, я попытался привлечь ее внимание. Вместо того чтобы сесть рядом, она взяла со стола в прихожей пакет, которого я раньше не замечал.

– Я купила это для Анны по пути домой, – объяснила жена, вытаскивая два свадебных журнала. – Прежде чем отдать их ей, я бы сама хотела взглянуть.

Я натянуто улыбнулся, догадавшись, что остаток вечера потерян.

– Отличная идея.

Пока мы сидели в молчании – я на кушетке, Джейн на кресле, – я то и дело исподтишка поглядывал на нее. Глаза жены поблескивали, когда она рассматривала одно за другим свадебные платья и время от времени загибала страничку. Зрение у нее, как и у меня, было уже не таким острым, как прежде, и порой Джейн откидывалась на спинку кресла, чтобы видеть отчетливее. То и дело она что-то восторженно шептала, я догадался, что она рисует себе Анну в том или ином свадебном наряде.

Наблюдая за ее подвижным лицом, я с умилением вспоминал, как целовал его. Мне очень хотелось сказать: «Я никого не любил так, как тебя», – но здравый смысл победил, напомнив, что лучше приберечь эти слова для другого раза, когда Джейн обратит свое внимания на меня и, возможно, сумеет ответить.

По мере того как шло время, я продолжал наблюдать за женой, усердно делая вид, что читаю. Думая, что могу делать это всю ночь, но усталость взяла верх. Судя по всему, Джейн намеревалась просидеть здесь еще как минимум час. Ей не будет покоя, пока она повторно не просмотрит загнутые страницы.

– Джейн... – позвал я.

Она машинально отозвалась:

– Да?

– У меня есть идея.

– Какая? – Она увлеченно рассматривала журнал.

– О том, где устроить свадьбу.

Джейн наконец подняла взгляд.

– Может быть, это не идеальное место, зато вполне доступное и просторное, – продолжал я. – Там полно места для парковки. И цветы. Тысячи цветов.

– Где это? Я помедлил.

– В саду у Ноя. Под шпалерами.

Джейн удивленно приоткрыла рот и быстро заморгала, а потом

улыбнулась.

Глава 6

Утром я условился насчет смокингов и принялся обзванивать друзей и соседей по списку, по большей части получая ожидаемые ответы: «Конечно, мы придем», «Ни за что не свете такого не пропустим». Я не затягивал разговор надолго и потому управился еще до полудня.

Джейн и Анна отправились за цветами для букетов, а потом намеревались заскочить в старый дом. Поскольку собраться всем вместе нам предстояло только вечером, я решил отправиться в Крик-Сайд. По пути я купил в магазине три буханки хлеба.

Пока я ехал, мои мысли были заняты домом Ноя и первым визитом туда.

Мы с Джейн встречались уже полгода, когда она представила меня своим родным. В июне она окончила колледж; после вручения дипломов она села ко мне в машину, и мы вслед за Ноем и Элли поехали в Нью-Берн. Джейн была старшей из детей, и, судя по выражениям их лиц, они меня оценивали. На торжественной церемонии я стоял рядом с членами семьи; когда Элли взяла меня под руку, я преисполнился гордости, поскольку, несомненно, произвел на нее впечатление.

Ощувив мое беспокойство, Джейн немедленно по прибытии домой предложила мне прогуляться. Невероятная красота долины успокоила мои нервы, небо было ярко-голубого цвета, в воздухе не ощущалось ни весенней прохлады, ни летней духоты. Ной посадил здесь тысячи луковиц, и вдоль забора красовались лилии самых немыслимых цветов. Воздух наполняли птичьи трели. Но розарий даже с расстояния сразу же привлек мое внимание. Пять концентрических сердец (самые высокие кусты в середине, пониже – по краям) цвели алым, розовым, оранжевым, белым и желтым. В сочетаниях цветов была хорошо продуманная небрежность, отражавшая союз человека и природы, который казался почти неуместным посреди девственной красоты пейзажа.

Наконец мы подошли к шпалерам. Разумеется, я был очень привязан к Джейн, но до сих пор еще сомневался, что нам уготовано судьбой будущее. Как уже говорилось, я считал необходимым сначала сделать карьеру, а затем завязывать серьезные отношения. До выпуска мне оставался еще целый год, и казалось несправедливым просить Джейн подождать. Конечно, я даже не подозревал, что в итоге останусь в Нью-Берне. Я заблаговременно записался на собеседования в Атланте и Вашингтоне.

Джейн, впрочем, заставила меня изменить планы. Она явно наслаждалась моим обществом – слушала с интересом, игриво поддразнивала и держала за руку. Когда она впервые коснулась моей ладони, мне стало чертовски приятно. Забавно, но когда парочка держится за руки, им либо приятно, либо нет. Наверное, это как-то связано с переплетением пальцев. Когда я попытался изложить свою теорию Джейн, она засмеялась и спросила, зачем вообще нужно анализировать.

В тот день – день ее выпуска – она снова взяла меня за руку и впервые рассказала историю любви Ноя и Элли. Они познакомились, когда были подростками, и полюбили друг друга, но потом Элли уехала, и они не виделись четырнадцать лет. Ной сначала работал в Нью-Джерси, потом отправился на войну и наконец вернулся в Нью-Берн. Элли тем временем обручилась с другим. Накануне свадьбы она поехала повидать Ноя и поняла, что любит его по-прежнему. В конце концов она разорвала помолвку и осталась в Нью-Берне.

Хотя мы говорили о многом, Джейн никогда не рассказывала мне этого. История не показалась мне такой уж сентиментальной, но я понял, что она много значит для Джейн, и был тронут тем, как она заботится о родителях. Когда она начала говорить, в ее темных глазах заблестели слезы. Потом они потекли по щекам. Поначалу Джейн вытирала их платком, а затем перестала. Наверное, поняла, что нет ничего страшного в том, что я увижу, как она плачет. Это глубоко меня поразило – я догадался, что Джейн поверяет мне историю, которой делится далеко не с каждым. Сам я редко плакал; когда Джейн закончила, то, видимо, догадалась.

– Прости, что расчувствовалась, – негромко сказала она. – Но я очень долго ждала, чтобы рассказать тебе об этом. В нужное время и в нужном месте.

Она сжала мою руку так, как будто хотела держаться за нее вечно.

Я отвел взгляд; в груди у меня что-то сжалось – прежде я никогда не испытывал подобных чувств. Все вокруг цвело, каждый стебелек и каждый листик наслаждался жизнью. Я видел, что родные Джейн стоят на крыльце. На земле лежали пятна солнечного света.

– Спасибо, что рассказала, – прошептал я.

Именно тогда я понял, что это такое – окончательно и бесповоротно влюбиться.

Я приехал в Крик-Сайд и нашел Ноя у пруда.

– Здравствуйте, Ной.

– Привет, Уилсон. – Он не отрываясь смотрел на воду. – Спасибо, что заглянул.

Я поставил на землю пакет с хлебом.

– Как поживаете?

– Могло быть и лучше. Но могло быть и хуже, конечно.

Я сел рядом с ним на скамью. Лебедь не боялся меня, он плавал на мелководье неподалеку.

– Это ты предложил устроить свадьбу в старом доме? – спросил Ной.

Я кивнул.

– Наверное, Джейн удивилась, что сама об этом не подумала. У нее слишком много дел, – добавил Ной.

– Ну да. Они с Анной уехали сразу после завтрака.

– Так и рвутся в бой? – усмехнулся Ной.

– Точно. Джейн буквально вытащила Анну из дома. И с тех пор от них ни слуху ни духу.

– Элли вела себя точно так же, когда Кейт собралась замуж.

Кейт – младшая сестра Джейн. Ее свадьба тоже проходила в старом доме, и Джейн была подружкой невесты.

– Наверное, она уже подыскивает для Анны платье.

Я удивленно взглянул на него.

– Это был звездный час Элли, – продолжал Ной. – Они с Кейт провели два дня в Роли, выбирая свадебное платье. Кейт перемерила их с сотню. Когда Элли вернулась, она все мне описала в деталях: кружева, рукавички, шелк, тафта, талия с перехватом... она часами это перечисляла. Элли была такая красивая, когда радовалась, что я даже не вникал, о чем речь.

– Вряд ли у Джейн с Анной останется время на рассказы.

– Полагаю, ты прав. – Ной повернулся ко мне. – Но она ведь красива вне зависимости от того, что на ней надето. Как считаешь?

Я кивнул.

Дети вместе с нами поддерживают порядок в старом доме. Мы владеем им сообща: Ной и Элли сделали все необходимые распоряжения перед отъездом в Крик-Сайд. Дом имел огромное значение для родителей и детей. Элли и Ной просто не смогли с ним расстаться или оставить лишь одному из своих отпрысков, прежде всего из-за воспоминаний, связанных с жизнью в доме.

Как уже отмечалось, я частенько заезжал туда и, обходя сад по пути из Крик-Сайда домой, мысленно прикидывал, что надлежит сделать в первую очередь. Трава подстрижена, забор в хорошем состоянии, но, чтобы здесь можно было принимать гостей, предстояло сделать еще многое, и я понимал, что одному мне не справиться. Дом, некогда белый, после многочисленных дождей покрылся серой пылью, которую нелегко будет

смыть. Невзирая на все усилия, участок находился в скверном состоянии – вдоль забора пробивались сорняки, изгороди разрослись, вместо цветущих лилий торчали высохшие стебли. Гибискус, гортензии, герань еще цвели вовсю, но и их нужно было привести в порядок.

Не считая того, что обо всем этом предстояло позаботиться за столь короткий срок, розарий всерьез меня беспокоил. За те годы, что дом стоял пустым, он одичал, концентрические сердца стали далеко не равной высоты, а кусты как будто вросли друг в друга. Бесчисленные стебли торчали как попало, цветы терялись среди листьев. Я понятия не имел, работает ли освещение. Издалека вообще казалось, что нет иного средства, кроме как все повыдергать и подождать год.

Я надеялся, что мой дизайнер совершит чудо. Если кому-нибудь это и под силу, то только ему. Немногословный, известный своим стремлением к совершенству, Натан Литтл работал в лучших садах Северной Каролины – в Балтиморе, Трайон-Плейс, Ботаническом саду Университета Дьюка. Он знает о растениях больше, чем кто бы то ни было.

Моя любовь к нашему с Джейн садику – маленькому, но очень красивому – привела к тому, что мы с Натаном стали друзьями на всю жизнь, он частенько заезжал ко мне после работы. Мы долго беседовали о кислотности почв, о выращивании азалий, об удобрениях и о том, как правильно поливать анютины глазки. Работа в саду невероятно отличалась от того, чем я занимался в офисе, и, возможно, именно поэтому доставляла мне особое удовольствие.

Осматривая участок, я представлял себе, как он должен выглядеть. Утром я связался с Натаном, и тот согласился заглянуть, невзирая на воскресенье. У него было три бригады рабочих, по большей части испанцев; объем работ, который могла выполнить за день хотя бы одна из них, воистину впечатлял. И все-таки планы у меня были грандиозные, и я молился, чтобы они сумели закончить вовремя.

В это время в отдалении я заметил священника Харви Уэллингтона. Тот неподвижно стоял на крыльце, опершись на перила и скрестив руки на груди. Мы, судя по всему, наблюдали друг за другом; в следующее мгновение он ухмыльнулся. Я подумал, что это, возможно, приглашение в гости, но стоило мне отвести взгляд, как Харви исчез. Несмотря на то что порой мы разговаривали и даже обменивались рукопожатием, я никогда не бывал у него дома.

Натан приехал после ленча, и мы провели час за разговорами. Вернее, говорил я, а он то и дело кивал, почти не задавая вопросов. Когда я закончил, он прикрыл глаза ладонью и задумался.

Наконец Натан сказал, что основную проблему представляет собой розарий. Придется попотеть, чтобы придать ему божеский вид.

– Это возможно? – с надеждой спросил я.

Натан долго рассматривал розарий, а затем кивнул.

– Среда-четверг, – произнес он и добавил, что работать будут сразу все бригады. Тридцать человек.

Всего два дня? Натан хорошо знал свое дело, но его заявление меня крайне удивило.

Он улыбнулся и положил руку мне на плечо:

– Не беспокойся, старина. Все получится. Все будет в порядке.

Часам к трем жар начал подниматься от земли волнами. Из-за повышенной влажности воздух казался почти осязаемым, горизонт расплывался. Чувствуя, как по лбу катится пот, я достал из кармана платок, вытер лицо и уселся на крыльце в ожидании Джейн и Анны.

Хотя дом стоял заколоченным, это было сделано не из соображений безопасности. Окна закрыли досками, чтобы предотвратить вандализм и удержать людей от соблазна исследовать комнаты. Перед отъездом в Крик-Сайд Ной сам спроектировал эти щиты, снабженные крючками и петлями, чтобы их можно было запросто снять изнутри. Сторож делал это дважды в год, чтобы проветрить дом. Электричество мы отключили, но в задней части дома стоял генератор, и сторож иногда включал его и проверял, в порядке ли розетки. Воду, которая постоянно требовалась саду, отключать не стали; сторож сказал, что периодически он осматривает краны на кухне и вычищает из труб накопившуюся грязь.

Я уверен, однажды кто-нибудь поселится в старом доме. Конечно, это будем не мы с Джейн. И разумеется, это случится только после смерти Ноя.

Через несколько минут приехали Анна и Джейн; за машиной клубилась пыль. Я встретил их в тени огромного дуба. Они огляделись, и на лице Джейн появилось выражение тревоги. Анна же невозмутимо жевала жвачку.

– Привет, папа, – сказала она, улыбнувшись.

– Здравствуй, милая. Как дела?

– Отлично. Мама в панике, но мы наконец все уладили. Заказали букеты и бутоньерки.

Джейн, кажется, не слушала дочь, она лихорадочно осматривала сад. Несомненно, жена думала, что сад никоим образом не удастся привести в порядок вовремя. Поскольку она бывала здесь реже, чем я, Джейн, наверное, помнила это место таким, каким оно некогда было.

Я обнял ее за плечи и уверенно сказал, повторяя слова Натана:

– Не беспокойся, все будет в порядке.

Позже мы с Джейн вместе обошли сад. Анна отстала, чтобы поболтать с Китом по мобильнику. По пути я поделился с женой идеями, которые мы сегодня обсуждали с Натаном, но было ясно, что она думает совершенно о другом.

Когда я решительно потребовал внимания, Джейн тряхнула головой, словно отгоняя тяжелые мысли.

– Ох уж эта Анна, – со вздохом призналась она. – То у нее энергия бьет через край, то она теряет всякий интерес... И как будто не собирается ничего решать сама. Даже насчет цветов. Она, видите ли, понятия не имеет, из каких цветов должны быть составлены букеты, но стоило сказать, что мне нравится то-то и то-то, как Анна немедленно согласилась. Я с ней с ума сойду. Конечно, все это моя идея, но в конце концов свадьба-то ее.

– Анна всегда была такой, – улыбнулся я. – Помнишь, в детстве? Ты говорила то же самое, когда вы отправлялись в магазин за обновками к школе.

– Да, – согласилась Джейн. Но судя по тону ее голоса, что-то еще не давало ей покоя.

– В чем дело? – спросил я.

– Жаль, что у нас так мало времени. – Жена вздохнула. – Разумеется, мы уже кое-что сделали, но я подумала, было бы здорово, если бы я смогла устроить званый ужин. Конечно, церемония получится прелестной – а потом? Второго шанса пережить нечто подобное у Анны уже не будет.

Джейн – неисправимый романтик.

– Ну так пусть будет званый ужин.

– О чем ты?

– Давай устроим прием прямо здесь. Ради такого случая откроем дом.

Джейн взглянула на меня как на сумасшедшего.

– А дальше? Мы не договорились с поставщиком, у нас нет ни столов, ни музыки. Чтобы организовать такого рода мероприятие, нужно время. Неужели ты думаешь, что можно просто щелкнуть пальцами и все появится как по волшебству?

– Про фотографа ты говорила то же самое.

– Званый ужин – совсем другое, – заявила она тоном, не терпящим возражений.

– Тогда и сделаем по-другому, – настаивал я. – Пусть гости принесут угощение с собой.

Джейн вздрогнула.

– Ужин в складчину? – Она даже не пыталась скрыть смутение. – Ты

хочешь устроить в качестве свадебного приема ужин в складчину?

Я поежился.

– Это было всего лишь предположение.

Джейн покачала головой.

– Ничего страшного, – сказала она наконец. – И в любом случае не так уж важно. Главное – сама церемония.

– Я кое-кому позвоню. Может быть, получится что-нибудь устроить.

– У нас мало времени, – грустно повторила жена.

– Но я действительно знаю людей, которые могут нам помочь.

Это была правда. Будучи одним из трех адвокатов в городе (а некогда – и единственным), я знал многих крупных бизнесменов округа.

В глазах Джейн промелькнуло сомнение.

– Ну да... – произнесла она, и ее слова прозвучали как извинение. К моему собственному удивлению, я взял жену за руку.

– Я позвоню. Поверь мне.

Возможно, на нее подействовала серьезность, с которой я говорил, но Джейн вдруг подняла глаза и внимательно на меня посмотрела. А потом сжала мою руку как бы в знак доверия.

– Спасибо, – прошептала она.

Держа ее руку, я испытал нечто вроде дежа-вю, как будто не было всех этих лет, проведенных вместе. На краткий миг я опять увидел другую Джейн, мы снова стояли под шпалерами – только что она поведала мне историю своих родителей, мы вновь были молоды, и перед нами расстилось многообещающее будущее. Все казалось новым, как и много лет назад. Наблюдая за Джейн и Анной, я вдруг осознал, что эта свадьба будет самым прекрасным событием в нашей жизни.

Глава 7

Ужин был уже почти готов, когда вернулась Джейн. Я поставил цыпленка в духовку, вытер руки и вышел из кухни.

– Привет.

– Привет. Ты позвонил? – спросила она, кладя сумочку на столик. – Я забыла тебя спросить.

– Не волнуйся, – сказал я. – Все говорят, что охотно помогут. По крайней мере те, до кого я дозвонился.

– Все? Потрясающе. В это время года люди обычно в отпуске.

– Как мы?

Джейн весело рассмеялась; так приятно было видеть, что она в хорошем настроении.

– Конечно, – усмехнулась она, – мы ведь просто сидим и ничего не делаем, правда?

– И это не так уж плохо.

Джейн уловила доносящийся с кухни аромат, и на ее лице застыло удивление.

– Ты снова готовишь ужин?

– Я подумал, что сегодня ты не захочешь возиться на кухне.

Джейн улыбнулась:

– Как мило. – Она встретила со мной взглядом и не отводила его чуть дольше, чем обычно. – Только я, пожалуй, приму душ перед ужином. Я жутко вспотела. Целый день провела в разъездах...

– Разумеется, – согласился я.

Через пару минут послышался шум воды в ванной. Я успел пожарить овощи и накрыть на стол, прежде чем Джейн появилась на кухне.

После возвращения из старого дома я тоже вымылся, переоделся в новые брюки, потому что старые по большей части теперь были мне велики.

– Это те брюки, которые я тебе купила? – поинтересовалась Джейн, застав на пороге кухни.

– Да. И как они смотрятся?

Жена окинула меня оценивающим взглядом.

– Сидят отлично, – ответила она. – Ты здорово похудел.

– Ну и слава Богу. Было бы неприятно думать, что весь год я страдал напрасно.

– Ты не страдал. Ты ходил пешком.
– Попробовала бы ты подниматься до рассвета, особенно в дождь.
– Ах бедняжка, – поддразнила Джейн. – Тебе, наверное, приходилось нелегко.

– Ты даже себе не представляешь.

Джейн захихикала. Она тоже переоделась в удобные домашние брюки; волосы у нее были еще влажные, и на рубашке виднелось несколько мокрых пятен. Удивительно, что, не прилагая к тому никаких усилий, Джейн оставалась самой соблазнительной женщиной из всех, кого я знал.

– Ну, слушай, – сказала она. – Анна говорит, что Кита привели в восторг наши замыслы. Кажется, он рад куда больше, чем она.

– Уверен, она тоже рада. Просто нервничает, как все обернется.

– Нет. Анна никогда не волнуется. Она похожа на тебя.

– Я иногда волнуюсь, – возразил я.

– Неправда.

– Конечно, волнуюсь.

– Например?

Я задумался и сказал:

– Я волновался, когда перешел на последний курс.

Джейн покачала головой:

– Ты переживал не из-за учебы. Ты же был настоящей звездой Дьюка, о тебе даже писали в «Юридическом обозрении».

– Разумеется, я боялся тебя потерять. Ты ведь уехала в Нью-Берн. Я не сомневался, что появится какой-нибудь красавчик и уведет тебя. Наверное, я бы умер от горя.

Джейн с любопытством взглянула на меня, пытаясь осознать услышанное. Вместо ответа, впрочем, она лишь склонила голову.

– Знаешь, а ты, по-моему, втянулся.

– О чем ты?

– О свадьбе. Ты организовываешь званый ужин за два дня, помогаешь мне, предаешься воспоминаниям... Кажется, наша горячка не оставила тебя безучастным.

С кухни донесся звоночек таймера.

– Ну что ж, – пожал я плечами. – Возможно, ты права.

Я не солгал, когда сказал, что боялся потерять Джейн, возвращаясь в Университет Дьюка. Вынужден признать, я справился с ситуацией не лучшим образом. Приступая к учебе, я понимал, что нам с Джейн будет сложно поддерживать те отношения, которые установились между нами за предыдущие девять месяцев. Я гадал, как она отреагирует на эти

изменения. В течение лета мы несколько раз обсуждали эту тему, но Джейн как будто совсем не беспокоилась. В ее уверенности, что мы непременно справимся, мне виделось нечто опрометчивое; наверное, следовало бы счесть это хорошим знаком, но иногда меня посещала неприятная мысль, что я волнуюсь о Джейн куда сильнее, чем она обо мне.

Я понимал, что у меня есть свои достоинства, хотя исключительными их назвать было трудно, так же как и счесть мои недостатки из ряда вон выходящими. Честна говоря, я человек заурядный и даже тридцать лет назад, прекрасно понимал, что не рожден для славы.

А Джейн могла бы достичь чего угодно. Я уже давно понял, что она будет чувствовать себя как дома в мегаполисе и в деревне, в богатстве и в бедности. Ее способность приспосабливаться всегда поражала меня, а ум и энергия, доброта и обаяние не оставляли никаких сомнений в том, что Джейн будет идеальной женой кому угодно.

Почему в таком случае она выбрала меня?

Этот вопрос не давал мне покоя в самом начале нашего романа, поскольку я не мог найти на него вразумительного ответа. Я опасался, что однажды утром Джейн проснется, поймет, что я самый обыкновенный человек, и уйдет к какому-нибудь харизматичному мерзавцу. Постоянно тревожась, я все же не решался поговорить с ней о своих чувствах. Мне нередко хотелось открыться, но желание проходило, прежде чем я успевал набраться смелости.

Я не хочу сказать, что держал наши отношения в секрете. Наоборот, когда летом я работал в юридической фирме, то охотно рассказывал коллегам о Джейн, причем неизменно идеализировал происходящее. Мне ни разу не довелось пожалеть о сказанном, и я не сомневаюсь, что некоторые знакомые завидовали: я делал успехи не только в карьере, но и в личной жизни. Один из них, Гарольд Ларсон, тоже студент Университета Дьюка, обращался в слух, стоило мне упомянуть Джейн, видимо, потому, что у него тоже была девушка. Он встречался с Гейл около года и частенько рассказывал о ней. Как и Джейн, Гейл уехала к родителям, в Виргинию; Гарольд твердил, что женится на ней, как только получит диплом.

В конце лета нам предложили привести своих девушек на прощальную вечеринку, которую устраивала фирма в нашу честь. Гарольд заметно расстроился; когда от него потребовали ответа, он нахмурился и признался:

– Мы с Гейл расстались на прошлой неделе.

Хотя Гарольду было больно об этом говорить, ему, видимо, хотелось с кем-нибудь поделиться.

– Я думал, у нас все в порядке, пусть даже мы давно не виделись.

Наверное, она не выдержала разлуки. Гейл не захотела ждать, пока я закончу учебу, и нашла себе другого.

Память об этом разговоре не покидала меня в то последнее воскресенье лета, которое мы с Джейн провели вместе. Мы сидели в креслах-качалках на веранде старого дома. Вечером я уезжал. Я смотрел на реку и гадал, сможем ли мы пережить разлуку или же Джейн найдет мне замену.

– Эй, Уилсон, почему ты сегодня такой тихий? – наконец спросила она.

– Думаю о том, что скоро вернусь в университет.

Она улыбнулась:

– Боишься или рад?

– Все сразу, наверное.

– Взгляни на это с другой стороны. Тебе осталось всего девять месяцев до выпуска.

Я молча кивнул.

Джейн взглянула на меня.

– Уверен, что это единственная проблема? Ты весь день какой-то мрачный.

Я заерзал.

– Помнишь Гарольда Ларсона? Я вас познакомил на вечеринке.

Она прищурилась, вспоминая.

– А, тот парень, о котором писали в «Юридическом обозрении». Высокий, темноволосый?

Я кивнул.

– Что с ним такое? – спросила Джейн.

– Ты заметила, что он один?

– В общем, нет. А что?

– Его недавно бросила девушка.

– О, – отозвалась Джейн, хотя, судя по всему, она не понимала, каким образом это связано с ней.

– Нас ждет нелегкое время, – сказал я. – Мне предстоит буквально ночевать в библиотеке.

Джейн дружески похлопала меня по колену:

– Первые два года ты прекрасно справлялся. Я уверена, все будет в порядке.

– Надеюсь. Скорее всего я буду так занят, что не получится навещать тебя каждые выходные, как это было летом.

– Понимаю. Но мы ведь иногда будем видеться. Неужели у тебя совсем не останется времени? И потом, я сама могу к тебе приезжать.

С дерева поднялась целая стая скворцов.

– Тогда предупреждай заранее, если соберешься, хорошо? Вдруг у меня будет дел по горло. Последний год всегда самый трудный.

Джейн склонила голову набок, пытаясь разгадать значение моих слов.

– Что происходит, Уилсон?

– Ты о чем?

– О том, что ты сейчас сказал. Ты как будто уже подыскиваешь предлог для того, чтобы не встречаться со мной.

– Это не предлог. Я просто хочу, чтобы ты поняла, насколько я буду загружен.

Джейн откинулась на спинку кресла и поджала губы.

– И?...

– Что?

– Что же все-таки это значит? Ты больше не хочешь меня видеть?

– Нет-нет, – запротестовал я. – Но дело в том, что ты будешь здесь, а я

– там. Сама понимаешь, как это тяжело – поддерживать отношения на расстоянии.

Она скрестила руки на груди.

– И что?

– Я не хочу, чтобы кому-нибудь из нас было больно.

– Больно?

– Именно это и случилось у Гарольда и Гейл, – объяснил я. – Они слишком долго не виделись, потому что Гарольд был занят, и в итоге расстались.

Джейн помедлила.

– И тебе кажется, то же самое непременно ждет нас? – осторожно спросила она.

– Согласись, ситуация складывается не в нашу пользу.

– Ситуация? – Она нахмурилась. – Ты что, подсчитывал наши шансы с карандашом в руках?

– Я просто хочу быть честным...

– Ситуация!... Какое отношение это имеет к нам? И при чем тут Гарольд?

– Джейн, я...

Она отвернулась, не в силах смотреть на меня.

– Если ты больше не хочешь меня видеть, скажи прямо. Не отговаривайся делами. Скажи правду. Я взрослая и умею принимать поражения.

– Это и есть правда, – быстро сказал я. – Я очень хочу с тобой встречаться. Кто же знал, что ты так поймешь... – У меня перехватило дыхание. – Я имел в виду... ну... что ты особенный человек и очень много для меня значишь.

Она промолчала. В последовавшей тишине я с удивлением наблюдал за тем, как по щеке девушки катится слеза. Джейн вытерла ее и скрестила руки на груди. Она упорно разглядывала деревья у реки.

– Почему ты всегда это делаешь? – дрожащим голосом спросила она.

– Делаю что?

– Говоришь о ситуациях, объясняешь все при помощи статистики... даже наши отношения. Но жизнь далеко не всегда соответствует статистике. И люди тоже. Мы не Гарольд и Гейл.

– Я знаю...

Джейн взглянула на меня, и впервые я понял, что причинил ей боль.

– Тогда зачем ты это сказал? – резко спросила она. – Я понимаю, нам будет нелегко, ну и что? Мои родители не виделись четырнадцать лет и все-

таки поженились. А ты говоришь про какие-то девять месяцев. Ведь ты будешь всего в двух часах езды от меня! Мы можем звонить друг другу, писать письма... – Джейн покачала головой.

– Прости, – сказал я. – Наверное, я просто испугался. Я не хотел тебя огорчать.

– Почему? – поинтересовалась она. – Потому что я особенная? Потому что много для тебя значу?

Я кивнул:

– Конечно. Ты необыкновенная.

Джейн глубоко вздохнула.

– Ну что ж, я тоже рада, что мы познакомились.

И тут меня осенило. Я расценивал свои слова как комплимент, тогда как Джейн восприняла их совсем иначе. У меня пересохло в горле при мысли о том, что я мог ее обидеть.

– Прости, – повторил я. – Я не это имел в виду. Ты очень много для меня значишь, но... дело в том, что...

Язык у меня окончательно прилип к гортани; Джейн вздохнула. Вспомнив, что время поджимает, я откашлялся и попытался объяснить:

– Я хотел сказать, что, кажется, люблю тебя.

Джейн молчала; внезапно на ее лице появилась улыбка.

– Так любишь или не любишь? – уточнила она.

– Да, – подтвердил я, а затем, чтобы уж точно не остаться непонятым, добавил: – Я люблю тебя.

Впервые за все время нашего разговора она засмеялась. Джейн явно позабавило то, с каким трудом дались мне эти слова. Наконец она вскинула брови, улыбнулась и сказала, нарочито растягивая слова на южный манер:

– Ну что ж, Уилсон, это самый лучший комплимент, который ты когда-либо делал.

К моему удивлению, она встала с кресла и села ко мне на колени, а потом обняла меня и нежно поцеловала. Весь мир, кроме Джейн, внезапно утратил четкие очертания; в меркнувшем свете я услышал из ее уст свои же собственные слова.

– Да, – сказала она. – Я люблю тебя.

Я предавался воспоминаниям, когда Джейн окликнула меня.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

Сегодня я приготовил самые обычные блюда на ужин и даже не стал зажигать свечи.

– Помнишь тот вечер, когда ты приехала ко мне в Университет Дьюка? Когда мы наконец попали в «Харперз»?

– После того как ты получил работу в Нью-Берне и сказал, что хочешь отпраздновать?

Я кивнул.

– Ты надела черное платье без бретелек...

– Неужели ты помнишь?

– Как будто это было вчера. Мы не виделись почти месяц. Из окна я наблюдал за тем, как ты с присущей только тебе грацией выходишь из машины.

Джейн явно была довольна. Я продолжал:

– Более того, я помню, о чем подумал, когда увидел тебя.

– И о чем?

– Что этот год – самый счастливый в моей жизни.

Она опустила глаза, затем снова посмотрела на меня – почти застенчиво. Охваченный воспоминаниями, я дал себе волю:

– Помнишь, что я подарил тебе на Рождество?

Джейн секунду помедлила.

– Серьги, – ответила она, машинально касаясь уха. – Бриллиантовые серьги. Я знала, какие они дорогие, и очень удивилась, что ты так потратился.

– Откуда тебе знать, что они дорогие?

– Ты сам мне сказал.

– Правда? – Этого я не помнил.

– Пару раз, – ответила Джейн, улыбаясь. Несколько секунд мы сидели в молчании. Я рассматривал линию ее подбородка и то, как лучи заходящего солнца пересекают ее лицо.

– Трудно поверить, что прошло уже тридцать лет, – наконец сказал я.

Её лицо вновь затуманила знакомая печаль.

– Да, – грустно сказала она. – Поверить не могу, что Анна уже достаточно взрослая для того, чтобы выйти замуж. Почему время бежит так быстро?

– А что бы ты изменила, если бы могла? – спросил я.

– В моей жизни? – Джейн отвела взгляд. – Не знаю. Наверное, постаралась бы больше наслаждаться ею.

– И я тоже.

– Неужели? – Жена была искренне удивлена.

Я кивнул:

– Конечно.

– Пожалуйста, пойми меня правильно, Уилсон, но обычно ты не сожалеешь о прошлом. То есть ты такой практичный. Ты вообще мало о

чем сожалеешь... – Она замолчала.

– А ты? – тихо спросил я.

Джейн рассматривала свои руки.

– Почти ни о чем.

Я уже готов был взять ее за руку, но внезапно она сменила тему и бодро произнесла:

– Сегодня мы навестили Ноя.

– Да?

– Оказывается, ты заезжал к нему утром.

– Я хотел удостовериться, что он не против, если мы зайдем на время дом.

– Папа так и сказал. – Джейн передвинула вилкой несколько кусочков.

– Они с Анной так славно смотрятся рядом. Она держала его за руку все время, пока рассказывала о свадьбе. Видел бы ты это!... Я вспомнила, как они сидели с мамой... – Жена ненадолго задумалась, потом взглянула на меня. – Жаль, что мамы нет. Она всегда обожала свадьбы.

– Видимо, это ваша семейная черта, – заметил я.

Джейн тоскливо улыбнулась:

– Наверное, ты прав. Даже не представляешь себе, как это весело, несмотря на то что времени в обрез. Не могу дождаться, когда Лесли выйдет замуж. Тогда уж мы успеем как следует подготовиться.

– У нее пока нет постоянного парня, не говоря уже о человеке, который рискнул бы сделать ей предложение.

– Ерунда, – ответила Джейн, тряхнув головой. – Разве нельзя просто помечтать о том, как это будет?

Кто я такой, чтобы спорить?

– Надеюсь, этот тип предварительно заручится моим согласием, – сердито заметил я.

– А Кит спрашивал?

– Нет, но поскольку такая спешка, я и не ожидал. И все-таки это – важное испытание, через которое должен пройти каждый молодой человек.

– Помнишь, как ты просил моей руки у папы?

– Да, в тот день я изрядно закалил волю.

– Правда? – Джейн с любопытством взглянула на меня.

– Наверное, я мог бы управиться и получше.

– Папа никогда не рассказывал...

– Возможно, потому, что пожалел меня. Момент был выбран не очень удачно.

– Почему ты мне не рассказал?

– Не хотел, чтобы ты знала.

– Но сейчас придется.

Я потянулся за бокалом, думая свести все к шутке.

– Ну хорошо, – решил я. – Я приехал сразу после работы, но времени было немного, так как тем же вечером мне еще предстояла деловая встреча. Ной возился в мастерской. Все это было незадолго до того, как мы поехали на пляж. Короче говоря, он мастери́л домик для пары дубоносов, гнездившихся на крыльце, и в ту минуту как раз приколачивал крышу. Ему очень хотелось закончить работу до выходных, а я все пытался придумать, как бы половчее вернуть про нас с тобой в разговор, но в итоге так прямо и выложил. Ной попросил гвоздь, я протянул его и сказал: «Держите. Кстати, чуть не забыл, – вы не будете возражать, если я женюсь на Джейн?»

Жена усмехнулась:

– Да уж, ты всегда был на редкость деликатен. Наверное, мне не следовало бы удивляться, особенно если вспомнить, как ты делал предложение. Это...

– Незабываемо?

– Малкольму и Линде эта история никогда не наскучит.

Малкольм и Линда – наши давние друзья.

– Особенно Линде. Каждый раз, когда мы собираемся компанией, она просит меня рассказать.

– И ты, разумеется, только рада.

Джейн невинно вскинула брови:

– Если подругам нравятся мои истории, то зачем же их разочаровывать?

За ужином беззаботный диалог продолжился. Я наблюдал за тем, как Джейн режет мясо на маленькие кусочки, прежде чем приступить к еде. Я видел, как свет отражается в ее волосах, и вдыхал слабый аромат жасминового геля. Этой новоприобретенной и довольно длительной простоте общения не было никаких объяснений, да я и не пытался ничего понять. Интересно, заметила ли Джейн. Если да, то она не подавала виду, впрочем, и я тоже. Мы сидели за столом, пока остатки еды не остыли окончательно.

То, как я делал Джейн предложение, и впрямь незабываемо. Эта история неизбежно вызывает взрывы хохота у всех, кто ее слышит.

Делиться воспоминаниями – распространенная в нашем кругу традиция; встречаясь с друзьями, мы с женой перестаем быть одиночками. Мы – пара, команда, и я частенько наслаждаюсь нашим взаимодействием. Каждый из нас может вступить в середине рассказа, начатого другим, и

продолжить, не запнувшись. Если Джейн принимается рассказывать о том, как Лесли – капитана школьной группы поддержки – на футбольном поле сбил с ног разогнавшийся полузащитник, и вдруг делает паузу, я понимаю: настала пора добавить, что жена первой бросилась выяснять, все ли в порядке с девочкой, а я был парализован от страха. Но как только мне удалось собрать волю в кулак, я ринулся через толпу, расталкивая и разбрасывая встречающих, точь-в-точь как вышеупомянутый полузащитник. Я замолкаю, и Джейн немедленно подхватывает нить. Удивительно, что мы отнюдь не считаем это чем-то из ряда вон выходящим. Подобная манера разговора стала для нас естественной, и я часто задумываюсь, как обходятся люди, которые не настолько хорошо знают друг друга. Лесли, кстати, не пострадала. Когда мы подбежали к ней, она уже встала и взяла помпоны.

Но рассказывать историю своего предложения я неизменно отказывался. Я сидел молча и осознавал, что Джейн она кажется куда более забавной, нежели мне. В конце концов, я не предполагал, что будет настолько смешно. Я лишь надеялся, что Джейн запомнит этот день на всю жизнь и сочтет его романтическим.

Так или иначе, наши чувства друг к другу не угасли за год. Стояли последние весенние деньки, когда мы заговорил и о помолвке, и единственным вопросом стало лишь то, когда мы сможем сделать это официально. Я знаю, Джейн хотела чего-то особенного – родители установили для нее высокую планку. Когда Ной и Элли были вместе, казалось, что совершенство достигнуто. Если они отправлялись на природу и начинался дождь (досадная неприятность, по общему мнению), Элли и Ной разводили костер, сидели рядом и бросали друг на друга влюбленные взгляды. Если Элли была в поэтическом настроении, муж читал ей стихи. Я понимал, что должен последовать примеру Ноя, и поэтому собирался сделать Джейн предложение на пляже в Окракоке, куда мы все отправились отдыхать в июле.

Мне казалось, что план неплох. Я намеревался купить обручальное кольцо и спрягать его в найденную накануне ракушку с тем расчетом, что Джейн наткнется на нее на пляже во время поиска морских ежей. Она возьмет кольцо, я встану на колени, возьму ее за руку и скажу, что она сделает меня счастливейшим из смертных, если согласится стать моей женой.

К сожалению, с самого начала все пошло не так, как я задумывал. В выходные бушевал страшный шторм, ветер дул с такой силой, что деревья, пригибались почти до самой земли. Всю субботу я ждал, что погода

наладится, но у природы, видимо, на сей счет имелись другие планы, и небо слегка расчистилось лишь к полудню воскресенья.

Я волновался куда сильнее, чем ожидая, и поймал себя на том, что мысленно повторяю слова, которые хотел сказать Джейн: Такого рода зубрежка помогала мне в университете, но я не думал, что она помешает разговору. Не знаю, сколько времени мы бродили по пляжу в молчании, видимо, достаточно долго, потому что, когда Джейн вдруг заговорила, звук ее голоса испугал меня.

– Прилив начинается.

Я даже не подозревал, что после шторма бывает такой сильный прилив, и, хотя был уверен, что ракушка в безопасности, не стоило полагаться на удачу. В тревоге я ускорил шаг, одновременно стараясь не пробуждать у Джейн подозрения.

– Куда мы так спешим? – поинтересовалась она.

– А разве я спешу? – ответил я.

Видимо, мой ответ ее не удовлетворил; Джейн замедлила шаг. Некоторое время я шел чуть впереди, пока не заметил ракушку. У нас еще было время. Немного, но я по крайней мере мог расслабиться.

Я обернулся к Джейн, понятия не имея, что она отстала. Она стояла, наклонившись, и я догадался, чем она занята. Когда мы пришли на пляж, Джейн принялась искать крошечных морских ежей. Самые лучшие, достойные хранения в шкатулке, были почти прозрачными, размером не больше ногтя.

– Иди сюда скорее, – позвала она, что-то рассматривая. – Здесь целая грудa.

Ракушка с кольцом лежала в двадцати шагах впереди меня, Джейн находилась в двадцати шагах позади. Сообразив наконец, что мы еще не обменялись и десятком слов с самого начала прогулки, я решил подойти. Когда я приблизился, она показала мне морского ежа, осторожно балансируя им на кончике пальца.

– Только посмотри...

Это был самый крошечный экземпляр из всех, каких мы видели. Протянув ежа мне, Джейн продолжила поиски. Я присоединился к ней, намереваясь постепенно подвести ее к ракушке, но Джейн упорно обшаривала один и тот же клочок, не обращая внимания на мои передвижения. Приходилось то и дело смотреть в сторону, чтобы убедиться, что ракушка цела.

– На что ты смотришь? – наконец спросила Джейн.

– Ни на что, – ответил я. И все-таки через несколько секунд снова

взглянул в ту сторону; Джейн застучала меня и удивленно приподняла бровь.

Вода поднималась, и я сообразил, что времени у нас немного. Джейн по-прежнему обыскивала одно и то же место. Она нашла двух ежей, которые были еще меньше первого, и, кажется, не собиралась никуда уходить. Не зная, что делать, я притворился, словно заметил вдалеке ракушку.

– Погляди-ка вон на ту ракушку.

Джейн прищурилась и сказала:

– Ну так сходи за ней. Она красивая.

Я растерялся. В конце концов, именно Джейн согласно моему плану должна была ее найти. Вода подступила уже очень близко.

– Да, красивая, – растерянно повторил я.

– Так ты ее возьмешь?

– Нет.

– Почему?

– Может быть, ты сама это сделаешь?

– Я? – Джейн была озадачена.

– Если хочешь.

Джейн задумалась, а потом покачала головой:

– Дома у нас много таких.

– Ты уверена?

– Да.

Все пошло насмарку. Пытаясь придумать, как же быть дальше, я вдруг заметил, что к берегу подкатывает большая волна. Не сказав Джейн ни слова, я отчаянно рванулся вперед, чтобы спасти ракушку.

Я никогда не отличался быстротой, но в тот день, наверное, побил все рекорды. Я схватил ракушку, как регбист хватает мяч, опередив волну буквально на секунду. К сожалению, я потерял равновесие и грохнулся наземь, с трудом поднялся и принялся стряхивать с промокшей одежды песок, изо всех сил стараясь не казаться смущенным. Издалека было видно, что Джейн смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Я вернулся к Джейн и протянул ракушку.

– Вот, – сказал я, тяжело дыша.

Она по-прежнему разглядывала меня с выражением крайнего любопытства.

– Спасибо.

Я ожидал, что она перевернет ракушку или потрясет и в итоге обнаружит кольцо, но ничего подобного. Мы просто стояли и смотрели

друг на друга.

– Похоже, эта штука действительно была тебе нужна, – наконец сказана Джейн.

– Да.

– Она красивая.

– Да.

– Спасибо еще раз.

– Не стоит.

Я слегка забеспокоился и попросил:

– Потряси ее.

Джейн была озадачена.

– Потрясти? – повторила она.

– Да.

– С тобой все в порядке, Уилсон?

– Разумеется. – И я настоящим кивком указал на ракушку.

– Ну ладно... – медленно произнесла Джейн.

Она потрясла ракушку, и кольцо выпало на песок. Я бухнулся на колени и начал его искать. Забыв специально для этого подготовленную речь и даже не глядя на Джейн, я перешел непосредственно к самой сути:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Когда мы закончили прибираться на кухне, Джейн вышла на веранду и оставила дверь приоткрытой, как бы приглашая меня присоединиться. Последовав за ней, я увидел, что она стоит, облокотившись на перила, совсем как в тот вечер, когда Анна сообщила нам о предстоящей свадьбе.

Солнце село, в небе над деревьями, как фонарь, повисла оранжевая луна. Джейн смотрела на нее. Жара наконец спала, поднялся легкий ветер.

– Ты действительно думаешь, что сможешь найти поставщика? – спросила она.

Я встал рядом с ней.

– Постараюсь.

– И напomini мне завтра взять для Джозефа билет, – попросила Джейн.

– Конечно, рейс до Роли есть всегда, но, надеюсь, будет и прямой до Нью-Берна.

– Я сам могу этим заняться, – предложил я.

– Ты уверен?

– Разумеется.

Мимо нас по реке двигалась лодка – черная тень с ярким огнем на носу.

– Что еще вам с Анной осталось сделать? – поинтересовался я.

– Больше, чем ты можешь себе вообразить.
– Например?
– Найти платье, во-первых. Лесли хочет отправиться с нами. Не исключено, что потратим еще пару дней как минимум.

– Чтобы купить платье?
– Ну, сначала нужно его найти, затем подогнать по размеру. Утром мы переговорили со швеей, и она обещала, что успеет, если мы привезем платье в четверг. И потом, конечно, ужин. То есть если мы все-таки будем его устраивать. Договориться с поставщиком – только полдела, ведь нам нужна еще и какая-нибудь музыка. А чтобы украсить зал, придется много чего взять напрокат...

Я тихонько вздохнул. Конечно, не следовало бы удивляться, но все же...

– Значит, я завтра займусь звонками, а ты отправишься за платьем?
– Дождаться не могу. – Джейн вздрогнула. – Хочу увидеть, как Анна примеряет платье. Я ждала этого момента с тех пор, как она была маленькой девочкой. Ужасно волнуюсь.

– Не сомневаюсь.
– Подумать только, Анна чуть не запретила мне этим заняться.
– Просто диву даешься, какими неблагодарными могут быть дети.
Джейн засмеялась и снова взглянула на воду. Кузнечики и лягушки начали свою вечернюю песню. Есть вещи, которые не меняются.

– Хочешь прогуляться? – вдруг спросил я.
Джейн помедлила.
– Сейчас?
– Почему бы и нет?
– А куда ты хочешь пойти?
– Какая разница?
– Действительно.

Через пару минут мы уже брели по улице. Вокруг было пусто. Из-за занавесок и жалюзи на окнах соседних домов пробивался свет, в комнатах двигались тени. Мы с Джейн шли по обочине, под ногами у нас скрипел гравий. По небу тянулись облака, похожие на серебристые ленты.

– Утром здесь так же тихо? – удивилась Джейн.
Обычно я выходил из дому около шести, задолго до того как она просыпалась.

– Иногда. Обычно кто-нибудь уже совершает пробежку. Или гуляет с собакой. Эти твари любят подобраться сзади и громко рывкнуть.

– Да уж, это укрепляет нервы.

- Небольшая дополнительная нагрузка. Зато я не теряю формы.
- Мне тоже следует больше гулять. Раньше я обожала ходить пешком.
- Ты всегда можешь ко мне присоединиться.
- В половине шестого? Вряд ли.

Жена говорила игриво и в то же время недоверчиво. Некогда Джейн поднималась на заре, но она перестала это делать с отъездом Лесли в колледж.

– Но идея неплохая, – весело сказала она. – Сегодня отличный вечер.

– Да, – отозвался я, глядя на нее. Мы шли какое-то время молча, и вдруг я заметил, что Джейн смотрит на крайний дом.

– Ты слышал, что у Гленды был удар?

Гленда и ее муж – наши соседи, и хотя мы вращаемся в разных кругах, нас всегда связывали дружеские отношения. В Нью-Берне все друг друга знают.

– Да. Очень печально.

– Ведь Гленда ненамного меня старше.

– Говорят, она пошла на поправку.

Мы снова замолчали, а потом Джейн внезапно спросила:

– Ты когда-нибудь думаешь о своей матери?

Я даже не знал, что ответить. Моя мать погибла в автомобильной катастрофе на второй год нашего брака. Не могу утверждать, что я был близок с родителями, как Джейн, но мамина смерть была для меня ужасным потрясением. Даже не помню, как ездил в Вашингтон, чтобы побыть с отцом.

– Иногда.

– И что ты вспоминаешь?

– Помнишь тот последний раз, когда мы навещали моих родителей? – спросил я вместо ответа. – Мы вошли, и мама показалась из кухни. На ней была блузка в фиолетовый цветочек. Мама была очень рада нас видеть. Именно такой я ее и помню. Этот образ не меняется. Что-то вроде фотографии. Для меня она всегда одна и та же.

Джейн кивнула.

– А я представляю свою маму в студии, с краской на пальцах. Она писала групповой портрет нашей семьи – так его и не закончила. Она сильно волновалась, потому что собиралась подарить его папе на день рождения. – Джейн помолчала. – Честно говоря, я плохо помню, как она выглядела потом... Мама всегда была очень подвижной. Она энергично жестикулировала, если что-нибудь рассказывала, и лицо у нее было такое оживленное... но когда мама заболела, то изменилась. Просто стала другой.

– Понимаю.

– Иногда мне страшно, – добавила Джейн, понизив голос. – Страшно заболеть, как она.

Я промолчал.

– Не представляю себе, каково это, – продолжала жена. – Не узнавать Анну, Джозефа, Лесли... Переспрашивать их имена, когда дети придут меня навестить, – точно так же, как мама спрашивала меня... Сердце разрывается, стоит об этом подумать.

Я молча наблюдал за ней в тусклом свете, падавшем из окон.

– Интересно, знала ли мама, что ситуация будет только ухудшаться, – размышляла Джейн. – То есть она говорила, что знает, но неужели она действительно смирилась с тем, что перестанет узнавать мужа и детей?

– Думаю, она все понимала, – сказал я. – Поэтому они и перебрались в Крик-Сайд.

Джейн на мгновение прикрыла глаза. Когда она заговорила вновь, в ее голосе звучало отчаяние.

– Жаль, что папа не захотел жить с нами после смерти мамы. У нас ведь столько места.

Я промолчал. Я мог бы объяснить жене, отчего Ной предпочитает Крик-Сайд, но Джейн не стала бы слушать. Она сама прекрасно знала причину, но в отличие от меня не считала ее убедительной, и я понимал, что попытка защитить Ноя приведет к ссоре.

– Ненавижу этого лебедя, – добавила она.

Я многое мог бы сказать, но и теперь предпочел промолчать.

Мы обошли квартал. В некоторых домах уже погасили свет, а мы с Джейн двигались дальше ни быстро ни медленно. Заметив вдалеке наш дом и поняв, что прогулка подходит к концу, я остановился и взглянул на звезды.

– Что такое? – спросила Джейн, проследив за моим взглядом.

– Ты счастлива?

Она пристально посмотрела на меня:

– Почему ты спрашиваешь?

– Мне просто любопытно.

Ожидая ответа, я задумался, не разгадала ли жена мои истинные намерения. Я не столь уж часто интересовался, счастлива ли она сама по себе, в отрыве от меня.

Джейн, видимо, пыталась прочесть мои мысли.

– Ну... есть одна вещь.

– Какая?

– Очень важная...

Я ждал.

– Я буду окончательно счастлива, если ты договоришься с поставщиком, – заявила она.

Мне оставалось только рассмеяться.

В ответ на мое предложение сварить кофе Джейн устало покачала головой. За эти два долгих дня жена вымоталась; зевнув, она сказала, что пойдет спать.

Наверное, стоило отправиться вслед за ней, но я молча наблюдал, как она поднимается по лестнице, и воскрешал в памяти минувший вечер.

Позже, когда я наконец забрался под одеяло, то лег лицом к жене. Она дышала ровно и глубоко, веки подрагивали – Джейн спала. Что ей снилось, не знаю, но ее лицо было по-детски спокойным. Я смотрел на Джейн, опасаясь ее разбудить, и чувствовал, что она для меня дороже жизни. Невзирая на темноту, я заметил прядь волос на ее щеке. Кожа Джейн была мягкой, неувядаемо прекрасной. Отведя локон ей за ухо, я сморгнул непрошенные слезы, навернувшиеся на глаза.

Глава 8

Джейн воззрилась на меня с раскрытым от удивления ртом.

– Ты сумел?...

– Кажется, да, – небрежно ответил я, изо всех сил делая вид, что найти поставщика было проще некуда. До сих пор я нервно расхаживал по дому, ожидая возвращения жены.

– И с кем ты договорился?

– С «Челси», – невозмутимым тоном сказал я.

Расположенный через улицу от моего офиса, этот ресторан находился в здании, где некогда держал контору Калев Брэдхем – создатель напитка, ныне известного как кока-кола. Это было излюбленное местечко Джейн. Разнообразное меню, оригинальные экзотические соусы и маринады в дополнение к типично южным блюдам. По пятницам и субботам невозможно было получить столик без предварительного заказа; гости развлекались, пытаясь угадать, при помощи каких ингредиентов достигается тот или иной вкус.

«Челси» также славился хорошей развлекательной программой. В углу стоял рояль, на котором порой играл Джон Петерсон (он много лет давал Анне уроки). Любитель современных мелодий и обладатель голоса, как у Ната Кинга Кола, Петерсон мог исполнить любую песню по заказу и делал это так хорошо, что его приглашали выступить даже в такие отдаленные места, как Атланта, Шарлотта и Вашингтон. Джейн могла слушать его часами. Несомненно, Петерсон был тронут этой почти материнской гордостью. Недаром именно Джейн, первой во всем городе, выпал шанс заполучить его в качестве учителя для Анны.

Жена была слишком поражена, чтобы ответить. В наступившей тишине я слышал тиканье настенных часов. Джейн явно размышляла, правильно ли она меня поняла.

– Но... как?

– Я поговорил с Генри, объяснил ситуацию, изложил, что нам нужно, и он пообещал обо всем позаботиться.

– Не понимаю... Как Генри сможет все уладить за столь короткий срок? Неужели у него больше никаких планов?

– Понятия не имею.

– Ты просто взял трубку, позвонил, и дело с концом? – уточнила Джейн.

– Ну, это было не так просто. Но в итоге он согласился.
– А как насчет меню? Ты сообщил ему, сколько будет гостей?
– Я сказал, что сотня, – примерно так и получится. Что касается меню, то мы переговаривали, и он пообещал приготовить что-нибудь особенное. В случае чего я могу ему позвонить и сделать специальный заказ.

– Нет-нет, – поспешно заявила Джейн, к ней вернулось самообладание.
– Никаких проблем. Ты ведь знаешь, мне нравится все, что они готовят. Поверить не могу... – Она с удивлением взглянула на меня. – Ты это сделал.

Я кивнул.

Жена улыбнулась, затем перевела взгляд на телефон.

– Надо позвонить Анне. Она в жизни не поверит.

Генри Макдоналд, хозяин ресторана, – мой старый друг. Хотя Нью-Берн – место, где уединение практически невозможно, в этом тем не менее есть свои плюсы. Поскольку люди встречаются друг с другом с завидной регулярностью – когда ходят за покупками, гуляют, посещают церковь, бывают на вечеринках, – в маленьких городах широко распространена взаимовыручка. Иногда удастся сделать такие вещи, которые были бы невозможны где-то еще. Соседи оказывают друг другу услуги, потому что им самим однажды может потребоваться помощь, – вот чем Нью-Берн отличается от других мест.

Я был невероятно доволен проделанной работой. Направляясь на кухню, я слышал радостный голос Джейн.

– Твой отец это сделал! – восклицала она. – Понятия не имею как, но он это сделал!

Она говорила с несомненной гордостью.

Сидя за кухонным столом, я начал разбирать почту. Счета, каталоги, «Тайм». Поскольку Джейн разговаривала с Анной, я потянулся за журналом. Я думал, они еще какое-то время поболтают, но, к моему удивлению, жена повесила трубку прежде, чем я приступил к чтению первой статьи.

– Подожди, – потребовала она. – Сначала я хочу узнать все подробности. Итак, Генри приедет туда и привезет еды на сто человек. И с ним придут официанты. Правильно?

– Да, – ответил я. – Не может же он все приготовить один.

– Будет фуршет?

– Полагаю, это наилучший вариант, учитывая размер кухни в старом доме.

– Согласна. А как насчет столов и скатертей? Их он тоже привезет?

– Видимо, да. Честно говоря, я не догадался уточнить. Но ничего страшного, мы ведь можем взять напрокат все, что нам понадобится.

Джейн быстро кивнула. Она явно обновляла в уме список задач.

– Теперь... – произнесла она. Прежде чем жена успела продолжить, я взял ее за руку.

– Не волнуйся. Утром я сразу же позвоню ему и удостоверюсь, что все в порядке. – Подмигнув, я добавил: – Уж поверь мне.

Джейн вспомнила, что те же самые слова я произнес накануне, в старом доме, и застенчиво улыбнулась. Я ожидал, что это настроение быстро пройдет, но нет – мы смотрели друг на друга, а потом жена потянулась ко мне и поцеловала в щеку.

– Спасибо, что все уладил, – сказала она. У меня пересохло в горле.

* * *

Спустя месяц после того, как я сделал Джейн предложение, мы поженились. Через пять дней после свадьбы, когда я пришел с работы, жена ждала меня в гостиной маленькой квартирке, которую мы снимали.

– Нам надо поговорить, – заявила она, похлопав по кушетке рядом с собой.

Я поставил портфель и сел. Джейн взяла меня за руку.

– Все в порядке? – взволнованно спросил я.

– Да.

– Тогда в чем дело?

– Ты меня любишь?

– Да, – сказал я. – Конечно, люблю.

– Сделаешь для меня одну вещь?

– Если смогу. Ты ведь знаешь, для тебя я готов на все.

– Даже если это трудно? Даже если тебе не захочется?

– Да, – повторил я. – Джейн... что случилось?

Она вздохнула, а потом сказала:

– Я хочу, чтобы в воскресенье ты пошел со мной в церковь.

Ее слова застали меня врасплох; прежде чем я успел заговорить, Джейн продолжила:

– Знаю, ты не проявляешь к религии интереса, потому что тебя воспитали атеистом, но, пожалуйста, сделай это для меня. Мне это очень важно, даже если, по-твоему, тебе там делать нечего.

– Джейн, я...

– Ты мне нужен, – просто сказала она.

– Мы уже говорили об этом, – запротестовал я, но Джейн снова перебила меня:

– Я знаю. И понимаю, что ты воспитан иначе, чем я. Но если ты выполнишь эту простую просьбу, я буду благодарна тебе больше, чем когда-либо.

– Даже если я не верю?

– Даже если ты не веришь.

– Но...

– Никаких «но», – отрезала она. – Только не в этот раз. Я люблю тебя, Уилсон, и знаю, что ты тоже меня любишь. И если мы собираемся и дальше жить в мире и согласии, нам нужно научиться уступать друг другу. Я не прошу тебя поверить в Бога. Я только прошу пойти со мной в церковь. Брак – это компромисс. Это готовность что-то сделать для другого, даже если тебе неохота. Я ведь согласилась... насчет свадьбы.

Да, я прекрасно понимал, что чувствовала Джейн, когда мы сочетались гражданским браком.

– Хорошо, – кивнул я. – Я пойду.

При этих словах Джейн поцеловала меня. Это был божественный поцелуй.

После нежного поцелуя Джейн на кухне меня охватили воспоминания. Видимо, этот поцелуй напомнил мне, как бережно мы в прошлом умели сглаживать любые противоречия. Нас объединяла если не пылающая страсть, то по крайней мере желание все мирно уладить.

В моем представлении соблюдение взаимных обязательств и есть причина, по которой мы прожили в браке тридцать лет. Я вдруг осознал, что именно эта черта нашего союза так беспокоила меня весь последний год. Я начал задумываться не только о том, любит ли меня Джейн, но и о том, хочет ли она любить меня.

У нее было столько разочарований – все эти годы, когда я поздно возвращался домой, все эти вечера, когда я говорил только о работе, пропущенные праздники, вечеринки, семейные торжества, выходные, проведенные с коллегами и клиентами за гольфом. Я был вечно отсутствующим супругом – бледной тенью того молодого человека, за которого Джейн выходила замуж.

– Уилсон, ты в порядке?

Я с трудом улыбнулся.

– Да, – Я глубоко вздохнул и постарался сменить тему: – Как прошел день? Удалось вам с Анной выбрать платье?

– Нет. Мы заглянули в несколько магазинов, но Анне ничего не понравилось. Я даже не представляла, что на примерку уйдет столько времени. Анна такая худенькая, каждое платье приходится подкалывать, иначе вообще непонятно, как оно сидит. Завтра мы еще кое-куда съездим. Но есть и хорошие новости: Кит уже поговорил с родственниками, так что нам не придется заниматься еще и этим. Кстати, ты не забыл заказать билет для Джозефа?

– Нет, – ответил я. – Он прилетит вечером в пятницу.

– В Нью-Берн или в Роли?

– В Нью-Берн. В половине девятого. Лесли сегодня была с тобой?

– Нет. Она позвонила, когда мы уже уехали. Ей нужно было провести какие-то дополнительные исследования в лаборатории для проекта, но она непременно поможет нам завтра. Она сказала, что в Гринсборо тоже есть магазин, если нам не лень туда ехать.

– Вам не лень?

– Это в трех с половиной часах езды отсюда! – простонала Джейн. – Честное слово, я не намерена проводить в машине семь часов!

– А почему бы там не заночевать? – предложил я.

Жена вздохнула.

– Анна сказала то же самое. Она считает, сначала нужно поехать в Роли, а на следующий день в Гринсборо. Но я не хочу оставлять тебя одного, ведь здесь еще столько дел.

– Непременно поезжай, – уверенно заявил я. – Теперь, когда у нас есть поставщик, все не так страшно. Я справлюсь, даже если вдруг возникнут проблемы. Нельзя же устраивать свадьбу без свадебного платья.

Джейн скептически взглянула на меня:

– Ты уверен?

– Абсолютно. Возможно, у меня еще останется время поиграть в гольф.

Она фыркнула:

– Да уж наверное.

– Как насчет гандикапа? – поинтересовался я с притворным возмущением.

– По-моему, если тебе и стоит во что-то играть, так это в лото.

– Это оскорбление?

– Нет, констатация факта. Я видела, как ты играешь.

Я кивнул. Джейн была права. Хотя я потратил много лет, отрабатывая удар, до хорошего игрока мне было далеко. Я взглянул на часы.

– Не хочешь отправиться куда-нибудь и перекусить?

– Что? Сегодня никто не будет готовить?

– Только в том случае, если ты настроена доедать остатки. Я не успел сбегать в магазин.

– Это шутка. Я и не ожидала, что сегодня ты будешь готовить. Хотя, надо признать, у тебя уже неплохо получается. – Джейн улыбнулась. – Конечно, я с удовольствием куда-нибудь пойду, безумно проголодалась. Подожди минутку, мне надо переодеться.

– Ты и так отлично выглядишь, – запротестовал я.

– Всего минутку, – повторила она и пошла наверх.

Конечно, это заняло не минутку. Я знал Джейн и со временем понял, что «минутка» обычно равняется в среднем двадцати. Я научился занимать себя чем-нибудь, что не требовало работы мысли, например, шел в кабинет и прибирался на столе или исправлял настройки стереосистемы. Давно замечено, что за такими незамысловатыми занятиями время пролетает незаметно. Частенько Джейн успевала управиться раньше, после чего просто стояла и наблюдала за мной, пока я не оборачивался.

– Ты готова? – спрашивал я.

– Я уже давно готова, – фыркнув, отвечала она. – И уже десять минут жду, пока ты закончишь.

– Прости, – говорил я. – Сейчас проверю, на месте ли ключи, и пойдем.

– Только не говори, что ты их потерял.

– Нет, конечно. – Я хлопал по карманам и с удивлением обнаруживал, что ключей нигде нет. Тогда я поспешно говорил: – Уверен, они где-то здесь. Я видел их всего минуту назад.

Джейн театрально закатывала глаза.

Сегодня ради разнообразия я взял «Тайм» и устроился на кушетке. Прочитав несколько статей, я услышал шаги Джейн и отложил журнал. И вдруг зазвонил телефон.

Прислушиваясь к дрожащему голосу на другом конце провода, я ощутил, как радостное предвкушение ужина улетучивается и его место занимает гнетущий страх. Только я повесил трубку, Джейн спустилась.

Увидев мое лицо, она замерла.

– Что случилось? – спросила она. – Кто звонил?

– Твоя сестра, – негромко ответил я. – Она в больнице. Ною плохо.

Глава 9

Джейн сдерживала слезы, пока мы ехали в больницу. Обычно я вожу с предельной осторожностью, но на этот раз то и дело менял полосу и жал на газ, стоило светофору загореться желтым. Дорога была каждая минута.

Когда мы прибыли, ситуация напоминала весеннюю, когда у Ноя случился удар, как будто за четыре месяца ничто не изменилось. Пахло аммиаком и антисептиком, в переполненной приемной горел ровный флуоресцентный свет. Вдоль стен и рядами по центру стояли металлические стулья с виниловыми сиденьями, там и сям сидели группки по два-три человека и разговаривали приглушенными голосами; очередь с регистрационными листками змеей загибалась за угол.

Родственники Джейн собрались у двери. Кейт стояла, бледная и взволнованная, рядом со своим мужем Грейсоном – в рабочем комбинезоне и пыльных сапогах. Его угловатое лицо было сплошь покрыто морщинами. Дэвид, младший брат Джейн, стоял, обняв за плечи жену Линн.

Увидев нас, Кейт бросилась навстречу, по ее щекам текли слезы. Они с Джейн обнялись.

– Что случилось? – спросила Джейн дрожащим от рыданий голосом.

Кейт едва могла говорить.

– Он упал возле пруда. Никто не видел, как это произошло. Когда сиделка нашла его, папа был без сознания. Она говорит, он ударился головой. Его привезли в больницу двадцать минут назад, сейчас с ним доктор Барнуэлл. Больше мы ничего не знаем.

Джейн обмякла в руках сестры. Ни Дэвид, ни Грейсон не смотрели в их сторону, губы у обоих были плотно сжаты. Линн стояла, скрестив руки на груди, и нервно покачивалась на каблуках.

– Когда мы сможем его увидеть?

Кейт покачала головой:

– Не знаю. Сиделки велят подождать доктора Барнуэлла.

– Но все ведь будет в порядке?

Кейт не ответила, и Джейн, пытаясь успокоиться, глубоко вздохнула.

– Все будет в порядке, – произнесла она.

– Ох, Джейн... – Кейт закрыла глаза. – Не знаю. Никто не знает.

– Где Джефф? – спросила Джейн, оглядываясь в поисках недостающего брата. – Он ведь приедет?

– Я наконец ему дозвонился, – сообщил Дэвид. – Он заедет за Дебби, а

потом они помчатся прямо сюда.

Дэвид присоединился к сестрам, и они втроем обнялись, как будто надеясь объединить силы, которые им понадобятся.

Вскоре приехали Джефф и Дебби. Джеффа немедленно ввели в курс дела; на его вытянутом лице отражался тот же страх.

По мере того как шло время, мы разделились на две группы – дети Ноя и их супруги. Хотя я любил Ноя и Джейн была моей женой, я уже понял, что родственники ей иногда нужнее меня. Мое сочувствие и поддержка ей понадобятся позже, но не сейчас.

Мы с Линн, Грейсоном и Дебби уже переживали это – весной, и еще раньше, когда умерла Элли, и шесть лет назад, когда у Ноя случился сердечный приступ. У детей Ноя были свои ритуалы – объятия, молитвы в общем кругу, тревожные расспросы, а мы держались стойками. Грейсон, как и я, всегда был немногословен, в волнении он засовывал руку в карман и брэнчал ключами. Линн и Дебби, убедившись, что мужья в эту минуту больше нуждаются в сестрах, чем в них, казались растерянными и неуверенными – они держались в сторонке и шептались. Я же, напротив, старался принести какую-нибудь пользу, вдобавок это помогало держать эмоции под контролем.

Заметив, что очередь у стола регистрации рассеялась, я подошел. Медсестра взглянула на меня поверх высокой стопки анкет. По ее лицу было видно – она устала.

– Чем могу помочь?

– Не знаете ли вы еще чего-нибудь о Ное Кэлхоуне? Его привезли полчаса назад.

– Вы уже разговаривали с врачом?

– Нет. Но здесь в сборе все родственники, они страшно расстроены.

Медсестра проследила за моим взглядом.

– Врач или кто-нибудь из сестер скоро выйдет.

– Я понимаю. Но может быть, вы могли бы узнать, когда нам разрешат навестить отца? И вообще как он себя чувствует?

Я сомневался, что она сумеет мне помочь, но медсестра снова взглянула на семью Ноя и вздохнула.

– Дайте мне несколько минут. Я скоро закончу и тогда попробую что-нибудь выяснить, хорошо?

Ко мне, не вынимая рук из карманов, подошел Грейсон.

– Как дела?

– Держусь.

Он кивнул и снова забрэнчал ключами.

– Я, пожалуй, сяду. Бог весть, сколько нам еще здесь ждать.

Мы присели. Через несколько минут приехали наши дочери. Анна присоединилась к родственникам, Кейт опустилась рядом со мной. Вся в черном, Анна выглядела так, как будто прибыла с похорон.

Ждать в подобной ситуации всегда самое худшее, и именно по этой причине я ненавижу больницы. Ничего не происходит, но перед мысленным взором проходят самые мрачные образы, специально приберегаемые сознанием на крайний случай. В тишине я слышал биение собственного сердца, в горле у меня пересохло.

Я заметил, что дежурная медсестра вышла, и понадеялся, что она отправилась узнать, как дела у Ноя. Краем глаза я увидел Джейн, встал и протянул руку, чтобы жена могла на нее опереться.

– Ненавижу ждать, – сообщила она.

– Я тоже.

В приемную вошла молодая пара с тремя ревущими детьми. Мы отодвинулись, давая им пройти; когда они приблизились к столу, появилась медсестра. Она жестом велела новоприбывшим подождать и направилась к нам.

– Он в сознании, – сказала она, – но у него головокружение. Показатели хорошие. Возможно, через час мы отправим его в палату.

– С ним все в порядке?

– Его не собираются переводить в отделение интенсивной терапии, если вы об этом, – уклончиво ответила сестра. – Но скорее всего ему придется провести в клинике несколько дней.

При этих словах послышался дружный вздох облегчения.

– Нам нужно увидеть папу, – настаивала Джейн.

– Мы не можем впустить всех вас сразу. Там мало места. И потом, доктор Барнуэлл считает, лучше всего будет, если вы позволите больному отдохнуть. Доктор разрешил одному из вас навестить пациента сейчас. Только пусть не задерживается надолго.

Было очевидно, что пойдут Кейт или Джейн; но, прежде чем кто-либо успел заговорить, медсестра спросила:

– Кто из вас Уилсон Льюис?

– Я.

– Пойдемте со мной. Скоро установят капельницу. Возможно, вы успеете повидать до того, как он заснет.

Все взгляды сосредоточились на мне. Я знал, почему Ной хочет видеть именно меня, и все-таки возразил:

– Да, именно я просил вас об этом, но, наверное, пойти следует Джейн

или Кейт. Одной из его дочерей.

Медсестра покачала головой:

– Он хочет видеть вас. Он отчетливо сказал, что вы должны навестить его первым.

Хотя Джейн улыбнулась, по ее лицу было ясно, что она чувствует и что чувствуют все остальные. Любопытство, разумеется. И удивление. Боюсь, вдобавок Джейн ощутила себя обманутой, как будто в точности знала, почему Ной выбрал меня.

Ной лежал в постели с двумя трубками в вене, подключенный к аппарату, который выводил на экран его ровный сердечный ритм. Глаза у него были полузакрыты, но он повернул голову на звук, когда медсестра задернула за мной занавеску и ушла, оставив нас наедине. Было слышно, как ее шаги затихают в отдалении.

Ной казался слишком маленьким для этой постели, его лицо было белым как полотно. Я сел рядом.

– Здравствуйте, Ной.

– Привет, Уилсон, – дрожащим голосом отозвался тот. – Спасибо, что заглянул.

– Как поживаете?

– Могло быть лучше, – ответил он и слабо улыбнулся. – Хотя могло быть и хуже, конечно.

Я взял его за руку.

– Что случилось?

– Корень. Я проходил мимо тысячу раз, но в конце концов он вылез из-под земли и бросился мне под ноги.

– И вы ударились головой?

– И не только. Я грохнулся, как мешок с картошкой. Слава Богу, ничего не сломал. Просто голова немного кружится. Доктор говорит, я встану через пару дней, Я сказал: вот и прекрасно, потому что в выходные меня пригласили на свадьбу.

– Не беспокойтесь о свадьбе. Думайте лучше о том, чтобы поскорее поправиться.

– Все будет в порядке. Силы у меня еще есть.

– Не сомневаюсь.

– Как там Кейт и Джейн? Держу пари, страшно волнуются.

– Мы все волнуемся. И я тоже.

– Да, только ты не смотришь на меня печальными глазами и не плачешь каждый раз, когда мне удастся выговорить слово.

– Я плачу, когда вы отворачиваетесь.

Ной улыбнулся:

– Ты не похож на них. Готов поспорить, они поочередно будут сидеть здесь круглые сутки, поправлять одеяло и взбивать подушки. Все они настоящие наседки. Конечно, дети желают мне добра, но подобная возня любого сведет с ума. Когда я весной угодил в больницу, меня не оставляли одного ни на минуту. Даже в туалет нельзя было сходить без того, чтобы кто-нибудь из них не отправился со мной и не подождал у двери, пока я закончу.

– Если помните, тогда вы не могли ходить сами.

– И все-таки человек не должен утрачивать чувства собственного достоинства.

Я сжал его руку.

– Вы всегда будете самым достойным из всех, кого я знаю.

Ной пристально взглянул на меня и заметно смягчился:

– Они не оставят меня в покое ни на минуту. Сам знаешь. Будут ходить вокруг и переживать. – Он лукаво улыбнулся. – С ними не повеселишься.

– Не грустите, Ной. Они делают это из-за любви к вам.

– Знаю. Но не нужно обращаться со мной как с ребенком.

– Они не будут.

– Нет, будут. Поэтому передай им, пожалуйста, что мне необходим отдых и покой.

Я улыбнулся:

– Конечно.

Несколько секунд мы сидели молча. Аппарат размеренно пищал, и эта монотонность успокаивала.

– Знаешь, почему я попросил позвать тебя, а не одного из моих детей? – поинтересовался Ной.

– Вы хотите, чтобы я ездил в Крик-Сайд и кормил лебедя? Как прошлой весной? – предположил я.

– Если ты не против.

– Вовсе нет. Буду рад помочь.

Ной помолчал, выражение лица у него было умоляющее.

– Я не мог просить тебя при всех. Они страшно злятся, стоит хотя бы упомянуть про лебедя. Думают, что я схожу с ума. Но ты ведь все понимаешь, Уилсон?

– Да.

– Потому что тоже веришь. Она была около меня, когда я очнулся, так что сиделке пришлось ее отогнать. Она все время держалась рядом.

Я знал, какого ответа ждет Ной, но никак не мог подобрать

правильные слова. Вместо этого я просто улыбнулся:

– Четыре куска хлеба утром и три вечером, правильно?

Ной стиснул мою руку, вынудив снова взглянуть на него.

– Ты ведь действительно веришь мне, Уилсон?

Я молчал. Поскольку Ной понимал меня лучше, чем кто бы то ни было, я был не в силах скрывать правду.

– Не знаю, – наконец сказал я.

При этих словах в его глазах промелькнуло разочарование.

Через час Ноя перевезли в палату на втором этаже и пустили к нему родных.

Джейн и Кейт вошли в палату, дружно бормоча: «Папочка...» Следом появились Линн и Дебби, потом Дэвид и Джефф. Грейсон встал в изножье кровати, а я остался у двери.

Как и предсказывал Ной, все дети, без исключения, нависли над ним. Они держали отца за руку, поправляли одеяло, взбивали подушки, прикасались к нему, обнимали, целовали, суетились и засыпали Ноя вопросами. Джефф начал первым:

– Ты в порядке? Врач сказал, ты сильно ушибся.

– Все нормально. У меня шишка на голове. А еще я немного устал.

– Я перепугалась до смерти, – объявила Джейн. – Слава Богу, все обошлось.

– Я тоже испугался, – сказал Дэвид.

– Не следовало оставаться одному, если ты чувствовал головокружение, – упрекнула старика Кейт. – В следующий раз просто оставайся на месте, пока кто-нибудь не подойдет.

– Кто-нибудь подойдет в любом случае, – напомнил Ной.

Джейн поправила отцу подушку.

– Надеюсь, ты пролежал там не слишком долго? Ужасно, что тебя не сразу нашли.

Ной покачал головой:

– Всего каких-нибудь два часа...

– Два часа?! – взвизгнули обе дочери и замерли, обмениваясь испуганными взглядами.

– Ну или чуть дольше – трудно сказать, потому что солнце было закрыто облаками.

– Дольше? – переспросила Джейн, сжимая кулаки.

– Я слегка промок. Наверное, пошел дождь. Или неподалеку работала поливалка.

– Ты же мог умереть! – воскликнула Кейт.

– Эй, все не так плохо. Немного воды никому не повредит. Хуже всего был енот. Он так смотрел на меня, что я подумал: а может, он бешеный? И тут он прыгнул...

– На тебя напал енот? – Джейн была готова упасть в обморок.

– Ну, не то чтобы напал. Я отогнал его прежде, чем он успел меня укусить.

– Он пытался тебя укусить! – застонала Кейт.

– Ничего страшного, мне и прежде доводилось встречаться с енотами.

Кейт и Джейн в ужасе уставились друг на друга, затем взглянули на братьев. Воцарилась мертвая тишина, и вдруг Ной улыбнулся. Он указал на детей пальцем и подмигнул:

– Попались?...

– Не смей больше так шутить! – крикнула Кейт.

– Да, папа, это не смешно, – добавила Джейн.

Ной зажмурился от удовольствия.

– Простите, не удержался. Вы так переполошились. Да будет вам известно, что я пролежал там всего минуты две. Все в порядке. Я сам мог доехать до больницы, но меня заставили лезть в машину «скорой помощи».

– Ты не должен был садиться за руль. И вообще у тебя уже просрочены права.

– Но я ведь не разучился водить! А машина все равно стоит на парковке без дела.

Джейн и Кейт замолчали, но я понимал, что они прикидывают, как бы забрать у отца ключи. Джефф кашлянул.

– Может быть, раздобыть тебе сигнальное устройство? Если это повторится, помощь придет немедленно.

– Не нужно. Я всего лишь споткнулся о корень и в любом случае не успел бы нажать на кнопку. А когда пришел в себя, надо мной уже стоял врач.

– Я поговорю с директором, – решительно сказал Дэвид, – Если он не уберет этот корень, я сам его обрублю.

– А я помогу, – добавил Грейсон.

– Корень не виноват в том, что я в старости стал неуклюж. Через день-другой я встану, а в выходные буду как новенький.

– Не волнуйся, – сказала Анна. – Поправляйся и ни о чем не думай.

– Мы так за тебя переживали, – заверила Кейт.

– Перепугались насмерть, – закончила Джейн.

Я улыбнулся. Ной был прав – настоящие наседки.

– Все будет в порядке, – повторил Ной. – Не вздумайте отменить

свадьбу из-за меня. Я непременно приду. И не рассчитывайте, что какая-то шишка на голове меня удержит.

– Сейчас это не важно, – заметил Джефф.

– Он прав, дедушка.

– Не откладывайте свадьбу, – потребовал Ной.

– Не говори так, папа, – сказала Кейт. – Ты проведешь здесь столько времени, сколько будет нужно.

– Пообещайте, что не отложите свадьбу. Учтите, я жду ее с нетерпением.

– Не будь таким упрямым, – взмолилась Джейн.

– Сколько раз нужно повторить? Для меня это важно. Свадьба бывает не каждый день!

Убедившись, что с дочерьми ему не сговориться, Ной обратился к Анне:

– Ты-то меня понимаешь, внука?

Анна помедлила. Она молча взглянула на меня, затем на Ноя.

– Конечно, дедушка.

– Значит, ты не отложишь свадьбу?

Она инстинктивно потянулась к руке Кита и запросто ответила:

– Если тебе так хочется.

Ной улыбнулся с явным облегчением.

– Спасибо, – прошептал он.

Джейн подоткнула одеяло.

– В таком случае до выходных ничего не вытворяй. И будь осторожнее в будущем.

– Не волнуйся, папа, когда ты вернешься в Крик-Сайд, этого корня уже не будет, – пообещал Дэвид.

Разговор вновь зашел о случившемся, и я вдруг понял: никто из родственников Ноя даже не обмолвился о том, зачем старик отправился к пруду. Повторяю, ни один из них не желал и слышать о лебеде.

Ной рассказал мне про лебедя пять лет назад. Элли месяц как умерла, и Ной стремительно начал стариться. Он редко выходил из комнаты даже для того, чтобы почитать соседям стихи. Он сидел за столом и перечитывал письма, которые они с Элли писали друг другу, или листал томик Уитмена.

Мы, разумеется, старались почаще выводить его на свежий воздух; по иронии судьбы именно я привел его к пруду. Тем утром мы впервые увидели лебедя.

Я понятия не имел, о чем думает Ной, а он не подал и виду, что видит в этом нечто значительное. Помню, как лебедь поплыл к нам, рассчитывая

чем-нибудь поживиться.

– Нужно было захватить хлеба, – сказал Ной.

– В следующий раз так и сделаем, – машинально отозвался я.

Два дня спустя, приехав в Крик-Сайд, я удивился, не обнаружив Ноя в комнате. Сиделка сказала, что он на улице. Старик сидел на скамье у пруда. Рядом с ним лежал кусок хлеба. Когда я подошел, лебедь воззрился на меня, но не выказал никаких признаков страха.

– Похоже, вы нашли себе друга, – сказал я.

– Кажется, да.

– Хлеб с изюмом?

– Ей он нравится больше всего.

– Почему вы знаете, что это «она»?

Ной улыбнулся.

– Знаю, и все, – ответил он. Так и пошло.

С тех пор Ной регулярно кормил лебедя и навещал его в любую погоду. Он сидел у пруда под дождем и в палящий зной, а с годами начал проводить там все больше и больше времени, наблюдая за лебедем и шепотом разговаривая с ним. Порой он целыми днями не покидал своего поста.

Несколько месяцев спустя после нашего знакомства с лебедем я поинтересовался, отчего Ной столько времени проводит на пруду. Я полагал, что старику приятно общаться с живым существом, пусть даже не способным ответить. Но Ной заявил:

– Потому что она хочет меня видеть.

– Птица? – уточнил я.

– Нет. Элли.

Внутри у меня все сжалось при звуках этого имени; я даже не понял, о чем он говорит.

– Элли хочет, чтобы вы кормили лебедя?

– Да.

– Откуда вы знаете?

Ной вздохнул и посмотрел на меня.

– Это она и есть, – объяснил он.

– Кто?

– Лебедь.

Я покачал головой:

– Не понимаю...

– Элли, – повторил Ной. – Она вернулась ко мне, как и обещана. Нужно было лишь найти ее.

Вот что подразумевают врачи, когда говорят, что у Ноя галлюцинации.

Мы пробыли в больнице еще полчаса. Доктор Барнуэлл обещал позвонить утром, после обхода. Он был другом нашей семьи и заботился о Ное, как о собственном отце. Мы полностью ему доверяли. Я, как и обещал, намекнул остальным, что Ной устал и нужно оставить его в покое. По пути на парковку мы договорились навещать его посменно, а затем все обнялись и расцеловались. Мы с Джейн остались одни и наблюдали, как уезжают родственники.

По ее блуждающему взгляду и вялым движениям было ясно, что она устала. Я и сам изнемогал от желания отвлечься и отдохнуть.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

– Кажется, да. – Жена вздохнула. – Я знаю, с папой ничего страшного, но он как будто не понимает, что ему почти девяносто. Он не поправится так быстро, как ему хочется. – Она на мгновение закрыла глаза. Я догадался, что Джейн беспокоится о свадьбе.

– Ты ведь не согласишься на том, чтобы Анна отложила свадьбу? После всего, что сказал Ной?

Джейн покачала головой.

– Я пыталась его переубедить, но он же такой упрямый. Надеюсь, он настаивает на этом не потому...

Она замолчала. Я прекрасно понял, что Джейн хотела сказать.

– ...не потому, что жить ему осталось недолго, – закончила она. – И что это последний большой праздник в его жизни.

– Ной так не считает. Он проживет еще немало лет.

– Ты уверен?

– Да. Для своего возраста он держится прекрасно. Особенно если сравнить с его ровесниками в Крик-Сайде, Они почти не выходят из комнат и целыми сутками смотрят телевизор.

– Ну да, а он сидит у пруда и любит этим дурацким лебедем. Как будто есть какая-то разница.

– Лебедь его радует, – заметил я.

– Но это неправильно, – резко возразила Джейн. – Разве ты не понимаешь? Мамы нет. И лебедь не имеет к ней никакого отношения.

Я не знал, что ответить, и поэтому просто промолчал.

– Это какое-то безумие, – продолжала она. – Кормить лебедя – одно дело. Но верить, что мамин дух каким-то образом вернулся, бессмысленно. – Она скрестила руки на груди. – Я слышала, как папа разговаривает с лебедем. Он постоянно с ним беседует и, кажется, искренне уверен, что лебедь его понимает. Кейт и Дэвид тоже слышали. И ты.

Жена с упреком взглянула на меня.

– Да, – признал я. – Я слышал, как Ной разговаривает с лебедем.

– И тебя это не тревожит?

Я переступил с ноги на ногу и осторожно сказал:

– Мне кажется, сейчас Ною просто нужно во что-то верить.

– Но почему?

– Потому что он любит Элли. И скучает по ней.

У Джейн задрожали губы.

– И я скучаю, – прошептала она.

Но мы оба прекрасно знали, что это не одно и то же.

Невзирая на усталость, нас обоих не привлекала перспектива оказаться дома после пережитого в больнице. Джейн внезапно объявила, что умирает с голоду, и мы решили поужинать в «Челси».

Не успев войти, я услышал звуки фортепиано. Джон Петерсон, ненадолго вернувшийся в Нью-Берн, играл в ресторане по выходным, но время от времени выступал и в будние дни – в том числе сегодня. Столики вокруг инструмента были заняты, в баре тоже не нашлось мест.

Мы сидели наверху, подальше от толпы; столики там по большей части пустовали. Джейн удивила меня, заказав бокал вина: видимо, пыталась расслабиться.

– Что папа сказал тебе, пока вы были вдвоем? – спросила жена, осторожно извлекая кости из рыбы.

– Ничего особенного, – ответил я. – Я спросил, как он себя чувствует и что случилось. В основном то же самое потом слышали и все вы.

Она подняла бровь:

– В основном? А что еще?

– Ты действительно хочешь знать?

Джейн отложила вилку.

– Он снова попросил тебя кормить лебедя, да?

– Да.

– И ты согласился?

– Да, – сказал я, но увидел выражение ее лица и быстро добавил: – Прежде чем сердиться, учти: я согласился вовсе не потому, что верю, будто лебедь и есть Элли. Я делаю это по одной причине – меня попросил Ной. Я не хочу, чтобы лебедь умер от голода. Полагаю, он уже разучился искать корм самостоятельно.

Джейн скептически взглянула на меня:

– Мама терпеть не могла хлеб с изюмом. Она никогда его не ела. Предпочитала печь сама.

К счастью, появление официанта пресекло дальнейшее обсуждение этой темы. Когда он спросил, как нам нравятся закуски, Джейн вдруг поинтересовалась, войдут ли эти блюда в свадебное меню. Выражение лица официанта вдруг изменилось. Он улыбнулся.

– А, так это вы устраиваете свадьбу на выходных в старом доме Кэлхоуна? – спросил он.

– Да, – сияя, ответила Джейн.

– Так я и подумал. У вас будет работать не меньше половины нашего персонала. – Официант ухмыльнулся. – Приятно было встретиться. Если угодно, я покажу вам полное праздничное меню.

После его ухода Джейн наклонилась ко мне:

– Видимо, это ответ на один из моих вопросов. Насчет обслуживания.

– Я же велел тебе не беспокоиться.

Она допила вино.

– Думаешь, они установят тент, поскольку праздник будет проходить на улице?

– Почему бы не устроить все в доме? – предложил я. – Я, во всяком случае, буду там, когда придут садовники, может быть, удастся заодно нанять уборщиков. У нас есть несколько дней. Уверен, что кого-нибудь подыщу.

– Давай попытаемся, – протянула Джейн. Я догадался, что она вспоминает свой последний визит в старый дом. – Там, наверное, чертовски пыльно. В доме годами никто не прибирал.

– Да, но ведь это всего лишь уборка. Я кое-кому позвоню. Посмотрим, что можно сделать, – настаивал я.

– Ты все время так говоришь.

– Я все время так поступаю, – возразил я, и Джейн добродушно засмеялась.

В окно у нее за спиной я увидел свою контору и заметил, что у Саксона по-прежнему горит свет. Несомненно, у него возникли важные дела, поскольку Саксон редко засиживался допоздна. Джейн перехватила мой взгляд.

– Уже скучаешь по работе? – спросила она.

– Нет, – ответил я. – Так приятно ненадолго от нее оторваться.

Она пристально взглянула на меня:

– Ты не врешь?

– Нет, конечно. – Я потерел воротник рубашки. – Здорово, что в течение недели не нужно надевать костюм.

– Готова поклясться, ты уже забыл, что это такое. Полноценного

отпуска у тебя не было... кажется, восемь лет.

– Быть того не может.

Джейн кивнула:

– Ты порой брал отгулы на два-три дня, но последний твой отпуск, на неделю, был аж в 1995 году. Помнишь? Когда мы в детях уехали во Флориду. Сразу после того, как Джозеф окончил школу.

Она была права. То, что некогда казалось плюсом, теперь я рассматривал как ошибку.

– Прости, – сказал я.

– За что?

– За то, что у нас не было отпуска. Это несправедливо по отношению к тебе и к детям. Мне следовало больше времени проводить с вами.

– Все в порядке, никаких проблем, – отозвалась Джейн, помахивая вилкой.

– Нет, – возразил я. Хотя жена уже давно привыкла к моей одержимости работой и приняла ее как неизбежное, я знал, что для нее это всегда было больным местом. Мне удалось привлечь ее внимание, и я продолжил:

– Я хочу попросить прощения за все. Жаль, что работа помешала мне принять участие во многих событиях, пока наши дети росли. Например, в вечеринках на день рождения. Я даже не помню, сколько из них пропустил из-за того, что у меня были совещания, которые я отказывался переносить. Я еще много чего пропустил – волейбольные матчи, экскурсии, школьные концерты, спектакли... Удивительно, что дети не держат на меня зла, не говоря уже о том, что они меня любят.

Джейн кивнула в знак согласия, но ничего не сказано. Впрочем, она и не могла бы возразить. Вздыхнув, я продолжил:

– Конечно, я не всегда был идеальным мужем. Иногда я поражаюсь, отчего ты так долго с этим мирилась.

Джейн удивленно подняла брови.

– Ты провела слишком много вечеров и выходных в одиночестве, и вдобавок я возложил на тебя всю ответственность за детей. Это нечестно. Когда ты говорила, что хочешь проводить со мной больше времени, я не слушал. Даже в тот день, когда тебе исполнилось тридцать... – Я сделал паузу.

Глаза жены увлажнились при этом воспоминании. Это была одна из многочисленных сделанных в прошлом ошибок, о которых я тщетно пытался забыть.

Тогда Джейн попросила меня о сущем пустяке. Придавленная

бременем материнства, она хотела вновь почувствовать себя женщиной, хотя бы на один день. Она заблаговременно принялась делать мне разнообразные намеки на то, каким должен быть романтический вечер – разложенное на постели платье, цветы, лимузин, тихий уютный ресторан, столик с красивым видом из окна, приятный разговор, никакой спешки. Даже в те годы я прекрасно понимал, как это для нее важно, и искренне собирался исполнить все, чего хотела Джейн. Но потом я впутался в довольно сложный земельный процесс, так что не успел сделать необходимые приготовления к ее дню рождения. В последнюю минуту я отправил секретаршу купить стильный браслет и по пути домой уверил себя, что Джейн сочтет эту отнюдь не дешевую вещь верхом экстраординарности. Когда жена развернула подарок, я заверил, что у нас непременно будет романтический вечер и даже лучше, чем она себе представляет. Всего лишь еще одно обещание, которое я так и не выполнил. Полагаю, Джейн сразу это поняла.

Угнетенный воспоминаниями об упущенных возможностях, я не стал продолжать и молча потер лоб. Я отодвинул тарелку и почувствовал на себе взгляд Джейн. К моему удивлению, она потянулась через стол и взяла меня за руку.

– Уилсон, ты в порядке? – В ее голосе звучала ласковая забота.

Я кивнул.

– Можно кое о чем спросить?

– Конечно.

– Почему вдруг сегодня ты начал каяться? Папа что-то тебе сказал? – с тревогой в голосе спросила Джейн.

– Нет.

– Тогда почему ты об этом заговорил?

– Не знаю... может быть, из-за свадьбы. – Я натянуто улыбнулся. – В последнее время я много об этом думаю.

– И похоже, радости мало.

– Да, – признал я. – И все же...

Джейн склонила голову набок.

– Конечно, я тоже не идеальна.

– Ты куда ближе к совершенству, чем я.

– Согласна, – ответила она, пожав плечами.

Я невольно засмеялся и почувствовал, что напряжение немного спало.

– Да, ты много работал, – продолжала Джейн. – Может быть, слишком много. Но я всегда знала: ты делаешь это для того, чтобы содержать семью. В твое оправдание можно сказать многое. Благодаря тебе я получила

возможность спокойно сидеть дома и воспитывать детей. Для меня это всегда было важно.

Я улыбнулся, ее слова прозвучали как прощение. Мне повезло, подумал я, склоняясь к жене.

– Знаешь, о чем еще я думал?

– О чем?

– Я пытался понять, почему ты вышла за меня замуж.

Выражение ее лица смягчилось.

– Не будь так строг к себе. Я бы не вышла за тебя против воли.

– Почему ты это сделала?

– Потому что любила тебя.

– Почему?

– На то есть множество причин.

– Например?

– Тебе нужны подробности?

– Уж будь добра. Я только что раскрыл тебе все свои секреты.

Джейн улыбнулась, видя мою настойчивость.

– Ну ладно. Я вышла за тебя, потому что... Ты честный, трудолюбивый, добрый. Вежливый и терпеливый, а еще – самый серьезный из всех парней, кого я знала. Когда мы были вместе, я чувствовала себя единственной женщиной на свете – так ты на меня смотрел. Я была уверена в тебе, и мне казалось, нет ничего лучше, чем проводить время с тобой.

Она помедлила.

– Но дело не только в моих ощущениях. Чем больше я тебя узнавала, тем сильнее верила, что ты сделаешь все необходимое для своей семьи. Для меня это было важно. Если помнишь, в те годы многие молодые люди мечтали изменить мир. Да, это очень благородно, но я хотела чего-то другого. Я хотела семью, точь-в-точь как у моих родителей. Хотела свое маленькое уютное гнездышко. Я искала человека, который возьмет меня в жены, подарит радость материнства и при этом будет уважать мой выбор.

– И это был я?

– В общем, да.

Я засмеялся:

– По-моему, ты ни словом не обмолвилась о моей потрясающей внешности и сногшибательной харизме.

– Ты ведь хотел правду, не так ли? – поддразнила меня Джейн.

Ее слова заставили меня улыбнуться. Джейн взяла меня за руку.

– Я шучу. Мне всегда нравилось, как ты смотришься в костюме.

Высокий, изящный, энергичный человек, который стремится создать своей семье наилучшие условия. Ты был очень привлекателен.

Ее откровенность грела мне душу. В течение следующего часа, пока мы изучали за кофе праздничное меню и слушали доносившуюся снизу музыку, я время от времени ловил ее взгляд – раньше Джейн никогда так на меня не смотрела. Голова слегка кружилась. Возможно, Джейн перебирала в уме те причины, по которым она вышла замуж. И хотя я все еще сомневался, выражение ее лица вселяло уверенность, что сегодня Джейн счастлива.

Глава 10

В четверг утром я проснулся до рассвета и выскользнул из постели, изо всех сил стараясь не разбудить Джейн. Одевшись, я вышел из дому: на небе ни проблеска света, даже птицы еще не проснулись, однако уже было тепло, и на асфальте попадались после вчерашнего дождя лужи. Уже чувствовалось приближение жары, и я порадовался тому, что выбрался пораньше.

Я начал с размеренного шага, затем, согревшись, постепенно набирал скорость. Со временем я полюбил эти прогулки. Когда-то я думал, что прекращу их, как только сброшу лишний вес, но взамен удлинил дистанцию и взял за привычку отмечать время ухода и возвращения.

Я наслаждался утренней тишиной. В этот час на улицах было мало машин, и все чувства как будто обострялись. Я слышал собственное дыхание, ощущал асфальт под ногами, наблюдал наступление рассвета – поначалу слабый свет на горизонте, оранжевое сияние над верхушками деревьев, потом черный цвет сменяется серым... Даже в пасмурные дни я охотно выходил на прогулку и удивлялся, отчего прежде никогда этого не делал.

Прогулка обычно занимала сорок пять минут, ближе к концу я замедлял шаг и восстанавливал дыхание. Лоб у меня был покрыт потом, но усталости я не чувствовал. Заметив свет в окне кухни, я с радостной улыбкой свернул на подъездную дорожку.

Из кухни доносился восхитительный аромат бекона – этот запах напомнил мне далекое прошлое. Когда дети были маленькими, Джейн обычно собирала к завтраку всю семью, но в последние годы эта традиция сошла на нет. Еще одна перемена в нашей жизни.

Джейн выглянула из кухни, когда я шагал через гостиную. Она была уже одета и в переднике.

– Как прогулка? – спросила она.

– Для старика чувствую себя неплохо, – отозвался я, заходя на кухню.

– А ты раненько встала.

– Я слышала, как ты выходил из спальни, – сказал Джейн, – и решила встать, поскольку заснуть мне уже не удалось. Будешь кофе?

– Предпочту сначала выпить воды. Что у нас на завтрак?

– Яичница с беконом. – Джейн достала стакан. – Ты, наверное, голоден. Хотя вчера мы ужинали довольно поздно, сегодня я проснулась и

поняла, что сильно хочу есть. Нервы, должно быть... – добавила она с усмешкой.

Я взял стакан, мимолетно коснувшись ее пальцев. Возможно, у меня просто разыгралось воображение, но взгляд Джейн как будто задержался на мне чуть дольше, чем обычно.

– Сначала вымоюсь и переоденусь, – сказал я. – Скоро будет готов завтрак?

– Через несколько минут. Только поджарю тосты.

Когда я вновь спустился, Джейн уже накрывала на стол.

Я сел рядом с ней.

– Я думала о поездке в Гринсборо, – призналась она.

– И?...

– Это зависит от того, что сегодня скажет доктор Барнуэлл. Если он сочтет, что папа идет на поправку, я сразу же отправлюсь в Гринсборо. Разумеется, если до тех пор мы не выберем платье здесь. В противном случае придется ехать завтра.

Я взял кусочек бекона.

– Если бы Ною стало хуже, доктор Барнуэлл уже позвонил бы. Ты ведь знаешь, как он о нем беспокоится.

– Тем не менее я дождусь звонка, – заявила Джейн.

– Конечно. Как только начнут пускать посетителей, я поеду навестить Ноя.

– Папа будет ворчать. Он ненавидит больницы.

– Всякий бы на его месте ворчал. Не представляю себе человека, который спокойно едет в больницу, если, конечно, это не женщина, у которой начались схватки.

Джейн намазала маслом тост.

– А как быть со старым домом? Ты действительно думаешь, что там достаточно места?

Я кивнул:

– Если вынести мебель, места будет полно. Все вещи просто уберем в сарай на пару дней.

– Ты наймешь грузчиков?

– Возможно. Хотя сомневаюсь, что они понадобятся. Натан привезет уйму рабочих. Полагаю, он не станет возражать, если я попрошу их помочь.

– В доме будет совсем пусто, – грустно сказала Джейн.

– Нет, если расставить столы. Я подумываю о том, чтобы устроить фуршет у окна, – в таком случае освободится место для танцев, прямо

напротив камина.

– Каких танцев? У нас нет музыки.

– Сегодня я как раз собираюсь этим заняться. А еще приглашу уборщиков и загляну в «Челси», разумеется.

Джейн, склонив голову набок, пристально изучала меня.

– Похоже, ты только об этом и думаешь.

– Как по-твоему, чем я занимался утром, пока гулял?

– Полагаю, пыхтел и сопел, как обычно.

Я рассмеялся:

– Эй, я же в хорошей форме. Сегодня я даже кое-кого обогнал.

– Старика на костылях?

Я искренне радовался хорошему настроению жены. Интересно, связано ли это с тем, как она смотрела на меня накануне? Так или иначе, я был уверен, что мне не мерещится.

– Кстати, спасибо за завтрак.

– Не стоит благодарности. На этой неделе ты нам очень помог... И вдобавок дважды приготовил ужин.

– Да, – согласился я. – Я просто ангел.

Джейн улыбнулась:

– Ну, я бы так не сказала...

– Неужели?

– Но без твоей помощи я бы, наверное, уже спятила.

– И умерла с голоду.

– Мне нужен твой совет, – сказала Джейн. – Как тебе платье без рукавов, с перехватом на талии и небольшим шлейфом?

Я почесал подбородок и задумался.

– Наверное, смотрится мило, но, полагаю, смокинг мне пойдет больше.

Джейн уничтожающе взглянула на меня, и я изобразил святую простоту.

– Ах, это платье для Анны! – воскликнул я и, подражая Ною, произнес: – Несомненно, она будет красавицей, что бы на нее ни надели.

– И у тебя нет никаких конкретных предпочтений?

– Я даже не знаю, что такое талия с перехватом.

Джейн вздохнула:

– Мужчины...

– Да, – отозвался я. – Просто удивительно, как мы вписываемся в общество.

Доктор Барнуэлл позвонил в начале девятого. У Ноя все было в

порядке, его собирались выписать сегодня же или в крайнем случае завтра. Я облегченно вздохнул и передал трубку Джейн. Доктор Барнуэлл повторил ей то же самое. Потом она позвонила в больницу и поговорила с Ноем, который убедил ее ехать в Гринсборо с Анной.

– Похоже, пора собираться, – сказала жена, повесив трубку.

– Несомненно.

– Надеюсь, сегодня мы что-нибудь найдем.

– А если нет, просто извлеките максимум удовольствия. Свадьба, в конце концов, бывает только раз.

– Учти, у нас еще двое детей свободны, – засмеялась Джейн. – Это только начало.

Я улыбнулся:

– Надеюсь.

Через час Кит привез Анну с маленьким чемоданчиком. Джейн еще собиралась, поэтому дочь встретил я. Как всегда, она была одета в черное.

– Привет, папа.

Я вышел на крыльцо.

– Здравствуй, детка. Как поживаешь?

Анна поставила чемодан и обняла меня.

– Нормально. Честное слово, это весело. Поначалу я была не уверена, но сейчас все просто здорово. Мама, кажется, вдохновилась. Я уже давно не видела ее такой счастливой.

– Я рад.

Анна улыбнулась, и я вновь поразился тому, какая она взрослая. Всего минуту назад казалось, она была маленькой девочкой. Почему время так летит?

– Не могу дождаться субботы, – шепнула дочь.

– Я тоже.

– Ты подготовишь дом?

Я кивнул.

Анна осмотрелась. Увидев выражение ее лица, я догадался, о чем она хочет поговорить.

– Как дела у вас с мамой?

Впервые она спросила меня об этом в прошлом году, через несколько месяцев после отъезда Лесли, потом спрашивала еще пару раз, но неизменно в отсутствие Джейн. Поначалу я удивлялся, а со временем даже начал ожидать этого вопроса.

– Все хорошо, – ответил я.

Я всегда отвечал именно так, хотя Анна, разумеется, не всегда верила.

На этот раз она взгляделась в мое лицо, а затем, к моему изумлению, крепко меня обняла.

– Я тебя обожаю, папа, – прошептала она. – Ты просто потрясающий.

– Я тебя тоже обожаю, милая.

– Маме повезло, – сказала Анна. – И не забывай об этом.

– Итак, – произнесла Джейн, – кажется, мы готовы.

Анна ждала в машине.

– Ты ведь позвонишь, если что-нибудь случится?

– Обещаю, – сказал я. – И передай привет Лесли.

Стоя рядом с машиной, я ощущал нестерпимую духоту. Воздух казался густым и тяжелым, все было как будто подернуто дымкой. Еще один жаркий день.

– Желаю удачи! – воскликнул я, уже начиная скучать по Джейн.

Она кивнула и села в машину. Глядя на нее, я понимал, что моя жена по-прежнему способна вскружить голову мужчине. Я постарел, но безжалостное время пощадило Джейн.

Почему? Не знаю и никогда не думал об этом; слова вырвались у меня прежде, чем я успел подумать.

– Ты прекрасна, – сказал я.

Джейн бросила на меня удивленный взгляд. Судя по выражению лица, она решила, что ослышалась. Не дожидаясь ответа, я сделал то, что казалось столь же естественным, как дыхание, – придвинулся ближе, прежде чем Джейн успела отвернуться, и нежно поцеловал ее.

Этот поцелуй не был похож на те, которыми мы обменивались в последнее время, – быстрые и поверхностные, как у случайных знакомых при встрече. Я не спешил отрываться от ее губ, и Джейн тоже медлила; когда мы наконец разъединились и я посмотрел в глаза жены, то понял, что поступил правильно.

Глава 11

Я с удовольствием предавался воспоминаниям о нашем поцелуе, сядясь в машину, чтобы отправиться по делам. Заскочив сначала в магазин, я поехал в Крик-Сайд и направился в комнату Ноя.

Как всегда, в воздухе пахло антисептиком. Яркая цветная плитка и широкие коридоры напомнили больницу; миновав комнату отдыха, я отметил, что заняты лишь несколько столов и кресел. Двое мужчин играли в шашки в углу, кто-то смотрел телевизор. Дежурная медсестра не обратила внимания на мой приход.

Звуки работающего телевизора преследовали меня, пока я не добрался до комнаты Ноя. В отличие от большинства обитателей Крик-Сайда, чьим комнатам не доставало уюта, Ной превратил свое жилище в некоторое подобие настоящего дома. На стене над креслом-качалкой висела картина кисти Элли – заросший пруд в стиле Моне. Полки были уставлены бесчисленными рамками с фотографиями детей, на спинке кровати висел свитер, в углу приютился секретер, который некогда стоял в гостиной старого дома. Он принадлежал отцу Ноя и сплошь был покрыт зарубками, царапинами и чернильными пятнами. Ной частенько сидел здесь по вечерам, в ящиках секретера хранились его сокровища – исписанная тетрадь, в которой была увековечена история любви к Элли, дневники с пожелтевшими от старости страницами, сотни писем, в том числе последнее письмо жены. Были там и засушенные цветы, и газетные вырезки, где шла речь о картинах Элли, и подарки от детей, и томик Уолта Уитмена, с которым Ной прошел всю войну.

Возможно, это всего лишь инстинкт юриста, но я вдруг задумался, что станет с этими вещами, когда Ной умрет. Как распределить их среди детей? Самое простое решение – раздать поровну, но тогда возникнут другие сложности. Кто, например, получит тетрадь? Кто – письма или дневники? Нетрудно разделить деньги, но как разделить душу?

Ящики были не заперты. Хотя Ною предстояло вернуться через пару дней, я собрал некоторые вещи, которые могли понадобиться ему в больнице.

По сравнению с прохладой в комнате на улице стояла удушающая жара, и я немедленно покрылся лотом. Двор, как обычно, был пуст. Шагая по гравийной дорожке, я разыскивал корень, о который споткнулся Ной, и обнаружил его у подножия старой магнолии – он торчат из земли и

напоминал греющуюся на солнце змею.

Пруд отражал небо, точно зеркало, и несколько мгновений я любовался тем, как по его поверхности медленно скользят облака. С дальнего конца пруда ко мне поплыл лебедь.

Я достал хлеб и раскрошил его на маленькие кусочки по примеру Ноя. Бросив первую порцию в воду, я невольно задумался о словах Ноя. Неужели лебедь действительно находился рядом с ним, когда случилась неприятность? Сиделка, обнаружившая старика, клялась, что лебедь был первым, кого увидел Ной, придя в сознание, но неужели птица охраняла его до тех пор? Трудно сказать наверняка, но в глубине души я верил старику.

Конечно, я не собирался бросаться в крайности. Лебедь оставался рядом, потому что Ной его кормил, – это скорее ручное, нежели дикое животное. Оно не имеет ничего общего с Элли и ее духом. Я просто не мог внушить себе мысль о том, что такое возможно.

Лебедь не обратил внимания на брошенный ему кусок хлеба, он наблюдал за мной. Странно. Когда я кинул второй кусок, лебедь проводил его взглядом и вновь уставился на меня.

– Ешь, – приказал я. – У меня полно дел.

Было видно, как под водой медленно двигаются лапы лебедя, помогая ему удерживаться на месте.

– Ну, давай, – вполголоса подбодрил я. – Раньше ты не отказывался.

Я бросил третий кусок, который с легким всплеском упал всего в нескольких дюймах от лебедя. И снова тот не двинулся с места.

– Ты не голоден? – спросил я.

Позади меня заработали пульверизаторы, мерно выбрасывавшие воду. Я взглянул через плечо, но в окне комнаты Ноя лишь отражались лучи солнца. Не зная, что делать, и почти не надеясь на удачу, я бросил четвертый кусок.

– Он попросил меня прийти, – сказал я.

Лебедь вытянул шею и расправил красивые крылья. Я вдруг понял, что следую порочному примеру Ноя – разговариваю с птицей, как будто она способна меня понять.

Как будто это Элли.

«Нет, конечно, – подумал я, отгоняя эту мысль. – Люди разговаривают с кошками и собаками, даже с растениями, они кричат, когда смотрят футбольный матч по телевизору. Джейн и Кейт зря волнуются. Ной проводит у пруда по несколько часов в день, куда удивительнее было бы, если бы он не начал беседовать с лебедем».

Но все-таки говорить с ним – одно дело. Верить, что это Элли, –

совсем другое. А Ной действительно верил.

Хлеб, который я побросал лебедю, пропитался водой и утонул, но птица продолжала смотреть на меня. Я бросил еще кусок, а потом оглянулся, желая удостовериться, что никто за нами не наблюдает. «Почему бы и нет?» – решил я и с этой мыслью подался вперед.

– С ним все в порядке, – тихо объяснил я. – Я видел его вчера, а сегодня утром говорил с врачом. Ной вернется завтра.

Птица, кажется, раздумывала над моими словами. Мгновение спустя у меня волосы встали дыбом: лебедь принялся за еду.

Приехав в больницу, я решил, что ошибся палатой.

Я столько лет знал Ноя – и ни разу не видел, как он смотрит телевизор. Хотя в старом доме телевизор имелся, его преимущественно смотрели дети, когда были маленькими; к моменту моего появления ящик включали редко.

Семья Ноя проводила большинство вечеров на веранде, рассказывая истории. Иногда они пели под гитару или просто беседовали. В холодную погоду Ной разводил огонь в камине, и семья развлекалась в гостиной. Порой все устраивались на кушетке и в креслах и принимались за чтение. Часами тишину нарушал только шелест переворачиваемых страниц, – сидя рядом друг с другом, они странствовали по разным мирам.

Это было путешествие в прошлое, в те годы, когда семья ценилась превыше всего, и я всегда с нетерпением ждал вечеров у Ноя. Они напоминали мне время, проведенное с отцом, когда он возился со своими корабликами. Я понимал, что телевизор – всего лишь форма бегства от действительности, но ничего умиротворяющего в нем нет. Ной умудрялся вообще обходиться без него. До сегодняшнего утра.

Открыв дверь, я услышал звук телевизора. Ной сидел в постели и смотрел на экран.

– Здравствуйте, Ной, – улыбнулся я, но вместо обычного приветствия тот недоверчиво взглянул на меня.

– Заходи, – сказал он. – Не поверишь, что они показывают.

Я вошел в палату.

– Что вы смотрите?

– Сам не знаю, – ответил он, не отрываясь от экрана. – Какое-то ток-шоу. Я сначала думал, будет что-нибудь вроде Джонни Карсона. Но ты себе даже не представляешь, о чем речь...

В моей памяти немедленно пронеслись названия некоторых наиболее вульгарных программ – из тех, что заставляют задуматься о загробном будущем продюсера. Разумеется, Ной именно такую и смотрел. Не было нужды знать, что именно обсуждают участники: по большей части все

темы были одинаково отвратительны, и гости, задавшиеся единственной целью попасть на экран, щеголяли своей пошлостью, не догадываясь о том, какими дегенератами они выглядят.

– Зачем вообще такое смотреть?

– Получилось случайно, – объяснил Ной. – Я намеревался посмотреть новости, но тут началась реклама, а потом вот это. Когда я разобрался, в чем дело, то не утерпел и не стал переключать канал. Все равно что издалека наблюдать за дракой.

Я сел на постель рядом с ним.

– Все так плохо?

– Не хотел бы я теперь быть молодым. Общество катится под уклон. Рад, что не увижу его крушения.

Его слова заставили меня улыбнуться.

– Это говорит ваш возраст, Ной.

– Может быть, но все-таки я прав. – Он покачал головой, взял пульт и выключил телевизор.

Тем временем я выложил на постель вещи, привезенные из Крик-Сайда.

– Я подумал, что они помогут вам провести время... Если, конечно, вы не предпочитаете телевизор.

Ной смягчился при виде пачки писем и сборника «Листья травы». Книга, которую перелистывали тысячи раз, казалась разбухшей; Ной коснулся пальцем потрепанной обложки.

– Ты хороший человек, Уилсон. Значит, ты только что был у пруда?

– Как положено, четыре кусочка утром.

– И как она поживает?

Я поерзал на кровати, подбирая слова.

– Кажется, она по вас скучает, – сказал я наконец.

Он кивнул, выпрямился и спросил:

– Значит, Джейн с Анной уехали?

– Они, наверное, еще в пути. Выехали час назад.

– А Лесли?

– Ждет их в Роли.

– Чувствую, в субботу будет настоящий праздник, – добродушно усмехнулся Ной. – А как у тебя дела? Что там с домом?

– Пока все в порядке. Надеюсь, к четвергу управимся.

– Какие планы на сегодня?

Я рассказал, и Ной одобрительно присвистнул.

– Похоже, дел у тебя по горло.

– Да уж. Но до сих пор мне везло.
– Еще бы. За исключением меня, разумеется. Я вам мог спутать все карты.

– Но не спутали. Говорю же, мне везет.

Ной вздернул подбородок.

– А как насчет годовщины?

Вопрос Ноя напомнил о долгих часах, проведенных за подготовкой, – бесконечные телефонные звонки, походы на почту и в магазины... Я трудился над подарком, когда выдавались свободные минутки в офисе, и долго думал, как бы преподнести его наилучшим образом. Все в конторе знали, что именно я затеял, и поклялись хранить тайну. Более того, коллеги оказывали мне невероятную поддержку – подарок был не из тех, что можно сделать в одиночку.

– В четверг вечером, – уточнил я. – Похоже, это наш единственный шанс. Джейн возвращается сегодня, завтра она скорее всего захочет навестить вас, а в пятницу приедут Джозеф и Лесли. Суббота, разумеется, также отпадает. – Я помедлил. – Надеюсь, ей понравится.

Ной улыбнулся.

– Не беспокойся, Уилсон. Лучшего подарка не получилось бы, даже если бы ты был самым богатым человеком на свете.

– Хочется верить, что вы правы.

– Так и есть. Это будет прекрасное начало праздника.

Его искренность придала мне сил, я был тронут тем, что Ной меня любит, невзирая на все различия.

– Это вы подали идею, – напомнил я.

Он покачал головой:

– Нет. Ты все организовал сам. Подарок, сделанный от души, целиком на совести дарителя. – Для пущей выразительности Ной похлопал себя по груди. – Элли бы понравилось. Она всегда буквально таяла, когда видела что-нибудь подобное.

– Жаль, что ее не будет на свадьбе, – грустно сказал я.

Старик взглянул на стопку писем. Я понял, что он вспоминает Элли; на мгновение Ной как будто помолодел.

– И мне жаль, – произнес он.

* * *

Асфальт обжигал мои ступни, пока я шел через парковку, рубашка

прилипала к спине. Стоящие поодаль строения казались зыбкими.

Сев в машину, я покатил по извилистой проселочной дороге; она была так же знакома мне, как улица, на которой располагался мой дом. Любуясь суровой красотой приморских долин, я миновал фермы и табачные плантации, которые казались почти заброшенными. Одну ферму от другой отделяли полосы специально посаженных сосен, вдалеке копошился трактор, а за ним вздымалось облако пыли.

Порой вдали показывалась река Трент, ее медленные воды рябили на солнце. По берегам росли дубы и кипарисы, их белые стволы и раскидистые кроны отбрасывали причудливые тени, с ветвей свисал испанский мох. Потом фермы сменились лесом, и я осознал, что эти деревья стояли здесь еще во времена Конфедерации^[2].

Сначала было видно, как поблескивает на солнце жестяная крыша, затем появился сам дом, и вскоре я достиг цели своего путешествия. Остановившись на обсаженной деревьями подъездной дорожке и оглядывая здание, я подумал, что оно выглядит заброшенным. Чуть в стороне стоял выцветший красный сарай, где Ной хранил всякий хлам и инструменты; в его стенах зияли многочисленные дыры, крыша проржавела. Сразу за домом находилась мастерская, в которой хозяин проводил большую часть дня. Двери висели на покосившихся петлях, окна были покрыты толстым слоем пыли. За мастерской начинался заросший сад. Видно, что сторож давно не стриг траву, поэтому газон теперь напоминал дикий луг.

Я вылез из машины и немного постоял, осматривая дом, потом выудил ключ из кармана и открыл дверь. На полу немедленно пролегли полосы солнечного света. Поскольку окна были заколочены, в доме царил мрак, и я решил обязательно включить генератор перед уходом. Когда глаза привыкли к темноте, я начал различать очертания предметов. Прямо передо мной начиналась лестница, которая вела наверх, в спальни, слева находилась просторная гостиная, тянувшаяся через весь дом, с выходом на террасу. Именно здесь мы поставим столы для праздничного ужина, в этой комнате точно поместятся все гости.

В доме пахло пылью, она слоями лежала на ткани, которой была укрыта мебель. Придется напомнить грузчикам, что все это – сплошной антиквариат, ровесник дома. Камин был выложен раскрашенной вручную керамической плиткой; когда Ною потребовалось заменить потрескавшиеся изразцы, он с облегчением обнаружил, что старая фирма по-прежнему на плаву. В углу стояло фортепиано, также в чехле; на нем играли не только дети Ноя, но и его внуки.

По другую сторону камина были три окна. Стоя в потемках, я попытался представить, как будет выглядеть комната, когда мы закончим все приготовления к празднику, но не смог. Хотя я неоднократно рисовал себе, чего именно хочу, дом пробуждал во мне воспоминания, и сама мысль о том, чтобы изменить его облик, представлялась невозможной.

Сколько вечеров мы провели здесь с Ноем и Элли? Трудно сосчитать. Мне казалось, я слышу взрывы смеха и отзвуки душевных бесед.

Наверное, я приехал в старый дом, потому что утренние события усилили чувство тоски, не дававшее мне покоя. Я до сих пор ощущал нежные губы Джейн и вкус ее помады. Неужели наши отношения действительно изменились к лучшему? Отчаянно хотелось в это верить, но я подозревал, что просто проецирую собственные чувства на Джейн. Наверняка я знал лишь то, что впервые за долгое время выдалась минута – всего лишь минута! – когда Джейн была так же счастлива со мной, как и я с ней.

Глава 12

Остаток дня я провел в своем кабинете, у телефона. Мне удалось договориться, что старый дом, включая веранду, вычистят к четвергу, еще я вызвал электрика, который должен был удостовериться: генератор, розетки и фонари в розарии по-прежнему в рабочем состоянии. Я позвонил в фирму, осуществлявшую в прошлом году ремонт нашего офиса, и они пообещали прислать маляров – слегка «освежить» наружные стены, а заодно и забор вокруг сада. Бюро проката предоставляло нам тенты, столы, стулья, скатерти, посуду и столовые приборы, и все это должны были доставить утром в четверг. Вечером я ожидал официантов из «Челси», которым предстояло начать подготовку к субботнему празднеству заблаговременно. Натану Литтлу не терпелось приступить к работе; когда я позвонил, он заверил, что заказанные мной растения из питомника уже лежат у него в фургоне. Он также согласился выделить рабочих для выноса мебели из дома. Наконец, я договорился, что в четверг придет настройщик фортепиано.

Все это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Я не только был знаком с большинством людей, у которых просил помощи, но и вдобавок некогда уже проделывал нечто подобное. Такой же взрыв энергии мы с Джейн пережили, когда вскоре после свадьбы купили наш первый дом – старый, с террасой, явно выдавший лучшие времена. Его требовалось почти полностью перестроить, и именно поэтому он оказался нам по карману. Часть работ мы проделали самостоятельно, но вскоре понадобились опытные плотники, сантехники и электрики...

К тому же мы не тратили времени даром, пытаясь завести детей.

Мы оба были девственны, когда вступили в брак, я – в двадцать шесть лет, Джейн – в двадцать три. Мы учились заниматься любовью, невинно и страстно, и постепенно понимали, каким образом нужно доставлять друг другу удовольствие. Невзирая на усталость, большинство вечеров мы проводили, заключив друг друга в объятия.

Мы никогда не пытались избежать зачатия. Я свято верил, что Джейн забеременеет сразу же, и даже начал откладывать деньги в предвкушении великого события. Но Джейн не забеременела ни в первый месяц нашего брака, ни во второй, ни в третий...

Примерно через полгода она посоветовалась с Элли и тем же вечером, когда я вернулся с работы, сказала, что мы должны поговорить. Я сел рядом

с ней на кушетку, и Джейн кое о чем меня попросила. Нет, не сходить с ней в церковь – она хотела, чтобы мы вместе помолились, и я не стал отказывать. В душе я понимал, что это правильно. С этого вечера мы всегда молились вдвоем, и с течением времени я даже стал ждать этой минуты. Прошло еще несколько месяцев, Джейн по-прежнему не беременела. Не знаю, ставила ли жена под сомнение свою возможность зачать, но она постоянно об этом думала, и я начал беспокоиться. Между тем приблизилась наша первая годовщина.

Хотя первоначально я предполагал произвести еще целую серию работ в новом доме, было понятно, что процесс начал утомлять Джейн. Наша крошечная квартира буквально давила на нее, и идея ремонта утратила свою первоначальную привлекательность. Я принял решение перевезти Джейн в новый дом раньше, чем наступит знаменательная дата.

Я проделывал то же самое, что и три десятилетия спустя: сидел на телефоне, звонил, просил об услугах, изо всех сил старался, чтобы работа была выполнена в срок. Я нанимал рабочих, заглядывал в новый дом во время ленча и по вечерам, чтобы лично проследить за процессом, и в итоге изрядно переплатил. Тем не менее я восхищался скоростью, с которой продвигалось дело. Рабочие приходили и уходили, в доме появились обои, шкафы, раковины и свет. А годовщина становилась ближе день ото дня.

В течение последней недели я изобретал всяческие предлоги, чтобы держать Джейн подальше от нашего нового жилища, поскольку именно в этот период оно перестало напоминать пустую скорлупку и обрело наконец облик дома. Я мечтал сделать сюрприз, который она запомнит на всю жизнь.

– Сегодня незачем туда идти, – говорил я. – Все равно подрядчик еще не приехал.

Или:

– У меня сегодня было столько дел... Давай просто отдохнем.

Не знаю, верила ли Джейн моим словам, несомненно, она что-то подозревала, но не настаивала. В день годовщины, после романтического ужина в ресторане, я отвез ее не на старую квартиру, а в новый дом.

Был поздний вечер, полнолуние, цикады завели свою обычную песню, их трели звучали в воздухе. Снаружи дом казался все таким же. Во дворе по-прежнему громоздились доски, у двери стояли банки из-под краски, крыльцо было серым от пыли. Джейн посмотрела на дом, потом удивленно перевела взгляд на меня.

– Просто хочу проверить, как продвигаются дела, – объяснил я.

– Сегодня?

– Почему бы и нет?
– Ну, во-первых, в доме темно. Мы ничего не разглядим.
– Пошли, – сказал я, доставая из-под сиденья фонарик. – Если надоест, не будем задерживаться надолго.

Осторожно проведя Джейн через груды строительного мусора, я отпер дверь.

В темноте явственно ощущался запах нового ковра. Через секунду, когда я включил фонарик и осветил им гостиную и кухню, глаза Джейн удивленно округлились. Конечно, еще многое предстояло доделать, но даже с порога было заметно, что можно переезжать хоть сейчас.

Джейн застыла. Я взял ее за руку.

– Добро пожаловать домой.

– Уилсон... – выдохнула она.

– Поздравляю с годовщиной, – шепнул я.

Когда Джейн обернулась ко мне, ее лицо выражало надежду и смущение.

– Но как... Ведь неделю назад ничего и в помине не было...

– Просто я хотел сделать сюрприз. Пойдем, покажу тебе еще кое-что...

Я повел жену наверх, в спальню, открыл дверь, направил в нужное место луч фонарика и слегка отступил, чтобы Джейн было видно.

В комнате стоял единственный предмет мебели, купленный за тридцать лет лично мной, – огромная антикварная кровать с балдахином, точь-в-точь как в бофорской гостинице, где мы провели первую брачную ночь.

Джейн молчала, и меня вдруг поразила мысль о том, что я ошибся.

– Поверить не могу, – наконец произнесла она. – Твоя идея?

– Тебе не нравится?

– Очень нравится. – Джейн улыбнулась. – Поверить не могу, что ты до этого додумался. Это так... романтично.

Честно говоря, я и не помышлял о романтике. Нам нужна была приличная кровать, а эта, на мой взгляд, непременно бы ей понравилась. Но Джейн хотела сделать мне комплимент, и потому я взглянул на жену, как бы спрашивая: «А чего еще ты ожидала?»

Она подошла к кровати и медленно провела пальцем по резному столбику, потом села и похлопала по матрасу рядом с собой.

– Нам нужно поговорить.

В памяти всплыли все предыдущие разы, когда Джейн произносила эти слова. Но вместо того чтобы попросить о какой-нибудь услуге, жена нежно поцеловала меня.

– Для тебя тоже есть сюрприз, – улыбнулась она. – Я просто ждала подходящего момента.

– Какой сюрприз?

Джейн чуть помедлила.

– Я беременна.

Да, жена сделала мне куда лучший подарок, чем я ей.

Вечером, когда солнце село и жара слегка спала, позвонила Джейн. Поинтересовавшись, как дела у Ноя, она сказала, что Анна до сих пор не выбрала платье и, следовательно, они заночуют в Гринсборо. Хотя я уверил ее, что и не ожидал иного, в голосе жены явно звучало разочарование. Впрочем, Джейн не сердилась, и я улыбнулся при мысли о том, что она еще способна удивляться поведению дочери.

Повесив трубку, я отправился в Крик-Сайд и покормил лебедя, а затем, по пути домой, заехал в офис.

С того места, где я обычно оставлял машину, хорошо были видны «Челси» и небольшой парк, где каждую зиму устраивали «деревню Санта-Клауса». Я тридцать лет проработал в этом здании и все никак не мог привыкнуть к тому, что по обе стороны от него разворачивается история Северной Каролины. Прошлое всегда имело для меня особое значение; мне нравилось то, что я могу пройти мимо первой католической церкви в этом штате, заглянуть в первую среднюю школу и узнать, как учились дети поселенцев, или прогуляться мимо Трайон-Плейс – бывшего губернаторского дома, вокруг которого теперь разбит один из лучших парков Юга. Я не одинок в своей любви к городу: Историческое общество Нью-Берна – одно из самых активных в округе. Буквально все говорит о той важной роли, которую Нью-Берн когда-то играл в этих местах.

Здание, где находится мой офис, полностью принадлежит фирме, и хотя я некогда надеялся, что и с ним связан какой-нибудь исторический анекдот, в его прошлом нет ничего примечательного. Строение возведено в конце пятидесятих годов, когда главным критерием для архитекторов была функциональность, и потому выглядит довольно скучно. Это одноэтажная прямоугольная кирпичная постройка, в которой восемь кабинетов, три конференц-зала, архив и приемная для клиентов.

Я отпер входную дверь, выслушал предупреждение, что через минуту сработает сигнализация, и набрал код. Включив в приемной свет, зашагал к себе.

В моем кабинете, как и в кабинетах прочих партнеров, царила атмосфера формальности – стол темного дерева, латунная лампа, книги по юриспруденции на полках вдоль стены, удобные кожаные кресла. Будучи

юрисконсульт по делам недвижимости, мне иногда казалось, что я перевидал в жизни все типы семейных пар. Хотя большинство из них вели себя вполне адекватно, я встречал и тех, кто начинал браниться, словно на рынке, а однажды в моем присутствии женщина выплеснула на мужа горячий кофе. Чаще, чем можно подумать, муж отводил меня «на пару слов» и спрашивал, обязан ли он по закону оставить что-нибудь жене или можно преспокойно распорядиться имуществом в пользу любовницы. Надо добавить, такие парочки обычно хорошо одеты и выглядят довольно заурядно, когда заходят в кабинет, но стоит им уйти, как я задумываюсь, что творится у них дома, за закрытыми дверями.

Открыв ящик стола, я вытащил подарок для Джейн и принялся его разглядывать, представляя себе, что она скажет. Наверное, жене понравится. Но больше всего мне хотелось, чтобы она разгадала в этом искреннюю, пусть и запоздалую, попытку извиниться за то, как я вел себя на протяжении тридцати лет.

Я подводил ее бесчисленное количество раз и теперь размышлял, что означало то выражение, с которым жена смотрела на меня утром, стоя на подъездной дорожке. Она... радовалась? Или я просто лщу себе?

Я взглянул в окно и понял, что не ошибаюсь. Много лет назад я избрал правильный путь к ее сердцу – и теперь совершенно случайно нашел разгадку. Хотя я оставался тем же, что и прежде, – мужчиной, который безумно любит свою жену и изо всех сил пытается не разочаровать ее, – появилось одно маленькое, но очень существенное дополнение.

На этой неделе я не думал о своих проблемах и о том, как их решить. Мои мысли были только о Джейн, я положил все силы на то, чтобы помочь ей, с интересом выслушивал то, что она говорила, и все, что мы обсуждали, казалось совершенно новым. Я смеялся ее шуткам и ободрял жену, когда она плакала, извинялся за свои промахи и выказывал чувства, которых заслуживала Джейн. Иными словами, я, словно повинуюсь давней привычке, вел себя так, как она всегда мечтала. Мы сделали именно то, что нужно было, – вновь начали наслаждаться обществом друг друга.

Глава 13

Когда на следующее утро я подъехал к старому дому, то сильно удивился при виде грузовиков, стоящих на подъездной дорожке. Три огромные машины были нагружены высокими деревцами и кустарниками, еще одна – сосновой стружкой, чтобы посыпать вокруг деревьев и вдоль забора. В трейлере лежали всевозможные инструменты, а на трех пикапах привезли цветы.

Рабочие собрались у машин группами по пять-шесть человек; беглый подсчет показал, что здесь около сорока человек вместо тридцати, как обещал Литтл, все в джинсах и бейсболках, невзирая на жару. Когда я вылез из машины, с улыбкой подошел Натан.

– Прекрасно, вот и ты, – сказал он, кладя мне руку на плечо, – Мы тебя ждали. Теперь можно начинать.

Через пару минут доставили газонокосилки, и вскоре воздух наполнился звуком моторов. Часть рабочих выгружала цветы, растения и саженцы, складывала их на тележки и развозила по участку.

Но наибольшее внимание надлежало уделить розарию, и я последовал туда за Натаном, который по пути прихватил несколько секаторов. Там уже ожидали десятка полтора рабочих. Приведение сада в порядок – такая работа когда понятия не имеешь, с чего начать, но Литтл просто принялся подстригать первый куст, попутно объясняя, что именно он делает. Рабочие сгруппировались вокруг, перешептываясь по-испански, и рассредоточились, как только поняли, чего он хочет. Час за часом, по мере того как кусты прореживались и подравнивались, на свет Божий показывались розы. Натан Литтл непоколебимо стоял на том, что нужно жертвовать минимумом бутонов, в результате чего приходилось тянуть и подвязывать, сгибать и скручивать, возвращая стебли на должное место.

Затем настала очередь шпалер. Литтл начал приводить в порядок обвивавшие их розы; пока он работал, я указывал, где будут стоять стулья для гостей.

Натан подмигнул:

– Хочешь, чтобы проход был украшен цветами?

Когда я кивнул, он сунул два пальца в рот и свистнул. К нам немедленно подкатили две нагруженные тачки. Через два часа проход можно было фотографировать для журнала.

К полудню весь участок начал обретать пристойный вид. Газон был

подстрижен, кусты подровнены, рабочие приводили в порядок забор, дорожки и дом. Электрик включил генератор и проверил фонари в саду. Через час из потрепанного фургона выскочили шестеро парней в забрызганных краской комбинезонах – маляры. Они помогли садовникам перенести мебель в сарай. Затем приехал мойщик со шлангом; потратив несколько минут на разгрузку, он направил мощную струю воды на стену. Медленно, но верно каждая дощечка из серой становилась белой.

Пока все занимались делом, я отправился в мастерскую и взял стремянку. Нужно было снять доски с окон, и я решил заняться этим сам. За работой незаметно пролетели еще несколько часов.

В четыре часа садовники, мойщик и маляры погрузили оборудование в машины и уехали. Я успел убрать большую часть досок – несколько щитов оставались на втором этаже, но они могли подождать до завтра. Спрятав доски под дом, я понял, что вокруг до странности тихо. Я принялся подбивать итоги.

Как и все наполовину сделанное, дом выглядел хуже, чем до начала работ. Повсюду валялись разбросанные инструменты, пустые цветочные горшки были сложены кое-как. Взгляд на стены вызвал в моей памяти рекламу стирального порошка, когда одна марка обещает справиться с задачей лучше, чем другая. Возле забора громоздился мусор; внешняя часть розария смотрелась прекрасно, но внутренняя выглядела заброшенно и дико.

Тем не менее я испытал необыкновенное облегчение. Мы отлично поработали – не оставалось никаких сомнений, что все будет закончено в срок. Джейн придет в восторг. Рассчитав, что сейчас она находится по пути домой, я пошел к машине – и увидел Харви Уэллингтона, священника, который стоял, облокотившись на забор, разделяющий владения. Сначала я замедлил шаг, а потом решительно пересек двор и приблизился к нему. Лоб у него блестел, как полированное дерево, очки сползли на кончик носа. Харви тоже выглядел так, как будто с утра возился в саду. Когда я подошел, он кивнул, указывая в сторону дома:

– Готовитесь к выходным?

– Пытаюсь, – ответил я.

Мы обменялись рукопожатием.

– По крайней мере людей вам хватает. С утра здесь была настоящая стоянка. Сколько человек у вас работало? Пятьдесят?

– Что-то около того.

Он присвистнул.

– Похоже, обойдется в кругленькую сумму?

– Боюсь даже начинать подсчеты, – признался я.

Харви засмеялся:

– Сколько гостей ждете в субботу?

– Примерно сто.

– Вечеринка будет отличная, это уж наверняка, – сказал он. – Элма прямо-таки дожидаться не может. В последнее время только и разговоров что о свадьбе. Приятно смотреть, как вы стараетесь.

– Это самое малое, что я могу сделать.

Он долго и пристально смотрел на меня, не торопясь с ответом. Выдерживая взгляд Харви, я вдруг подумал, что, несмотря на наше весьма поверхностное знакомство, он прекрасно меня понимает. Слегка тревожное ощущение, но, наверное, не следовало бы так удивляться. У Харви частенько искали совета и утешения; от него исходила аура доброты, присущая каждому человеку, который умеет внимательно слушать и с сочувствием относиться к чужим просьбам. Вероятно, многие считали его своим ближайшим другом.

Как будто прочитав мои мысли, Харви улыбнулся:

– Значит, в восемь?

– Полагаю, начинать раньше не имеет смысла из-за жары.

– Жарко будет в любом случае. Хотя сомневаюсь, что кого-то это беспокоит. – Он указал в сторону дома: – Я рад, что вы наконец взялись за дело. Какое прекрасное место. И всегда таким было.

– Да.

Харви снял очки и протер стекла полой рубашки.

– Вот что я вам скажу – жалко было смотреть, во что оно превратилось за последние годы. А стоило всего-навсего о нем позаботиться... – Он надел очки и улыбнулся: – Забавно, но вы когда-нибудь замечали: чем удивительнее вещь, тем чаще люди принимают ее как данное. Словно думают, что она пребудет вовеки. Взять, к примеру, этот дом. Капелька заботы – и он никогда не дошел бы до такого состояния.

Вернувшись домой, я обнаружил на автоответчике два сообщения: одно от доктора Барнуэлла, который сообщал, что Ной вернулся в Крик-Сайд, а другое от Джейн с предложением встретиться там в семь.

К моменту моего приезда большая часть родственников уже успела навестить Ноя. Теперь у его постели оставалась лишь Кейт; когда я вошел, она поднесла палец к губам, а потом встала, и мы обнялись.

– Папа только что заснул, – прошептала она. – Наверное, очень устал.

Я с удивлением взглянул на Ноя. Я знал его много лет, и старик никогда не спал днем.

– С ним все в порядке?

– Немного поворчал, пока мы его обустроивали. Не считая этого, все, кажется, нормально. – Кейт потянула меня за рукав. – Расскажи, как дела в старом доме? Хочу знать подробности.

Я принялся рассказывать, наблюдая за тем, как на ее лице появляется выражение восторга.

– Джейн будет просто счастлива, – заметила она. – Ох чуть не забыла, я же буквально только что с ней разговаривала. Она позвонила, чтобы спросить, как дела у папы.

– Они наконец выбрали платье?

– Джейн сама тебе скажет. Во всяком случае, голос нее был довольный. – Кейт потянулась за висевшей на стул сумочкой. – Слушай, мне пора. Я здесь уже полдня, и Грейсон, наверное, заждался. – Она поцеловала меня в щеку. Присмотри за ним, только, пожалуйста, не разбуди, хорошо? Папе нужно поспать.

– Буду сидеть тихо, – пообещал я.

Я перебрался на стул у окна и только устроился поудобнее, как услышал хриплый шепот:

– Привет, Уилсон. Спасибо, что заглянул. – Ной подмигнул.

– А я думал, вы спите.

– Черта с два, – усмехнулся он и сел. – Пришлось притвориться. Она весь день нянчилась со мной, как с ребенком. Даже в туалет мы ходили вместе.

Я засмеялся:

– Именно этого вам и не хватало. Немного дочерней заботы.

– Да-да, в больнице они не были и вполноту так заботливы. Кейт хлопчет, как будто я одной ногой стою в могиле.

– Ну, вы сегодня отлично выглядите. Должно быть, чувствуете себя как заново рожденный.

– Могло быть и лучше, – заметил Ной, пожав плечами. – Хотя, конечно, могло быть и хуже. Но голова у меня в порядке, если ты об этом.

– Не кружится? Не болит? Наверное, вам в любом случае стоит отдохнуть. Если хотите, чтобы я покормил вас с ложечки, только скажите.

Ной ткнул меня пальцем:

– Даже не вздумай!... Я терпеливый человек, но не святой. И сейчас мне не до шуток. Последние два дня меня держали взаперти и не давали подышать свежим воздухом. – Он указал на шкаф: – Достань, пожалуйста, свитер.

Я уже знал, куда он собирается.

– На улице тепло, – сказал я.

– Просто дай свитер! И если попытаешься сам натянуть его на меня, честное слово, получишь в нос.

Через несколько минут мы покинули комнату, прихватив с собой хлеб. Ной брел по коридору, и я видел, что он заметно расслабился. Хотя Крик-Сайд всегда был для нас чужим местом, для Ноя он стал домом, и старик чувствовал себя здесь уютно. И прочие обитатели Крик-Сайда скучали по нему – он заглядывал в открытые двери, махал в знак приветствия, перекидывался с приятелями парой слов и обещал, что позже непременно заглянет почитать.

Ной запротестовал, когда я попытался взять его под руку, поэтому я просто шел рядом. Он и впрямь держался на ногах не совсем уверенно, но, как только мы вышли на улицу, я окончательно убедился, что Ной справится. И все-таки потребовалось немало времени на то, чтобы добраться до пруда. Я огляделся и заметил, что злополучный корень вытащили. Наверное, Кейт напомнила о нем одному из братьев, или же они сами обо всем позаботились.

Мы сели на привычное место, но лебедя не увидели. Решив, что он прячется на противоположной стороне пруда, я откинулся на спинку скамьи. Ной принялся ломать хлеб на маленькие кусочки.

– Я слышал, ты рассказывал Кейт про дом. Как там мои розы?

– Еще не все закончено, но вам непременно понравится.

Ной сложил кусочки хлеба на коленях.

– Этот сад много для меня значит. Он твой ровесник.

– Правда?

– Первые кусты я посадил в апреле 1951 года, – кивнув, продолжал Ной. – Конечно, большинство из них пришлось пересадить, когда я окончательно решил, как должен выглядеть сад.

– Джейн говорила, это был сюрприз для Элли... вы показали жене, как сильно любите ее.

Ной фыркнул:

– Это только половина истории. Впрочем, неудивительно, что Джейн так считает. Они с Кейт искренне полагают, что я буквально млел при каждой мысли об Элли.

– А разве нет? – с наигранным испугом спросил я. Ной засмеялся:

– Мы частенько ссорились, как и все нормальные пары. Но быстро мирились. Что касается сада, тут они отчасти правы. – Он переложил хлеб на скамью рядом с собой. – Я посадил розы, когда Элли была беременна. Ей все время было плохо; я думал, это пройдет через несколько недель, но

увы. Иногда она вообще не могла встать с постели, и я знал, Элли будет чувствовать себя совсем несчастной, когда наступит лето. Поэтому я решил сделать так, чтобы ей по крайней мере было на что полюбоваться из окна спальни. – Ной прищурился, глядя на солнце. – Сначала там было одно сердце, а не пять.

– А я и не знал, – удивился я.

– На самом деле я этого не планировал. Когда родилась Джейн, мне показалось, что одинокое сердечко выглядит довольно жалко, поэтому я решил посадить побольше кустов. Но дел было столько, что я все откладывал и откладывал, а когда наконец принялся за работу, Элли снова забеременела. Когда она увидела, чем я занимаюсь, то решила, что это в честь следующего ребенка. Она сказала, что сюрприза приятнее я ей еще не преподносил. В итоге я просто не мог остановиться. Поэтому девочки правы только отчасти. Первое сердце действительно было романтическим подарком, а остальные скорее нелегким бременем. Ведь цветы нужно не только посадить, но и вырастить. Ухаживать за розами непросто. Пока куст молод, он растет, как дерево, так что приходится все время придавать ему нужную форму. Когда розы начинали цвести, я постоянно бегал вокруг них с ножницами. Долгое время казалось, что розарий вообще никогда не примет нужный вид. И потом, у роз чертовски острые колючки. Руки у меня вечно были перебинтованы, как у мумии. Я улыбнулся:

– Готов поклясться, Элли оценила ваши труды.

– О да. По крайней мере поначалу. А потом попросила свести весь розарий под корень.

Я подумал, что ослышался, но выражение лица у Ноя было недвусмысленное. Я вспомнил, как грустно мне порой было смотреть на картины Элли, изображавшие сад.

– Но почему?

Ной вздохнул.

– Она любила сад, но ей было слишком больно его видеть. Стоило Элли выглянуть из окна, и она начинала плакать, как будто у нее сердце разрывалось.

Я не сразу понял почему, а потом произнес:

– Из-за Джона...

Джон, их сын, умер в четырехлетнем возрасте от менингита; Джейн, как и Ной, редко упоминала о нем.

– Она чуть не умерла, когда потеряла его. – Ной помолчал. – Я сам чуть не умер. Джон был такой прелестный малыш – и именно в том возрасте, когда дети начинают познавать мир, когда им все кажется новым

и прекрасным. Он всегда пытался играть со старшими и бегал за ними по двору. Джон никогда не болел. Ни воспаления уха, ни серьезной простуды. У нас был настоящий шок. Вот только он играл во дворе, а через неделю его похоронили. После этого Элли не могла ни есть, ни спать, если она не плакала, то бродила по дому как лунатик. Я сомневался, что она оправится. Тогда жена и попросила меня уничтожить розарий.

Ной замолчал. А я даже не мог вообразить, каково это – потерять ребенка.

– Почему же вы не выкорчевывали розы? – спросил я наконец.

– Подумал, что в ней говорит горе, – негромко ответил Ной. – Я не был уверен, действительно ли она этого хочет или же у нее просто очередной приступ. Поэтому я ждал. Попроси она еще раз, и я бы сровнял розарий с землей. Или хотя бы одно из сердец, если бы Элли предпочла сохранить остальные. Но она так и не попросила. А потом? Элли, конечно, часто их рисовала, но начала относиться к ним по-другому. Когда мы потеряли Джона, розы перестали приносить ей радость. Даже когда мы праздновали там свадьбу Кейт, Элли испытывала смешанные чувства.

– Ваши дети знают, почему сердцец пять?

– Возможно, подозревают в глубине души, но, во всяком случае, додумались они сами. Мы с Элли не больно-то любили об этом рассказывать. После смерти Джона стало приятнее считать розарий одним подарком, а не пятью. Так и повелось. Когда дети стали старше и принялись задавать вопросы, Элли говорила, что я посадил розы для нее. Поэтому дети думают, что это романтический подарок.

Краем глаза я заметил, как к нам плывет лебедь. Странно, что он не появился раньше. Интересно, где он был. Я думал, Ной сразу же бросит ему хлеба, но старик подождал, пока лебедь не подплывет ближе. Когда между ними осталось всего несколько футов, птица как будто насторожилась, а потом, к моему удивлению, вышла на берег.

Лебедь заковылял к нам; Ной протянул руку, погладил его, тихонько заговорил, и меня вдруг поразила мысль о том, что птица всерьез скучала. Ной покормил своего любимца, а потом я в изумлении смотрел, как лебедь улегся у его ног.

Через час небо затянуло облаками. Густые, тяжелые, они предвещали летнюю бурю – столь обычное на Юге явление. Проливной дождь минут на двадцать, а потом снова чистое небо. Лебедь ушел обратно в воду, а я уже собирался намекнуть, что пора вернуться в дом, когда услышал позади голос Анны:

– Привет, дедушка! Привет, папа! Мы так и думали, что вы здесь.

Я обернулся и увидел сияющую дочь. Джейн устало брела следом. Она натянуто улыбалась – ей было неприятно видеть отца на пруду.

– Привет, милая, – улыбнулся я и встал. Анна крепко меня обняла.

– Как дела? – спросил я. – Вы купили платье?

Анна не скрывала восторга.

– Тебе непременно понравится, – сказала она, стискивая мне руку. – Оно великолепно.

Когда Джейн подошла, я выпустил Анну из объятий и обнял жену. Она была теплая и мягкая, ее присутствие успокаивало.

– Поди сюда, – попросил Ной внучку, похлопывая по скамье. – Расскажи, как вы готовитесь к свадьбе.

Анна села и взяла его за руку.

– Это потрясающе, – восторгалась она. – Я даже не представляла, что будет настолько весело. Мы перебивали в двадцати магазинах. Ты бы видел Лесли! Для нее мы тоже выбрали платье, просто сногшибательное!

Мы с Джейн стояли рядом, пока Анна перечисляла, чем она занималась в последние два дня. Рассказывая, она то игриво толкала дедушку локтем, то хватала его за руку. Невзирая на шестьдесят лет разницы, они отлично ладили. Хотя у стариков нередко складываются особые отношения с внуками, Ной и Анна были настоящими друзьями, и я ощутил прилив родительской гордости при мысли о том, какой прекрасной женщиной выросла моя дочь. Судя по выражению лица Джейн, она чувствовала то же самое; я тихонько обнял ее за талию, хотя не делал этого уже давным-давно.

Наверное, я и сам не знал, чего ожидать, на мгновение Джейн как будто испугалась, а потом расслабилась; мир показался мне практически идеальным. В прошлом язык частенько подводил меня в такие моменты. Возможно, я тайне боялся, что слова умалят мои чувства. Но теперь я понял, что был не прав, скрывая собственные мысли. Склонившись к уху Джейн, я прошептал то, о чем никогда не следует умалчивать:

– Я люблю тебя. Я самый счастливый человек на свете.

Джейн молча прижалась ко мне. Это был именно тот ответ, которого я ждал.

* * *

Через полчаса послышался гром – низкое эхо, прокатившееся по небу. Проводив Ноя в комнату, мы с Джейн отправились домой и распрощались с

Анной на стоянке.

По пути через город я любовался тем, как солнце пробивается сквозь сгущающиеся тучи, отбрасывая тени и заставляя реку отливать золотом. Джейн была на диво молчалива, она смотрела в окно, и я поймал себя на том, что поглядываю на нее краем глаза. Волосы у нее были аккуратно заправлены за уши, розовая блузка придавала коже нежный оттенок, как у маленького ребенка. На руке жены поблескивало обручальное кольцо с бриллиантом, которое она носила уже тридцать лет.

Мы подкатили к дому, и Джейн утомленно улыбнулась:

– Прости, что молчала всю дорогу. Я действительно устала.

– Ничего страшного. Это была нелегкая неделя.

Я внес в дом ее чемодан. Джейн положила сумочку на столик у двери.

– Хочешь вина? – предложил я. Джейн зевнула и покачала головой:

– Не сегодня. Если выпью хоть немного, то сразу засну. Лучше воды.

Я наполнил два стакана, добавив льда из холодильника. Джейн сделала большой глоток и облокотилась на столешницу в своей излюбленной манере, упершись ногой в дверцу шкафа.

– Ноги адски болят. За весь день мы ни разу не присели. Анна перемерила сотню платьев, пока не нашла подходящее. Точнее, его нашла Лесли. Наверное, к тому моменту она уже просто разозлилась. Анна – самый нерешительный человек на свете.

– И хорошее платье?

– Видел бы ты его!... Анна в нем похожа на русалочку, фигура подчеркнута самым выигрышным образом. Его, конечно, еще придется подгонять, но Киту непременно понравится.

– Готов поклясться, Анна – красавица.

– Да уж.

Судя по мечтательному выражению лица, Джейн вновь переживала эти минуты.

– Я бы показала тебе платье, но придется подождать до субботы, так решила Анна. Пусть это будет сюрприз... – Она помолчала. – А как дела здесь? Рабочие приезжали?

– Да, – ответил я.

– Прекрасно. – Джейн подлила себе воды. – Времени ведь и впрямь немного.

С кухни нам было видно французское окно, выходившее на веранду. На улице сгустились сумерки, по стеклу, сперва легонько, забарабанили первые капли дождя. Река сделалась серой и зловещей, в следующее мгновение сверкнула молния, раздался раскат грома, и начался ливень.

Джейн посмотрела в окно, за которым бушевала буря.

– А что, если в субботу пойдет дождь? – спросила она. Голос у нее был на удивление спокойный; я ожидал от жены большей тревоги. Потом я вспомнил ее молчание в машине и то, что она ни словом не обмолвилась насчет лебедя.

Наблюдая за ней, я заподозрил, что нынешнее настроение Джейн каким-то образом связано с Анной.

– Дождя не обещали, – ответил я. – Говорят, будет ясная погода. Похоже, это последний ливень в году.

Мы вместе в молчании смотрели в окно. Взгляд у Джейн был отсутствующий, на губах играла легкая улыбка.

– Как замечательно смотреть на дождь, – произнесла она. – Помнишь, мы часто это делали в старом доме, сидя на веранде.

– Помню.

– Было так здорово.

– Да.

– И так давно.

– Ты права.

Джейн погрузилась в собственные мысли. А я молился, чтобы это благословенное спокойствие не сменилось хорошо знакомой и такой пугающей грустью. Впрочем, выражение ее лица не менялось, наконец Джейн взглянула на меня.

– Есть еще одна новость, – вдруг сказала она.

– Какая?

В глазах Джейн стояли слезы.

– На свадьбе я не смогу сидеть рядом с тобой.

– Не сможешь?

– Да. Я должна сесть впереди, с Анной и Китом.

– Почему?

– Анна попросила меня быть подружкой невесты. – Голос у нее слегка дрогнул. – Она сказала, что я для нее самый дорогой человек. И потом, я столько сделала для них с Китом... – Джейн тихонько шмыгнула носом. – Странно, но я так удивилась, когда Анна это сказала... Даже не знала, что ответить. Мне и в голову не пришло... Это действительно очень важно для нее.

Жена вытерла слезы, и я ощутил комок в горле. Отец в роли шафера – традиция на Юге, но мать крайне редко выступает в качестве подружки невесты.

– Милая, – пробормотал я, – это чудесно. Я так рад за тебя.

Снова грянул гром, но мы даже не обратили на него внимания. Безмолвно ликуя, мы стояли на кухне, а на улице бушевала гроза.

Когда дождь перестал, Джейн открыла дверь и выбежала на веранду. Из водосточных труб по-прежнему текла вода, от досок поднимались струйки пара. Последовав за ней, я почувствовал, как у меня болят руки и спина от недавних усилий. Я поводил плечами, пытаюсь их расслабить.

– Ты ел? – спросила Джейн.

– Пока нет. Не хочешь поехать куда-нибудь перекусить?

Джейн покачала головой:

– Не хочу. Я страшно вымоталась.

– Давай закажем еду на дом, чтобы отпраздновать? Что-нибудь... простое. И забавное.

– Что, например? – поинтересовалась Джейн.

– Пиццу?

– Мы не заказывали пиццу с тех пор, как уехала Лесли.

– Да. Пицца – это неплохо, по-моему.

– Конечно. Но у тебя, кажется, после пиццы всегда болит живот.

– К сожалению. Но сегодня я не боюсь последствий.

– Может быть, я лучше приготовлю ужин? Наверняка в морозилке что-нибудь есть.

– Да брось, – возразил я. – Мы не ели пиццу уже давным-давно. То есть только я и ты. Сядем на кушетку и будем есть прямо из коробки. Как раньше. Это же весело.

Джейн с интересом взглянула на меня:

– Ты хочешь... развлечься?

Это было скорее утверждение, нежели вопрос.

– Да, – невозмутимо ответил я.

– Кто будет заказывать?

– Я. Какую пиццу ты хочешь?

Джейн задумалась.

– С мясом.

– Почему бы и нет?

Пиццу привезли через полчаса. К тому времени Джейн переоделась в джинсы и темную футболку; мы ели пиццу, прямо как в студенческие времена. Хотя совсем недавно она отказалась от вина, в итоге мы выпили холодного пива.

За едой Джейн поделилась еще кое-какими подробностями. Утро они провели, выбирая платья для нее и для Лесли, невзирая на все протесты (Джейн утверждала, что вполне обойдется и самым простым). Анна не

сдавалась: мать и сестра должны выбрать то, что им понравится и что они смогут носить потом.

– Лесли выбрала очень элегантное платье длиной до колена. Оно так хорошо на ней сидит. Слава Богу, Анна заставила ее померить... – Джейн вздохнула. – Девочки стали настоящими красавицами.

– У них твои гены.

Жена засмеялась с набитым ртом и махнула рукой.

Небо тем временем обрело цвет индиго, облака засеребрились в свете луны. Доев пиццу, мы сидели неподвижно и слушали, как шумит ветер. Джейн откинулась на спинку стула, закрыв глаза; вид у нее был необычайно соблазнительный.

– Какая замечательная идея, – сказала она. – Я была голоднее, чем думала.

– Ты не так уж много и съела.

– Иначе в субботу я не влезу в платье.

– Не беспокойся. Ты так же прекрасна, как и в день нашей свадьбы.

Судя по ее сдержанной улыбке, мои слова не произвели должного эффекта. Внезапно Джейн обернулась ко мне:

– Уилсон, можно кое о чем тебя спросить?

– Конечно.

– Только скажи мне всю правду.

– О чем?

Она помедлила.

– О том, что сегодня случилось на пруду.

Лебедь, немедленно догадался я, но не успел объяснить, что Ной сам попросил отвести его на пруд (с моей помощью или без нее он бы все равно туда пошел); Джейн продолжала:

– Что ты имел в виду, когда сказал мне эти слова?

Я нахмурился.

– Какие слова?

– Что ты любишь меня. Что ты самый счастливый человек на свете.

Я удивленно воззрился на нее.

– Я имел в виду именно это.

– И все?

– Да, – подтвердил я, не в силах скрыть замешательство. – А что?

– Я хочу понять, почему ты это сказал, – произнесла Джейн. – Ты не из тех, кто говорит такие вещи ни с того ни с сего.

– Ну... мне показалось, что минута подходящая.

Она вдруг поджала губы и посерьезнела, потом взглянула на потолок,

словно собираясь с силами.

– У тебя появилась другая? – спросила Джейн.

Я моргнул.

– Что?

– Ты слышал.

Я вдруг понял, что жена не шутит. Она пыталась разгадать выражение моего лица и понять, собираюсь ли я сказать ей правду. Я взял ее за руку и ответил, пристально глядя в глаза:

– Нет. У меня никого нет. Не было и не будет. Я даже не помышляю об этом.

Наконец Джейн кивнула:

– Ладно.

– Я серьезно, – настаивал я.

Она улыбнулась и сжала мою руку.

– Верю. Я и не сомневалась. Но все-таки решила спросить.

Я в изумлении уставился на нее:

– С чего это вообще пришло тебе в голову?

– Ты так себя ведешь...

– Не понимаю.

Джейн окинула меня оценивающим взглядом.

– Хорошо, взгляни на все с моей точки зрения. Во-первых, ты стал заниматься спортом и сбросил вес. Во-вторых, научился готовить и начал спрашивать, как у меня дела. Как будто всего этого недостаточно, ты всю неделю трудился как проклятый. А теперь говоришь такие непривычно приятные слова. Сначала я подумала, что это временно. Потом решила, что из-за свадьбы. Но... ты как будто враз переменялся. Извиняешься за то, что проводишь со мной мало времени. Внезапно признаешься в любви. Часами слушаешь, как я рассказываю о походах по магазинам. Заказываешь пиццу и предлагаешь повеселиться. Конечно, это здорово, но я просто хочу удостовериться, что ты поступаешь так не из чувства вины. Я искренне не понимаю, что с тобой происходит.

Я покачал головой:

– Я не чувствую себя виноватым. Только в том, что слишком много работал. По этому поводу мне действительно неловко. Но мое поведение... просто...

Джейн придвинулась ближе.

– Что? – уточнила она.

– Все это время я был не идеальным мужем. Наверное... я пытаюсь измениться.

– Зачем?

«Чтобы ты снова меня полюбила». Но вслух я этого не произнес.

– Потому что, – сказал я, – ты и дети – самое главное в моей жизни, а я много лет вел себя так, как будто вы – пустое место. Конечно, прошлое исправить нельзя, но можно изменить будущее. Я сам могу измениться.

Джейн прищурилась:

– Значит, ты перестанешь пропадать на работе?

В ее голосе одновременно сквозили нежность и сомнение, и я с болью подумал о том, во что превратился.

– Если ты попросишь меня уволиться прямо сейчас, я так и сделаю, – признался я.

В ее глазах вновь появился соблазнительный блеск.

– Вот видишь? Ты в последнее время на себя не похож.

Хотя Джейн и дразнила меня и как будто сама еще не знала, стоит ли мне верить, я понял, что ей приятно.

– Можно кое о чем спросить? – задал я вопрос.

– Конечно.

– Поскольку завтра вечером Анна будет у Кита, а Лесли и Джозеф придут только в пятницу, давай устроим что-нибудь необычное.

– Например?

– Просто предоставь это мне. Хочу сделать сюрприз.

Джейн одарила меня застенчивой улыбкой:

– Обожаю сюрпризы.

– Знаю.

– Буду ждать с нетерпением, – сказала она с искренним восторгом.

Глава 14

Рано утром в четверг я приехал в старый дом. Как и накануне, вдоль всего забора уже стояли машины, а Натан Литтл махал мне через двор, знаками показывая, что подойдет через пару минут.

Я припарковался в тени и принялся за дело. Вскрабавшись на стремянку, я снял с окон оставшиеся доски, чтобы облегчить работу уборщикам. Едва я успел закрыть дверь подвала, как появились сразу пятеро парней и окружили дом со всех сторон. Поскольку маляры уже работали внизу, они притащили свои ведра, швабры, тряпки и отдраили кухню, лестницу, ванные и комнаты наверху, двигаясь быстро и умело. Постели застелили чистым бельем, которое я привез из дома, а Натан поставил в каждой комнате свежие цветы.

Через час прибыл фургон из бюро проката, и рабочие принялись выгружать белые складные стулья и расставлять их рядами. В заранее приготовленные ямки поставили горшки с глициниями, стебли с фиолетовыми цветами обвили вокруг шпалер и привязали. Дикое буйство розария уступило место празднику цвета.

Хотя прогноз обещал безоблачное небо, я раздобыл тент для защиты от жаркого солнца. Его установили утром, внизу снова посадили глицинии и пустили их вдоль шестов, поддерживавших шатер. После ленча рабочие вычистили фонтан в розарии, включили его и услышали, как вода наподобие маленького водопада сбегает по трем уступам.

Прибыл настройщик и провел три часа, возясь со старым фортепиано. Когда он ушел, установили несколько специальных микрофонов, чтобы музыка была слышна во всех уголках дома. Еще один микрофон предназначался для священника, которому предстояло вести церемонию.

В гостиной расставили столы, оставив в центре место для танцев, и каждый застелили белоснежной льняной скатертью. Свечи и букеты появились как по волшебству, поэтому, когда прибыли официанты из «Челси», им осталось только сложить салфетки в форме лебедя, тем самым добавив последний штрих.

Также я напомнил про отдельный стол, который следовало поставить на веранде; это было сделано в мгновение ока. В довершение всего в каждом углу гостиной поставили украшенный фонариками гибискус в горшке.

К вечеру напряжение спало. Рабочие грузили инструменты в машины,

садовники доделывали последние мелочи. Впервые с начала работ я остался в доме один. Я был счастлив. За последние два дня наши действия, пусть и сумбурные, принесли свои плоды: величественный вид пустого дома напомнил мне о тех временах, когда в нем кипела жизнь.

Наблюдая за тем, как фургоны сворачивают с подъездной дорожки, я понял, что мне тоже пора. Джейн и Анна, побывав на последней примерке и купив туфли, договорились на вечер с маникюршей.

Я гадал, думает ли Джейн о предстоящем свидании, учитывая количество дел, я решил, что это маловероятно, и потом, зная меня, жена вряд ли ожидала настоящего сюрприза, что бы я ни обещал ей накануне. С годами я стал настоящим специалистом по разрушению иллюзий и теперь надеялся, что ее действительно приятно удивит мой сюрприз.

Оглядывая дом, я понял, что месяцы, проведенные за подготовкой к нашей годовщине, не прошли даром. Держать все втайне от Джейн было несложно, но теперь, когда нам предстояло провести вечер вдвоем, я осознал, что большая часть моих надежд уже осуществилась. Первоначально я планировал, что мой подарок станет своего рода точкой отсчета, а теперь я видел, что это конец пути длиной в год.

Рабочие наконец разъехались, и я в последний раз прошел по участку и со спокойной душой отправился домой. По пути я заехал в магазин и купил все, что было нужно. До дома я добрался около пяти, потратил несколько минут на то, чтобы отдышаться, потом забрался в душ и смыл прилипшую за день грязь и копоть.

Памятуя о том, что времени мало, я взялся за дело без промедления. Следуя составленному заранее списку, я начал готовиться к вечеру, о котором мечтал месяцами. Шаг за шагом. Я попросил Анну позвонить, как только они с Джейн расстанутся, чтобы точно знать время возвращения жены. Анна не подвела меня и предупредила, что Джейн будет через пятнадцать минут. Убедившись, что в доме царит идеальный порядок, я нанес последний штрих, прикрепив на запертой входной двери записку так, чтобы Джейн непременно ее заметила.

Добро пожаловать домой, дорогая.

Сюрприз ждет внутри.

После этого я сел в машину и отъехал.

Глава 15

Почти три часа спустя я выглянул из окна старого дома и увидел приближающийся свет фар. Посмотрев на часы, я убедился, что Джейн прибыла вовремя.

Оправив пиджак, я попытался представить, о чем она думает. Удивилась ли жена, что моей машины нет на дорожке? И разумеется, она заметила, что перед уходом я опустил шторы, возможно, даже помедлила выходить из машины, крайне заинтригованная.

Наверное, руки у нее были заняты, когда она вышла, если не пакетом с праздничным платьем, то коробкой с туфлями. Так или иначе, поднявшись по ступенькам, Джейн не могла не обратить внимания на записку; я вообразил себе удивленное лицо жены. Впрочем, бог весть, как она отреагировала, прочитав записку на крыльце. Возможно, озадаченно улыбнулась. Ее сомнения, конечно, усугубились еще и тем, что меня не было дома.

И о чем она подумала, когда открыла дверь и обнаружила, что темная гостиная освещена бледно-желтым сиянием свечей, а из динамиков доносится грустный голос Билли Холидей? Сколько прошло времени, прежде чем Джейн заметила на полу дорожку из розовых лепестков и пошла по ней через коридор и вверх по лестнице? Вторую записку я оставил на лестничной площадке.

Милая, этот вечер для тебя. Сегодня ты должна сыграть особую роль. Я оставлю тебе список с инструкциями. Сделай так, как я прошу. Первое задание простое. Задуй свечи внизу и иди по дорожке из лепестков в спальню. Дальнейшие указания найдешь наверху.

Наверное, она удивленно охнула. Или недоверчиво засмеялась? Зная Джейн, я был уверен, что она захочет подыграть. Когда она добралась до спальни, ее любопытство наверняка удвоилось.

В спальне горело множество свечей и играла успокаивающая нервы музыка Шопена. На кровати лежал букет из тридцати роз, а по бокам от него – две аккуратно запакованные коробки и две записки. Первая записка гласила: «Открой сейчас», а вторая – «Открой в восемь часов». Я рисовал себе, как Джейн медленно подходит к кровати и подносит букет к лицу, вдыхая пьянящий аромат цветов. Потом она берет первую коробку и читает:

Сегодня у тебя был трудный день, поэтому ты наверняка захочешь

отдохнуть, прежде чем отправиться на свидание. Открой коробку и заведи то, что в ней лежит, с собой в ванную. Дальнейшие инструкции внутри.

Если Джейн посмотрит через плечо, то увидит, что в ванной тоже горят свечи. Открыв коробку, она обнаружит лосьоны для тела, ароматные масла и новый шелковый халат.

Полагаю, Джейн поразмыслила над второй коробкой, которую не разрешалось открывать раньше восьми. Она, конечно, сомневалась, стоит или нет следовать инструкции, может быть, даже провела пальцами по обертке, затем отдернула руку, вздохнула и в конце концов направилась в ванную.

На туалетном столике ее ждала следующая записка:

Что может быть лучше горячей ванны после тяжелого дня? Выбери масло по своему усмотрению, наполни ванну горячей водой, и пусть будет побольше пены. Рядом с ванной стоит бутылка твоего любимого вина, уже охлажденная и открытая. Налей себе бокал. Потом разденься, полезай в ванну и расслабься. После ванны натришь одним из подаренных лосьонов. Потом надень новый халат, сядь на постель и открой второй подарок.

В этой коробке лежали черные туфли на шпильках и шикарное платье для коктейлей. Нужный размер я выяснил, осмотрев вещи Джейн в шкафу. На приложенной к платью открытке было написано:

Ты почти готова. Пожалуйста, открой коробку и надень то, что увидишь в ней. Далее серьги, которые я подарил тебе на Рождество, когда мы только начали встречаться. Не медли, милая, у тебя на все есть ровно сорок пять минут. Задуй все свечи, выключи воду и музыку. Без четверти девять спускайся на крыльцо. Запри дверь. Закрой глаза и встань спиной к улице. Когда повернешься, наше свидание начнется...

Перед домом ее ждет заказанный мной лимузин. Водителю надлежит передать Джейн очередной сверток и сказать: «Миссис Льюис, я отвезу вас к вашему мужу. Он просит, чтобы вы открыли этот подарок, как только сядете в машину».

В коробке – духи и коротенькая записка:

Я выбрал их специально для этого вечера. Когда окажешься в машине, открой следующий подарок. Инструкции внутри.

Следующий подарок – это узкий черный шарф. В него вложена открытка со словами:

Тебя отвезут туда, где мы с тобой увидимся, но я хочу, чтобы это был сюрприз. Пожалуйста, завяжи шарфом глаза и не подглядывай. Вы прибудете на место через пятнадцать минут; машина тронется, как только ты скажешь, что готова. Когда вы приедете, не снимай повязку и попроси

шофера, чтобы он помог тебе выйти из машины. Я буду ждать.

Глава 16

Лимузин остановился перед домом, и я облегченно выдохнул. Водитель вышел и помахал в знак того, что все прошло гладко, я нервно кивнул в ответ.

В течение последних двух часов я трепетал то от восторга, то от ужаса при мысли о том, что Джейн может счесть все это... скажем так, глупостью. Когда шофер открыл для нее дверцу, у меня в горле встал комок. Скрестив руки и прислонившись к перилам, я изо всех сил старался выглядеть беззаботным.

Из салона показалась сначала ножка Джейн в туфле на шпильке, а затем она сама словно в замедленном действии, по-прежнему с повязкой на глазах.

Я мог лишь смотреть на жену. В лунном свете была видна легкая улыбка на ее лице; Джейн выглядела одновременно экзотично и элегантно. Жестом я показал шоферу, что он может быть свободен.

Когда лимузин отъехал, я неторопливо приблизился к Джейн, собрался с духом и шепнул:

– Ты прекрасна.

Она обернулась ко мне и широко улыбнулась:

– Спасибо.

Я молчал, и Джейн нерешительно спросила, переступив с ноги на ногу:

– Теперь можно снять повязку?

Оглядевшись и удостоверившись в том, что все выглядит должным образом, я прошептал:

– Да.

Она развязала шарф, который немедленно упал с ее лица. Сначала взгляд Джейн остановился на мне, потом на доме, потом снова на мне... Я тоже принарядился ради свидания – надел новенький, безупречно пошитый смокинг. Джейн моргнула, как будто только что проснулась.

– Я решил, что ты захочешь посмотреть, как это будет выглядеть в субботу, – объяснил я.

Она медленно повернулась. Даже издали сад был прекрасен. Тент сиял белизной на фоне угольно-черного неба, фонари в саду отбрасывали длинные тени и заливали светом розы. Фонтан блестел в лунном свете.

– Уилсон... это невероятно, – пробормотала Джейн.

Я взял ее за руку и ощутил запах новых духов. В ушах Джейн сверкали маленькие бриллиантовые сережки, темно-красная помада подчеркивала красоту соблазнительных губ. Она взглянула на меня, словно ждала объяснений.

– Но как?... У тебя было всего два-три дня.

– Я ведь пообещал, что справлюсь, – напомнил я. – Как сказал Ной, свадьба бывает не каждый день.

Джейн будто впервые заметила, как я выгляжу, она слегка подалась назад.

– Ты надел смокинг, – произнесла она.

– Решил, что стоит опробовать его сегодня.

Джейн осмотрела меня с ног до головы.

– Великолепно выглядишь, – признала она.

– А ты, кажется, удивлена?

– Да, – быстро сказала она, потом спохватилась. – То есть я не удивлена тем, что ты отлично смотришься, просто не ожидала увидеть тебя таким...

– Принимаю это как комплимент.

– Ну же, – засмеялась Джейн и потянула меня за руку. – Я хочу все рассмотреть вблизи.

Должен отметить, вид и в самом деле открывался великолепный. Тонкая ткань навеса сияла в лучах фонарей посреди дубов и кипарисов. Белые стулья стояли полукругом, точно в оркестре, подчеркивая ландшафт сада; залитые светом шпалеры буквально переливались. И всюду, куда ни падал взгляд, были цветы.

Джейн медленно двинулась по проходу между рядами. Мысленно она представляла себе толпу гостей и Анну – так, как ей предстояло их увидеть, стоя на возвышении под шпалерами. Когда Джейн обернулась ко мне, выражение ее лица было ошеломленным и озадаченным.

– В жизни бы не подумала, что это место может выглядеть так...

Я кашлянул.

– По-моему, ребята отлично справились.

Джейн покачала головой.

– Нет, – возразила она. – Они тут ни при чем. Это ты отлично справился.

Когда мы достигли конца прохода, Джейн выпустила мою руку и подошла к шпалерам. Я стоял и наблюдал за тем, как она касается пальцами резьбы и украшений. Потом ее взгляд упал на розарий.

– Он выглядит именно так, как прежде, – удивленно сказала Джейн.

Пока Джейн обходила шпалеры, я смотрел на нее и любовался. Платье красиво облегло ее стройную фигуру. Почему при взгляде на Джейн у меня по-прежнему перехватывает дыхание? Оттого что она прекрасный человек? Оттого что мы много лет прожили вместе? Несмотря на то что прошло столько времени с нашей первой встречи, нынешняя Джейн производила даже еще более сильное впечатление.

Мы подошли к розарию и не спеша обогнули его с внешней стороны. Фонтан журчал, как горный ручей. Джейн молчала, она просто восхищалась цветами, время от времени поглядывая через плечо, чтобы удостовериться, что я рядом. Издалека виднелся только верх тента. Джейн остановилась и принялась рассматривать кусты, затем сорвала алый бутон, обломала шипы и воткнула цветок мне за лацкан. Удовлетворенно окинув меня взглядом, жена ласково коснулась моей груди.

– С бутоньеркой твой образ приобрел законченный вид, – объяснила она.

– Спасибо.

– Я уже говорила, как хорошо ты смотришься при параде?

– Мне показалось, ты употребила слово «великолепно». Впрочем, можешь говорить это так часто, как вздумается.

Джейн взяла меня за руку.

– Спасибо. Анна будет в восторге.

– Не стоит благодарности.

Придвинувшись ближе, она шепнула:

– И спасибо за сегодняшний вечер. Это настоящий сюрприз.

Раньше я, наверное, ухватился бы за эту возможность и выжал из Джейн побольше признаний, чтобы окончательно убедиться в ее любви, но сейчас только коснулся ее руки и сказал:

– Хочу показать тебе еще кое-что.

– Только не говори, что в сарае стоит экипаж, запряженный белыми лошадьми, – поддразнила она.

Я покачал головой:

– Не совсем. Но если хочешь экипаж, я попытаюсь это устроить.

Джейн засмеялась. От ее тела исходило соблазнительное тепло.

– Так что ты хочешь показать? – игриво поинтересовалась она.

– Еще один сюрприз.

– Даже не знаю, хватит ли у меня сил.

– Пойдем, – улыбнулся я.

Я повел ее прочь из сада по гравийной дорожке к дому. В безоблачном небе мерцали звезды, в реке отражалась полная луна. С ветвей свисали

космы мха, тонкие ветки торчали во все стороны, словно пальцы призрака. В воздухе веяло знакомым ароматом хвои и соли – уникальный запах приморских Долин. Я чувствовал, как Джейн поглаживает мои пальцы.

Ей тоже не хотелось торопиться. Мы шли медленно, наслаждаясь звуками вечера – пением цикад и сверчков, шуршанием листвы, потрескиванием гравия под ногами.

Джейн смотрела на дом. В том, как он вырисовывался на фоне деревьев, было нечто вневременное; белые колонны вдоль фасада, несомненно, придавали ему атмосферу роскоши. Железная крыша с годами потемнела и сливалась с вечерним небом, сквозь стекла виднелся желтый отблеск свечей.

Когда мы вошли, огоньки замигали от сквозняка. Джейн застыла на пороге и разглядывала гостиную. Отполированное фортепиано сверкало в мягком свете, деревянные полы, на которых Анне предстояло танцевать с Китом, сияли как новенькие. Столы, уставленные фарфором и хрусталем, как будто сошли с картинки с рекламой дорогого ресторана. Серебристые кубки, стоящие у каждого прибора, переливались, как елочные украшения. Столы у дальней стены, которые мы планировали использовать как буфет, были буквально усыпаны цветами.

– Уилсон... – выдохнула Джейн.

– В субботу, когда соберутся гости, здесь все будет по-другому. Я хотел, чтобы ты посмотрела, как это выглядит сейчас.

Джейн выпустила мою руку и обошла гостиную, не упуская ни единой детали. Я отправился на кухню и налил вина, а потом оглянулся и заметил, что Джейн смотрит на фортепиано. Ее лицо было полускрыто тенями.

– Кто будет играть? – поинтересовалась она.

Я многозначительно улыбнулся:

– А кого бы ты предпочла?

Джейн с надеждой посмотрела на меня:

– Джона Петерсона.

Я кивнул.

– Но как тебе удалось? Он ведь занят в «Челси».

– Ты ведь знаешь, он равнодушен к тебе и к Анне. В «Челси» один вечер обойдутся без него.

Джейн продолжала в изумлении рассматривать комнату.

– Просто не понимаю, как можно управиться так быстро... Ведь я была здесь всего несколько дней назад.

Я протянул ей бокал вина.

– Значит, ты одобряешь?

– Одобряю? – Жена неторопливо сделала глоток. – Да я в жизни не видела ничего прекраснее!

В ее глазах отражались огоньки свечей.

– Ты голодна? – спросил я.

Джейн как будто испугалась.

– Честно говоря, я об этом даже не думала. Мне бы хотелось еще немного здесь погулять, прежде чем мы поедем.

– Нам не нужно никуда ехать. Я намерен отужинать здесь.

– Как? В шкафах ничего нет.

– Подожди – и увидишь. Может быть, отдохнешь и побродишь немного, пока я все готовлю?

С этими словами я отправился на кухню, чтобы организовать изысканный ужин. Фаршированную крабами камбалу предстояло сунуть в духовку; ингредиенты для соуса ждали того, чтобы их смешали и добавили на сковороду, салаты и гарнир были готовы.

Несколько раз я оглядывался, убеждаясь, что Джейн по-прежнему бродит по гостиной. Хотя все столы были сервированы одинаково, она замирала у каждого, рисуя себе гостей, которые будут за ним сидеть. Жена машинально поправляла столовые приборы и вазы с цветами, ее лицо выражало спокойствие и удовлетворение. Мне это казалось до странности трогательным. Честно говоря, в последнее время все в Джейн меня трогало.

В тишине я размышлял над событиями, которые предшествовали этому дню. Опыт показывал, что даже самые дорогие нашему сердцу воспоминания стираются из памяти с течением лет, и все-таки я не хотел забывать ничего из того, что произошло на минувшей неделе. И конечно, я мечтал, чтобы Джейн помнила ее так же отчетливо.

– Джейн, – позвал я.

Ее не было видно; должно быть, жена стояла около фортепиано.

Она появилась из-за угла. Издалека я заметил ее сияющие глаза.

– Что?

– Не окажешь мне услугу, пока я готовлю ужин?

– Конечно. Тебе нужна помощь на кухне?

– Нет. Я оставил фартук наверху. Принеси, пожалуйста. Он на кровати, в нашей старой спальне.

– Сейчас, – сказала она.

Джейн поднялась по лестнице. Я был уверен, она не вернется, пока ужин не будет готов. Нарезая спаржу, я что-то напевал и воображал себе реакцию Джейн, когда она обнаружит подарок, который ждет ее наверху.

– С праздником тебя, – прошептал я.

Пока вода на плите закипала, я поставил рыбу в духовку и вышел на террасу. Там был накрыт столик на двоих. Я додумал о том, чтобы открыть шампанское, но потом решил дождаться Джейн, а тем временем выкинуть все негативные мысли из головы.

Джейн, несомненно, уже нашла то, что я оставил для нее в спальне. Альбом в кожаном переплете ручной работы сам по себе был великолепен, но я надеялся, что содержимое тронет ее особенно. Именно этот подарок я готовил при помощи стольких друзей на тридцатую годовщину нашей свадьбы. К альбому прилагалась записка – письмо, которое я по совету Ноя безуспешно пытался написать в прошлом. Хотя некогда я счел саму идею невозможной, многочисленные откровения минувшего года, и особенно последней недели, сделали меня на диво красноречивым.

Закончив писать, я перечитал письмо дважды. Даже теперь я помню его настолько отчетливо, как будто оно передо мной.

Дорогая моя, уже поздний вечер, я сижу за столом, а в доме тишина, не считая тиканья больших часов. Ты спишь наверху, и больше всего на свете в данную минуту мне хочется ощутить тепло твоего тела. Но что-то заставляет меня писать это письмо, хотя я и не уверен даже, с чего начать. Я не знаю, что сказать, но не в силах отрицать, что после стольких лет просто обязан это сделать ради нас обоих.

Неужели действительно минуло тридцать лет? Сама мысль внушает мне трепет. Впрочем, некоторые вещи не меняются. По утрам моя первая мысль о тебе, и так будет всегда. Порой я просто лежу и смотрю на тебя – твои волосы разметались по подушке, рука под головой, грудь мягко вздымается и опускается. Иногда, когда ты спишь, я придвигаюсь ближе в надежде, что это каким-то образом позволит мне проникнуть в твои сны. Ты всегда была в моих мечтах, и я никогда не забуду, как счастлив был в тот день, когда мы вместе гуляли под проливным дождем.

Я часто вспоминаю тот день и грозу. Каждый раз, когда на небе сверкает молния, я испытываю нечто вроде дежа-вю. В такие минуты кажется, что мы начали все сначала, и я слышу, как бьется мое юное сердце – сердце человека, которому вдруг приоткрылось будущее и который не мыслит жизни без тебя.

Воспоминания о нашей жизни заставляют мое сердце биться быстрее. Если я думаю о Рождестве, то вижу, как ты сидишь под елкой и раздаешь детям подарки. При мысли о прогулках летними вечерами я чувствую, как

ты держишь меня за руку. Иногда на работе я смотрю на часы и гадаю, чем ты сейчас занята. Я могу описать, как ты выглядишь, когда работаешь в саду, вплоть до пятнышка на щеке, я помню каждый твой жест: вот ты проводишь рукой по волосам, разговаривая по телефону. Ты – во всем, что я когда-либо делал, ты – во мне, и я понимаю, что уже давно следовало сказать тебе, как много ты для меня значишь.

Прости меня – прости за все те разы, когда я тебя огорчал. Мне хотелось бы исправить прошлое, хотя мы оба знаем, что это невозможно. Но пусть минувшее нельзя изменить, я верю, мы в силах отнестись к нему иначе. Именно этому посвящен мой альбом.

В нем ты найдешь много фотографий. Некоторые из них ты уже видела в наших семейных альбомах, но большинство – нет. Я попросил друзей и родных найти снимки, на которых изображены мы с тобой, и в течение целого года они слетались ко мне со всех концов страны. Ты увидишь фотографии, сделанные Кейт на крестинах Лесли, и снимки с пикника двадцатилетней давности (автор – Джошуа Тандл). Ной отдал фотографию: ты там беременна Джозефом – это было в День благодарения. Если присмотришься, узнаешь место, где я впервые понял, что люблю тебя. Анна, Лесли и Джозеф тоже внесли свою лепту.

Получая каждую из фотографий, я пытался припомнить день, в который она была сделана. Поначалу моя память сама походила на снимок – яркий, но изолированный образ, – но стоило закрыть глаза и сосредоточиться, как время начинало течь вспять. Я вспоминал даже собственные мысли.

Напротив каждой фотографии я записал все, что помню об этих моментах – или, точнее, о тебе.

Альбом называется «То, что я должен был сказать».

Некогда я принес тебе клятву и сегодня, тридцать лет спустя, приношу еще одну. Отныне и навсегда я стану таким, каким мне следовало быть. Я буду романтичным мужем и постараюсь сделать прекрасными те годы, какие нам осталось провести вместе. Надеюсь, мои слова и поступки покажут, что я никогда и никого не любил так, как тебя.

Уилсон.

Заслышав звук шагов, я поднял голову. Джейн стояла на верхней площадке, падавший сзади свет смазывал ее черты. Касаясь рукой перил, она медленно начала спускаться.

В круге сначала появились ноги, талия, затем, наконец, лицо. Остановившись на полпути вниз, Джейн встретила со мной взглядом. Даже издали я заметил в ее глазах слезы.

– Поздравляю с годовщиной, – сказал я, и мой голос эхом отозвался в комнате.

Продолжая смотреть на меня, жена наконец сошла с последней ступеньки. С ласковой улыбкой она направилась ко мне, и я вдруг понял, что нужно сделать.

Я привлек жену к себе. От Джейн исходило знакомое тепло, ее лицо было мокро от слез. Мы стояли в старом доме, через два дня наступит тридцатая годовщина нашей свадьбы, я держал Джейн в объятиях и от всего сердца молился, чтобы время остановилось – отныне и навсегда.

Мы долго стояли рядом, прежде чем Джейн наконец шевельнулась. По-прежнему обнимая меня, она посмотрела мне в глаза.

– Спасибо, – прошептала она.

Я слегка сжал ее в объятиях.

– Пойдем. Кое-что хочу тебе показать.

Я провел ее через гостиную в заднюю часть дома, толкнул дверь, и мы шагнули на террасу, где стоял столик.

Хотя луна светила ярко, в небе над нами отчетливо виднелся Млечный Путь, похожий на россыпь драгоценных камней, а южнее появилась Венера. Слегка похолодало; когда подул ветерок, я ощутил волнуемый запах духов Джейн.

– Я подумал, что можно поужинать здесь. Кроме того, неохота трогать столы в гостиной.

Джейн взяла меня под руку и взглянула на столик.

– Это чудесно, Уилсон.

Я сделал усилие: отошел от жены, чтобы зажечь свечи и взять шампанское.

– Вина?

Мне показалось, что Джейн не слышала моего вопроса. Она завороченно смотрела на реку, и ее платье легонько трепетало на ветру.

– С удовольствием.

Я вытащил бутылку из ведерка со льдом, взялся за пробку и потянул. Раздался хлопок. Наполнив два бокала, я подождал, пока уляжется пена, и долил оба доверху. Джейн придвинулась ближе.

– И как долго ты готовился?

– Весь год. Это самое малое, чем я мог искупить свою забывчивость.

Она покачала головой:

– Я не могу себе представить ничего прекраснее сегодняшнего вечера.

– Джейн помолчала, – Когда я нашла альбом и твое письмо... Это самое удивительное, что ты когда-либо делал для меня.

Я снова заговорил о том, что это самое малое и так далее, но она перебила.

– Трудно выразить словами, как это для меня важно, – негромко сказала Джейн, а затем с хитрой улыбкой потянула меня за лацкан. – Ты чертовски хорош в смокинге.

Я вполголоса засмеялся, ощутив, как спадает напряжение, а потом взял ее за руку и слегка пожал.

– Мне очень жаль покидать тебя на этой высокой ноте.

– Но?...

– ...но мне нужно взглянуть, как там ужин.

Она кивнула, чувственная и прекрасная.

– Тебе помочь?

– Думаю, уже почти все готово.

– Ты не против, если я побуду здесь?

– Нет, конечно.

Приготовленная на пару спаржа уже остыла, поэтому я включил плиту, чтобы ее подогреть, и помешал соус, потом открыл духовку и проверил, как там рыба. Через пару минут можно было подавать.

По радио передавали джазовый концерт; я потянулся к выключателю, когда неожиданно раздался голос Джейн:

– Оставь, пожалуйста.

– Почему ты не наслаждаешься природой?

– Без тебя все по-другому, – сказала она и в своей излюбленной манере облокотилась о стол. – Что, эту музыку ты тоже заказал специально на сегодня?

– Играл уже часа два. Подозреваю, под нее пройдет весь вечер.

– С ней связано много воспоминаний, – заметила Джейн. – Папа любил слушать джаз. – Она медленно провела рукой по волосам и задумалась. – Знаешь, они с мамой любили танцевать на кухне. Только что мыли посуду, а потом обнимались и начинали танцевать. Мне было лет шесть, когда я впервые это увидела. Тогда я ничего не поняла. Когда мы с Кейт подросли, то подсматривали за ними, хихикали и показывали пальцем, но родители только улыбались и продолжали танцевать, как будто на свете никого не было, кроме них двоих.

– А я и не знал.

– В последний раз они танцевали здесь за неделю до того, как переехать в Крик-Сайд. Я заглянула к ним в гости, заметила их через окно кухни и не смогла сдержать слез. Поняла, что вижу это в последний раз... У меня чуть сердце не разорвалось. – Она помолчала, а потом помотала

головой, словно отгоняя видение. – Прости. Наверное, я испортила тебе настроение.

– Совсем нет, – ответил я. – Ной и Элли – часть нашей жизни, и это их дом. Честно говоря, я бы удивился, если бы ты не думала о родителях. Кроме того, сейчас самое время о них вспомнить.

Джейн задумалась над моими словами. Я вытащил рыбу из духовки и поставил ее на стол.

– Уилсон... – негромко позвала жена. Я обернулся.

– Если верить твоему письму, с этого дня ты попытаешься стать романтичным мужем. Это правда?

– Да.

– Значит, я могу рассчитывать на повторение сегодняшнего вечера?

– Если захочешь.

– В таком случае сюрприза не получится. Придется тебе придумать что-нибудь новенькое.

– Это не так трудно, как кажется.

– Да?

– Я могу придумать что-нибудь прямо сейчас, если надо.

– Например?

Я встретил ее оценивающий взгляд и твердо вознамерился не разочаровать Джейн. После недолгого размышления я выключил плиту и поставил спаржу на стол. Жена с интересом следила за мной. Я оправил пиджак, подошел к ней и протянул руку:

– Не хочешь ли потанцевать?

Она покраснела и встала. Я притянул Джейн к себе, и мы начали медленно кружиться под звуки музыки. Я ощущал запах лавандового шампуня и чувствовал, как ноги Джейн легонько касаются моих.

– Ты прекрасна, – прошептал я. В ответ она провела пальцем по тыльной стороне моей ладони.

Песня закончилась, но мы продолжали держать друг друга в объятиях, пока не началась следующая. Мы двигались медленно в опьяняющем ритме. Когда Джейн немного отстранилась, чтобы взглянуть на меня, то ласково улыбнулась и слегка коснулась рукой моего лица. Я наклонился к ней.

Я обнял Джейн и нежно поцеловал ее, ощутив невероятное желание. Затем погрузил руку в ее волосы, и она чуть слышно застонала, этот звук был одновременно знакомым и странным – настоящее чудо, каким оно и должно быть.

Не говоря ни слова, я пристально взглянул на нее, а потом вывел из

кухни. Джейн поглаживала мою руку, пока мы шли мимо столов, задувая свечи одну за другой.

В благословенной темноте мы поднялись наверх и зашли в нашу старую спальню. Мы обнимались, залитые молочно-белым лунным светом, целовались вновь и вновь – Джейн касалась моей груди, а я нащупывал застёжку на ее вечернем платье. Она тихонько вздохнула, когда я потянул молнию вниз.

Мои губы коснулись ее щеки, шеи, плеч. Джейн небрежно стянула с меня смокинг, и он упал на пол вместе с ее платьем.

Мы занимались любовью неторопливо и ласково; страсть, поглотившая нас, оказалась своего рода ошеломляющим открытием, которое поражало своей новизной. Как же мне хотелось, чтобы это длилось вечно, я целовал Джейн и шептал слова любви. Потом она, измученная, дремала в моих объятиях. Я касался ее горячей кожи кончиками пальцев, пытаюсь навечно запечатлеть в памяти красоту мгновения, а жена спала.

Вскоре после полуночи она проснулась и увидела, что я смотрю на нее. В темноте я различил странное выражение ее лица, как будто Джейн было одновременно стыдно и радостно от того, что произошло.

– Джейн... – позвал я.

– Да?

– Хочу кое о чем тебя спросить.

Она улыбнулась.

Я сделал глубокий вздох.

– Если бы тебе пришлось начать все сначала, заранее зная, как обернется наша жизнь, ты бы согласилась стать моей женой во второй раз?

Джейн долго хранила молчание, задумавшись над ответом. Потом она игриво похлопала меня по плечу, и ее лицо смягчилось.

– Да, – произнесла она.

Это было именно то, что я мечтал услышать. Я притянул жену к себе и принялся целовать ее волосы и шею, молясь, чтобы время остановилось навсегда.

– Ты даже не представляешь, как я тебя люблю, – шептал я.

– Знаю, – ответила Джейн. – И я тоже тебя люблю.

Глава 17

Когда сквозь стекла начал пробиваться утренний свет, мы проснулись, держа друг друга в объятиях, и снова занялись любовью.

После завтрака мы прошли по дому, приводя его в порядок к субботе, – убрали свечи, перенесли столик с террасы в сарай. Приготовленный мной ужин пришлось с сожалением отправить в мусорное ведро.

Осмотрев еще раз дом, довольные, мы покатали домой. Лесли планировала приехать к четверем, Джозеф смог взять билеты на более ранний рейс, поэтому мы ждали его к пяти. Анна оставила сообщение на автоответчике: она говорила, что займется вместе с Китом последними приготовлениями, которые, не считая финальной примерки, состояли преимущественно в том, чтобы удостовериться, что никто из нанятого нами персонала не откажется в последнюю минуту. Также она обещала забрать платье Джейн и привезти его вечером (Анна и Кит собирались ужинать с нами).

На кухне мы с Джейн поставили мясо на огонь – ему предстояло медленно тушиться до вечера. За работой мы обсуждали всякие мелочи, относящиеся к свадьбе, но то и дело улыбка Джейн говорила мне, что жена вспоминает минувший вечер.

Памятуя о том, что нам предстоит нелегкий день, мы решили перекусить вдвоем где-нибудь в городе. Мы взяли пару сэндвичей в закусочной на Поллок-стрит и пешком отправились в сад епископальной церкви, где уютно устроились в тени магнолий.

После ленча мы не спеша прогулялись, держась за руки, до Юнион-Пойнт и полюбовались Ньюз-Ривер. По реке плыли лодки всех размеров, дети наслаждались последними летними деньками перед возвращением в школу. Впервые за всю неделю Джейн казалась отдохнувшей; когда я обнял ее, меня посетило странное ощущение, как будто мы – молодая пара, только начинающая свой жизненный путь. Это был самый прекрасный день за много лет, и я наслаждался им, пока мы не вернулись домой. На автоответчике ждало сообщение от Кейт: «Приезжайте в Крик-Сайд. Я не знаю, что делать».

Кейт встретила нас в коридоре.

– Папа не хочет никого слушать, – тревожно сказала она. – Он молча смотрит из окна на пруд. Он отругал меня, когда я попыталась с ним поговорить. Сказал, что я все равно ему не верю, а значит, ничего не пойму.

В конце концов мне пришлось уйти.

– Он здоров?

– Кажется, да. Папа отказался есть ленч, но, не считая этого, он в норме. Только страшно расстроен. Когда я в последний раз заглянула в комнату, он закричал на меня и велел убираться.

Я посмотрел на закрытую дверь. Ни разу на моей памяти Ной не повышал голос.

Кейт нервно мяла шелковый шарфик.

– Он не стал разговаривать ни с Джеффом, ни с Дэвидом, они уехали буквально только что. По-моему, слегка обиженные.

– И со мной он тоже не хочет говорить? – уточнила Джейн.

– Нет. – Кейт беспомощно пожала плечами. – Сомневаюсь, что он согласится впустить хоть кого-нибудь. Может быть, разве что тебя. – Она скептически взглянула на меня.

Я кивнул. Хотя я боялся, что Джейн расстроится (как это случилось, когда Ной захотел повидаться со мной в больнице), жена сжала мою руку в знак поддержки.

– Посмотри, как там дела. А я подожду здесь с Кейт. Может быть, ты уговоришь его поесть.

– Непременно.

Я дважды постучал и приоткрыл дверь.

– Это Уилсон. Можно к вам?

Ной, сидевший в кресле у окна, не ответил. Я пару минут подождал и вошел. На кровати стоял поднос с нетронутой едой.

– Кейт и Джейн решили, что вы, возможно, захотите поговорить со мной.

Плечи Ноя приподнялись от глубокого вздоха, потом снова опустились. Сидя в кресле-качалке, он казался совсем крошечным.

– Они здесь?

Он произнес это так тихо, что я едва расслышал.

– Да.

Ной молчал. В тишине я пересек комнату и сел на постель. Ной упорно смотрел в сторону, но я заметил напряженное выражение его лица.

– Расскажите, что случилось, – попросил я.

Он опустил голову, а потом снова взглянул в окно.

– Она исчезла. Когда я вышел утром, ее не было.

Я мгновенно понял, о ком речь.

– Возможно, она просто плавала в другой части пруда. Или же не знала, что вы пришли, – заметил я.

– Она исчезла, – спокойно повторил Ной. – Я понял это сразу же, как только проснулся. Бог весть каким образом, но я понял. Я почувствовал, что она пропала, и это ощущение только крепло, пока я шел к пруду. Я звал ее целый час, но она так и не показалась. – Он вздрогнул и снова принялся смотреть в окно. – Наконец я сдался.

Пруд блестел на солнце.

– Не хотите прогуляться к пруду, и поищем? Вдруг она вернулась?

– Она не вернулась.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, и все, – ответил Ной. – Точно так же как знал утром, что она исчезла.

Я открыл рот, собираясь ответить, но все же решил промолчать. Спорить не было смысла, Ной уже утвердился в своем мнении. Кроме того, что-то в глубине души подсказывало мне, что он прав.

– Она вернется. – Я попытался ободрить его.

– Может быть, – ответил Ной. – А может быть, и нет. Не знаю.

– Она слишком любит вас, чтобы улететь навсегда.

– Тогда почему она все-таки улетела? – поинтересовался Ной. – Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла и покачал головой: – Жаль, что они не понимают...

– Кто?

– Дети. Медсестры. Даже доктор Барнуэлл.

– Не понимают, что лебедь – это Элли?

Старик впервые взглянул на меня.

– Нет. Что я – Ной. Тот же самый, каким был всегда. Я не понял, что он имеет в виду, и просто стоял молча, ожидая объяснений.

– Видел бы ты их сегодня утром. Их всех. Ничего удивительного, что я не хочу с ними говорить. Никто все равно мне не верит, и я не собираюсь доказывать, что я в здравом уме. Они начнут спорить, как всегда. А когда я отказался есть, шум начался такой, как будто я попытался выброситься из окна. Да, я расстроен, и у меня есть на то право. Когда я расстроен, мне не хочется есть. Всю жизнь было так, но теперь они уверены, что я потихоньку схожу с ума. Кейт пыталась кормить меня с ложечки и делать вид, что ничего не произошло. Представляешь?! А потом появились Джефф с Дэвидом и заявили, что птица, наверное, отправилась на поиски корма. Они как будто понятия не имеют, что я кормлю ее дважды в день! Никого даже не волнует, что с ней случилось.

Пытаясь вникнуть, в чем дело, я вдруг сообразил, что именно в этом, а не в поведении детей и кроется причина внезапной ярости Ноя.

– Что вас мучит? – спросил я. – То, что они ведут себя так, как будто это обычный лебедь? Но они действительно в этом уверены, и до сих пор вы особо не переживали.

– Им плевать. – Ной упрямо отвернулся, – Почему она исчезла?

До меня вдруг дошло, что он вовсе не сердится на детей. И не просто опечален тем фактом, что лебедь пропал. Нет, все обстояло гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, и вряд ли Ной признавался в этом даже самому себе.

Но я не стал задавать лишних вопросов. Я молча наблюдал за тем, как пританцовывают пальцы Ноя.

– Как прошел вечер с Джейн? – вдруг поинтересовался он.

При этих словах передо мной встал образ вальсирующей на кухне пары.

– Лучше, чем можно вообразить, – улыбнулся я.

– Ей понравился альбом?

– Безумно.

– Вот и славно, – отозвался Ной. Впервые с момента моего прихода он улыбнулся, но улыбка пропала так же быстро, как и появилась.

– Джейн хочет с вами поговорить, – сказал я. – И Кейт тоже ждет.

– Знаю, – уныло ответил Ной. – Пускай войдут.

– Вы уверены?

Он кивнул, и я коснулся его руки.

– Все будет в порядке?

– Да.

– Может быть, предупредить их, чтобы они не говорили о лебеде?

Ной ненадолго задумался, потом покачал головой:

– Не важно.

– Тогда просто успокойтесь, хорошо?

Ной страдальчески взглянул на меня.

– Я сейчас не в том настроении, чтобы их дразнить. По крайней мере обещаю больше не кричать. И не беспокойся, я не сделаю ничего, что может расстроить Джейн. Пусть не волнуется за меня, ей сейчас следует думать о предстоящей свадьбе.

Я встал и положил руку ему на плечо. Было понятно, что Ной сердится на самого себя. Последние четыре года он верил, будто лебедь – это Элли, которая вернулась к нему, невзирая ни на что. Необъяснимое исчезновение птицы разрушило его веру.

Уходя, я буквально слышал немой вопрос Ноя: «А что, если дети были правы?»

Впрочем, выйдя в коридор, я решил не распространяться о теме беседы с Ноем. Лишь намекнул, что будет лучше, если Джейн и Кейт позволят Ною говорить самому и при этом будут вести себя как можно более естественно. Обе кивнули, Джейн вошла в комнату первой. Ной взглянул на нас; женщины остановились, ожидая приглашения и теряясь в догадках.

– Привет, папа, – сказала Джейн.

Ной с усилием улыбнулся:

– Привет, милая.

– Как поживаешь?

Он посмотрел на меня и на Кейт, затем перевел взгляд на поднос с остывшей едой.

– Немного проголодался. А так все в порядке. Кейт, ты не могла бы...

– Конечно, папа, – радостно отозвалась та. – Я принесу тебе что-нибудь. Суп? Или сандвич?

– Сандвич – это хорошо. – Ной кивнул. – И сладкого чаю, пожалуй.

– Сейчас сбегая вниз и возьму все, что ты хочешь, – сказала Кейт. – Может быть, кусочек шоколадного торта? Его только сегодня испекли.

– Конечно. Спасибо. Э... простите за то, что я так себя вел утром. Просто я расстроился. Не нужно было срываться на вас.

Кейт улыбнулась:

– Ничего страшного, папа.

Она с облегчением взглянула на меня, хотя тревога ее не покинула. Как только она ушла, Ной жестом указал на кровать.

– Садитесь и устраивайтесь поудобнее, – предложил он.

Я наблюдал за Ноем, гадая, что он затеял. Я заподозрил, что он отослал Кейт, дабы поговорить со мной и с Джейн наедине.

Мы сели, и жена взяла меня за руку.

– Прости насчет лебедя, папа, – сказала она.

– Спасибо, – отозвался Ной. Судя по выражению лица, развивать тему он не собирался. – Уилсон рассказал мне про дом. Кажется, это действительно нечто.

Джейн заметно расслабилась.

– Просто сказка, папа. Даже лучше, чем было, когда Кейт выходила замуж. – Она запнулась. – Мы решили, что Уилсон заедет за тобой к пяти. Это, конечно, рановато, зато ты сможешь какое-то время провести в доме. Ты ведь там давно не был.

– Отлично, – согласился Ной. – Будет приятно снова увидеть старый дом.

Он перевел взгляд с Джейн на меня и, кажется, впервые заметил, что мы держимся за руки. Ной улыбнулся.

– У меня кое-что есть для вас обоих, – сказал он. – Если вы не против, я отдам это вам, пока Кейт не пришла. Боюсь, она не поймет.

– Что ты задумал? – удивилась Джейн.

– Помоги мне встать, пожалуйста. Трудновато подняться после того, как долго посидишь.

Я встал и подал ему руку; Ной оперся на нее и осторожно пошел к столу. Открыв ящик стола, он вытащил сверток и вновь вернулся в кресло. Ходьба заметно утомила его, садясь, Ной поморщился.

– Я попросил, чтобы его красиво завернули, – объяснил он, протягивая нам нечто небольшое и прямоугольное, обернутое в красную бумагу. Я вдруг догадался, что это. Джейн, видимо, тоже. Никто из нас не решался взять подарок.

– Пожалуйста, – настойчиво произнес Ной.

Джейн помедлила, наконец протянула руку. Она задумчиво провела пальцами по обертке и взглянула на отца.

– Но, папа...

– Открой, – потребовал Ной.

Джейн развернула бумагу, и мы узнали книгу. В правом верхнем углу виднелось маленькое отверстие от пули – пули, предназначавшейся Ною.

Это были «Листья травы» Уолта Уитмена – книга, которую я привез ему в больницу и с которой он не расставался ни на минуту.

– С годовщиной вас, – улыбнулся он.

Джейн держала книгу так, как будто старый томик мог рассыпаться. Она взглянула сначала на меня, потом на отца.

– Мы не можем ее взять, – тихо сказала она.

В ее глазах стояли слезы.

– Нет, можете.

– Но... почему?

Ной посмотрел на нас.

– А вы знаете, что я перечитывал ее каждый день, пока ждал Элли? Начиная с того летнего дня, когда она уехала. Тогда оба мы были еще детьми. Это было все равно что читать стихи ей. А потом, поженившись, мы читали вместе, сидя на террасе, – так, как я себе и представлял. За столько лет мы прочитали каждое стихотворение, наверное, по тысяче раз. Иногда я читал и замечал, как ваша мама шевелит губами. Она помнила все стихи наизусть.

Ной взглянул в окно; я знал, что он вновь думает о лебеде.

– Я не могу читать, – продолжал он. – Не разбираю слов. Но мне больно думать, что никто и никогда больше не возьмет эту книгу в руки. Я не хочу, чтобы она стала музейным экспонатом. Чтобы она просто стояла на полке как память обо мне и Элли. К сожалению, вы не любите Уитмена так, как я, но все-таки ты, Джейн, единственная из моих детей, кто добрался до последней страницы. И кто знает, может быть, однажды ты захочешь повторить.

– Обязательно, – пообещала Джейн.

– Не сомневаюсь, – сказал Ной. – Именно поэтому я отдаю книгу вам.

Пообедав, Ной дал нам понять, что нуждается в отдыхе, и мы с Джейн отправились домой.

Анна и Кит приехали вечером, через несколько минут появилась Лесли, и все мы стояли на кухне, болтая и смеясь, как в давние времена, а потом расселись по машинам и направились в старый дом. Как и Джейн накануне, молодежь пришла в восторг. Они целый час бродили по саду и комнатам с открытыми ртами; когда мы собрались в гостиную, Джейн придвинулась ко мне и улыбнулась. Она поймала мой взгляд, кивком указала в сторону лестницы и подмигнула. Я засмеялся. Когда Лесли спросила, что смешного, Джейн разыграла полное неведение.

– Твой отец, кажется, понял, что к чему, – заметила она.

По пути домой я заехал в аэропорт за Джозефом. Он поприветствовал меня своим обычным «Привет, отец» и бесстрастно добавил: «А ты похудел». Забрав багаж, он отправился вместе со мной в Крик-Сайд за Ноем. Как всегда, в моем присутствии сын был сдержан, но, увидев деда, тут же повеселел. Ной тоже был рад видеть Джозефа. В машине они сидели позади, беседовали и с каждой минутой становились все оживленнее; стоило им шагнуть за порог, как их чуть не задушили в объятиях. Вскоре Ной уже расположился на кушетке между Лесли и Джозефом и сыпал анекдотами, пока Анна и Джейн болтали на кухне. Дом вновь наполнился знакомыми звуками, и я поймал себя на мысли о том, что так оно и должно быть всегда.

За ужином смех не умолкал – Анна и Джейн делились подробностями своей бешеной гонки, внезапно дочь постучала вилкой по бокалу. Дождавшись тишины, она сказала:

– Я хочу поднять бокал за маму и папу. Без вас ничего бы не получилось. Это будет самая удивительная свадьба, которую только можно представить.

Ной устал, и я отвез его в Крик-Сайд. Мы шли в его комнату по пустым коридорам.

- Спасибо еще раз за книгу, – поблагодарил я, остановившись у двери.
- Это самый необычный подарок, который мы когда-либо получали от вас. Его потускневшие от катаракты глаза, казалось, смотрели сквозь меня.
- Не стоит благодарности.
- Я кашлянул.
- Надеюсь, утром лебедь вернется.
- Ной кивнул:
- Быть может.

* * *

Джозеф, Лесли и Анна все еще сидели за столом. Кит уехал несколько минут назад. Когда я спросил, где Джейн, они указали на веранду. Я открыл дверь и увидел, что жена стоит, опираясь на перила. Несколько минут мы молча бок о бок наслаждались свежим воздухом.

– Он хорошо себя чувствовал, когда вы расстались? – наконец спросила Джейн.

– Да, как и следовало ожидать. Хотя и устал.

– Как думаешь, ему понравился вечер?

– Несомненно. Ной обожает проводить время с внуками.

Джейн взглянула на сцену в гостиной: Лесли оживленно жестикулировала и, видимо, рассказывала смешную историю, Анна и Джозеф заливались хохотом. Снаружи их было хорошо слышно.

– Когда смотришь на них, сразу вспоминаешь прошлое, – произнесла Джейн. – Жаль, что Джозеф живет так далеко. Девочки по нему скучают. Они уже целый час сидят там и смеются.

– А почему ты не с ними?

– Я увидела, как ты подъезжаешь, и вышла.

– Зачем?

– Хотела побыть с тобой. – Джейн игриво толкнула меня локтем. – А еще вручить тебе подарок, потому что завтра и в самом деле будет не до того. – Она протянула мне конверт. – Конечно, выглядит небогато, но это не тот подарок, который можно завернуть в бумагу. Ты все поймешь, когда откроешь...

Я вытащил сертификат и улыбнулся.

– Мастер-класс по кулинарии?

– В Чарлстоне, – добавила Джейн, придвигаясь ближе. – Причем высшего уровня. Участники проводят выходные в «Мондори инн», там

работает один из лучших в округе шеф-поваров. Ты, конечно, и сам неплохо готовишь, но, может быть, тебе интересно будет узнать что-нибудь новенькое – ну, например, как обращаться с ножом для резки мяса и определять нужную температуру для жарки. Знаешь Хелен? Она поет в церковном хоре. Так вот она сказала, что это были лучшие выходные в ее жизни.

Я обнял Джейн:

– Спасибо. И когда начало?

– Мастер-классы проходят в сентябре и октябре, в первые и третьи выходные месяца, так что ты сможешь заранее подогнать свое расписание. Просто позвони туда, если соберешься.

Я рассматривал сертификат, пытаюсь представить себе эти занятия. Обеспокоенная моим молчанием, Джейн сказала:

– Если тебе не нравится, я подарю что-нибудь другое...

– Нет-нет, это отличный подарок, – ответил я и добавил: – Хотя есть один нюанс...

– Какой?

– Я был бы просто счастлив, если бы мы могли посещать мастер-классы вместе. Давай устроим себе романтические выходные. Чарлстон прекрасен в это время года, и мы отлично проведем время.

– Правда?

Притянув жену ближе, я пристально взглянул ей в глаза.

– Разумеется. Я буду слишком сильно скучать по тебе и не смогу наслаждаться занятиями в полной мере.

– Говорят, в разлуке любовь крепнет, – заметила та.

– Полагаю, дальше некуда. Ты даже не представляешь, как я тебя люблю.

– Представляю, – ответила Джейн.

Я наклонился и поцеловал жену, краем глаза, заметив, что дети наблюдают за нами. В прошлом я бы, возможно, постеснялся это сделать, а теперь было все равно.

Глава 18

В субботу утром я нервничал меньше, чем ожидал.

Анна появилась, когда все уже встали, и за завтраком поразила нас своим спокойствием. Потом мы отдыхали на веранде; время как будто замедлило свой бег. Мы наслаждались возможностью побыть в кругу семьи и набирались сил перед предстоящим торжественным событием.

Я неоднократно замечал, что Лесли и Джозеф наблюдают за мной и Джейн, явно удивленные тем, как мы игриво подталкиваем друг друга и смеемся. Дочь смотрела на нас с несомненной гордостью, а выражение лица Джозефа было трудно расшифровать. Не знаю, был ли он рад за нас или пытался угадать, как долго продлится эта фаза.

Наверное, их реакция была вполне естественной. В отличие от Анны они давно нас не видели и, несомненно, помнили, как мы обращались друг с другом во время их последнего визита. Когда Джозеф приезжал зимой, мы с Джейн почти не разговаривали. И разумеется, сын не забыл ее прошлогодний приезд в Нью-Йорк.

Я задумался, замечает ли Джейн удивленные взгляды детей. Если и так, она не обращала на них никакого внимания. Она рассказывала Лесли и Джозефу о нашей предсвадебной суматохе, не в силах скрыть свой восторг по поводу того, как все удачно обернулось. Дочь засыпала ее десятками вопросов и буквально млела при каждом романтическом откровении, Джозеф слушал молча. Анна время от времени вносила свою лепту, отвечая на вопросы вместо матери. Она сидела на кушетке рядом со мной; когда жена встала, чтобы сварить кофе, Анна взглянула на нее через плечо, потом взяла меня за руку и шепнула:

– Скорей бы наступил вечер.

В час дня представительницы прекрасного пола дружно отправились к парикмахеру, щебеча, как школьницы на прогулке. Тем временем мне позвонили Джон Петерсон и Генри Макдоналд и предложили встретиться в старом доме. Петерсон хотел проверить, настроено ли фортепиано, а Макдоналд – заглянуть на кухню и убедиться, что ужин пройдет без проблем. Оба пообещали не отвлекать меня надолго, но я сказал, что все в порядке. Мне все равно нужно было кое-что отвезти в старый дом, и я туда собирался так или иначе.

Я уже стоял в дверях, когда услышал, что в гостиную вошел Джозеф.

– Отец, ты не против, если я поеду с тобой?

– Нет, конечно.

По пути Джозеф смотрел в окно и почти не проронил ни слова. Он много лет не был в старом доме и теперь откровенно наслаждался видами, пока мы катили по обсаженной деревьями дороге. Нью-Йорк – красивый город, и Джозеф уже считал его своим домом, но он, видимо, просто позабыл, как прекрасны наши долины.

Я припарковался на своем обычном месте. Когда мы вышли из машины, Джозеф на мгновение замер. В ярких лучах солнца старый дом буквально сверкал. Через несколько часов сюда приедут Анна, Лесли и Джейн, чтобы переодеться к свадьбе. Мы решили, что торжественная процессия двинется от самого крыльца. Разглядывая окна второго этажа, я тщетно воображал последние мгновения перед началом, когда гости уже расселись в ожидании выхода жениха и невесты.

Я стряхнул с себя задумчивость и увидел, что Джозеф идет к тенту. Он шагнул, сунув руки в карманы и оглядываясь по сторонам. У входа под навес он остановился и посмотрел на меня, ожидая, когда я подойду.

Мы миновали навес и розарий и вошли в дом. Джозеф не выражал никаких эмоций, но я чувствовал, что он находится под впечатлением точно так же, как Лесли и Анна. Закончив обход, Джозеф задал несколько вопросов – что, как и кто, – но тут приехал Макдоналд, и сын снова замолчал.

– И каково твое мнение? – спросил я.

Джозеф не ответил, но на его губах появилась легкая улыбка.

– Честно говоря, – признал он наконец, – поверить не могу, что ты это сделал.

Я вспомнил, как выглядел дом всего несколько дней назад, и рассеянно отозвался:

– Да уж...

Джозеф покачал головой.

– Я говорю не только об этом, – сказал он, делая широкий жест. – Речь о маме.

Джозеф помолчал, а затем продолжил:

– В прошлом году, когда мама приехала ко мне, она была расстроена, как никогда в жизни. Она заплакала, едва только вышла из самолета. Ты это знал?

Выражение моего лица было достаточно красноречиво. Джозеф сунул руки в карманы и взглянул вдаль, не решаясь встретиться со мной взглядом.

– Мама сказала, что ты не должен видеть ее такой, поэтому дома она старается сдерживаться. Но вдали от тебя... наверное, у нее просто

закончились силы. – Сын помолчал. – Только вообрази: я жду ее в аэропорту, а она сходит с трапа с таким видом, как будто вернулась с похорон. Конечно, я каждый день по роду своих занятий имею дело с человеческим горем, но когда речь идет о собственной матери...

Я предпочел промолчать.

– В тот день мы разговаривали до глубокой ночи. Она плакала и рассказывала о том, что происходит между вами. Надо сказать, я на тебя разозлился. Не только потому, что ты забыл про годовщину, но и вообще. Да, ты исправно содержал семью, как оно и положено, но при этом не желал делать некоторые очевидные вещи. Я сказал маме, что если она так несчастлива, то, может быть, лучше жить одной.

Я не знал, что и сказать.

– Она прекрасная женщина, отец, – продолжал Джозеф, – и я устал видеть ее расстроенной. Потом она, конечно, оправилась, по крайней мере отчасти, но при мысли о возвращении у нее начиналась паника. Мама невероятно грустила, когда об этом заходила речь, поэтому я наконец предложил ей остаться в Нью-Йорке со мной. Сначала я думал, что она согласится, но потом мама сказала что не может. Что она нужна тебе.

У меня перехватило дыхание.

– Когда ты попросил помощи, сначала мне вообще было неохота иметь с тобой дело. Я даже не особенно рвался домой на выходные... Но вчера вечером... – Он покачал головой и вздохнул. – Ты бы слышал ее. Мама безостановочно говорила о тебе. О том, какой ты замечательный и как здорово вы ладите в последнее время. А потом я увидел, как вы целовались на веранде...

Джозеф взглянул на меня так, как будто видел впервые в жизни; на его лице промелькнула тень недоверия.

– Ты это сделал, отец. Не знаю как, но сделал. Я в жизни не видел маму такой счастливой.

Петерсон и Макдоналд приехали вовремя и, как и обещали, не задержали меня надолго. Я оставил наверху то, что привез с собой, а по пути домой мы с Джозефом заехали в бюро проката за смокингами – для него и для Ноя. Я высадил сына у дома, а сам направился в Крик-Сайд.

Ной сидел в кресле у окна, залитый лучами вечернего солнца. Когда он обернулся, по его грустному лицу я понял, что лебедь так и не появился.

– Здравствуйте, Ной.

– Привет, Уилсон, – прошептал тот.

Ной выглядел совсем опустошенным, морщины на его лице как будто сделались еще глубже за ночь.

– Как поживаете?

– Могло быть и лучше. Хотя, конечно, могло быть и хуже.

Он через силу улыбнулся.

– Вы готовы?

– Да. Готов.

Сидя в машине, Ной не упомянул о лебеде. Он смотрел в окно, как и Джозеф, и я оставил старика наедине с его мыслями. Тем не менее мое предвкушение праздника росло. Мне не терпелось показать ему, что мы сделали; я ожидал, что Ной будет в таком же восторге, как и остальные.

Странно, но, выйдя из машины, тот не проявил никаких эмоций. Он огляделся и слабо пожал плечами:

– По-моему, ты сказал, что тут все привели в порядок.

Я решил, что ослышался.

– Так и есть.

– Где?

– Везде. Идемте, я покажу вам сад.

Ной покачал головой:

– Мне и отсюда прекрасно видно. Он выглядит в точности как всегда.

– Видели бы вы его неделю назад! – возмущенно отозвался я. – Он же полностью зарос! А дом...

Ной ухмыльнулся, и я замолк.

– Один-ноль, – сказал он, подмигнув. – Пойдем. Покажи, что вы сделали.

Мы обошли дом, сад и вернулись на террасу. У нас оставался еще час. Затем нам следовало переодеться. Джозеф прибыл уже в смокинге, за ним через несколько минут появились Анна, Лесли и Джейн – прямо из парикмахерской. Девочки буквально витали в облаках, когда вышли из машины. Опередив Джейн, они быстро исчезли наверху.

Жена задержалась; глаза у нее блеснули при виде удаляющихся дочерей.

– Учти, – заявила она, – Кит не должен видеть Анну заранее, поэтому не пускай его наверх.

– Не пущу, – пообещал я.

– Вообще никого не пускай. Это будет сюрприз.

Я поднял два пальца:

– Только через мой труп.

– Тебя это тоже касается, папа.

– Понял.

– Волнуешься? – спросила Джейн.

– Немного.

– Я тоже. Трудно поверить, что наша маленькая дочка уже совсем взрослая и сегодня она выходит замуж.

В голосе Джейн, помимо восторга, звучала и грусть; я наклонился и поцеловал ее в щеку. Жена улыбнулась.

– Слушай, я должна помочь Анне. Без меня она не влезет в платье, оно чертовски узкое. И мне тоже пора переодеться.

– Конечно. Увидимся позже.

В течение часа первым приехал фотограф, за ним Джон Петерсон, официанты прибыли последними, и все они усердно взялись за дело. Торт водрузили на подставку, флорист привез букеты и бутоньерки, незадолго до съезда гостей мы со священником условились о порядке процессии.

Вскоре двор был заполнен машинами. Мы с Ноем стояли на веранде и приветствовали гостей, а затем провожали их под навес; Джозеф и Кит рассаживали дам. Джон Петерсон уже сидел за фортепиано, в теплом воздухе разносилась прекрасная музыка Баха. Вскоре все заняли свои места, и священник поднялся на возвышение.

Когда солнце начало садиться, тент озарился загадочным светом. На столах мерцали свечи, официанты были готовы подавать еду.

Впервые я осознал всю реальность происходящего. Стараясь сохранять спокойствие, я заходил взад-вперед. Свадьба должна была начаться через пятнадцать минут; надеюсь, жена и дочери знают, что делают. Я убеждал себя, что они просто тянут до последнего, но все равно то и дело посматривал сквозь открытую дверь в сторону лестницы. Ной сидел на веранде и с удовольствием наблюдал за мной.

– Ты похож на мишень в тире, – заметил он. – Знаешь, такой пингвин, который ездит туда-сюда.

Я слегка расслабился.

– Что, все так плохо?

– Ты уже, наверное, пол протёр.

Только я решил, что лучше сесть, и тут же на лестнице послышались шаги.

Ной жестом показал, что останется здесь, и я вышел в коридор. Джейн медленно спускалась, придерживаясь одной рукой за перила, и я буквально застыл от изумления. Высокая прическа невероятно ей шла, атласное платье персикового цвета соблазнительно облегалo фигуру, глаза Джейн немного подкрашены. Увидев выражение моего лица, Джейн замерла, явно довольная произведенным эффектом.

– Ты выглядишь потрясающе, – выдавил я.

– Спасибо.

Когда Джейн приблизилась, я ощутил аромат новых духов, но стоило мне наклониться за поцелуем, как жена поспешно отстранилась.

– Не надо, – смеясь, сказала она. – Смажешь помаду.

– Правда?

– Да, – подтвердила она, хлопая меня по руке. – Поцелуемся потом. Обещаю. Иначе я расплачусь, и конец макияжу.

– Где Анна?

Джейн кивнула в сторону лестницы:

– Она готова. Просто хочет поговорить с Лесли наедине, прежде чем спуститься. Что-то вроде последнего напутствия, полагаю. – Жена мечтательно улыбнулась. – Скоро она появится. Держу пари, такой красивой невесты ты еще не видел. У тебя здесь все готово?

– Джон начнет играть торжественный марш, как только я подам сигнал.

Джейн кивнула.

– А где папа?

– Там, где и должен быть. Не волнуйся, все в порядке. Осталось только ждать.

Она снова кивнула.

– Сколько времени?

– Восемь.

Когда Джейн уже собиралась поторопить Анну, наверху скрипнула дверь. Мы одновременно подняли глаза.

Первой появилась Лесли; как и мать, она выглядела прелестно. Она скакала по лестнице, не скрывая радости; платье у нее тоже было персикового цвета, как и у Джейн, но без рукавов, так что виднелись загорелые сильные руки.

– Анна идет, – запыхавшись, сообщила Лесли. – Она спустится через секунду.

Джозеф проскользнул в дверь у нас за спиной и встал рядом с сестрой; Жена взяла меня за руку; я с удивлением заметил, что пальцы у меня дрожат. Вот оно, подумал я. Когда наверху вновь открылась дверь, Джейн расплылась в детской улыбке.

– Это Анна, – шепнула она.

Да, это шла наша дочь, но все мои помыслы сосредоточились на Джейн. Стоя рядом, я понимал, что люблю ее, как никогда в жизни. У меня вдруг пересохло во рту.

Когда Анна появилась, глаза Джейн расширились. На мгновение она

застыла, не в силах говорить. Увидев выражение ее лица, Анна спустилась едва ли не бегом, как Лесли, держа одну руку за спиной. На ней было не то платье, которое она надевала минуту назад в присутствии матери. Она надела то, что я привез сюда утром и повесил в один из пустых шкафов, – точно такое же, как у Лесли. Прежде чем Джейн успела собраться с силами и заговорить, Анна шагнула к ней и протянула фату, которую до сих пор прятала за спиной.

– Думаю, именно тебе следует ее надеть, – кратко сказала она.

Когда Джейн увидела фату, то ошеломленно заморгала, не в силах поверить своим глазам.

– Что происходит? – спросила она. – Почему ты сняла свадебное платье?

– Потому что я не выхожу замуж, – с улыбкой отвечала Анна. – По крайней мере не сегодня.

– Что?! – воскликнула Джейн. – Конечно, ты выходишь замуж...

Анна покачала головой:

– Это не моя свадьба, мама, а твоя. – Она помолчала. – Как ты думаешь, почему я позволила тебе выбирать все по твоему вкусу?

Джейн, казалось, не в силах была поверить словам дочери. Она переводила взгляд с Анны на Джозефа и Лесли, пытаясь прочесть ответ на их улыбающихся лицах, а затем обернулась ко мне.

Я взял Джейн за руки и поднес их к губам. Год замыслов и секретов завершился в эту минуту. Я нежно поцеловал руку жены и лишь потом взглянул ей в глаза.

– Ты ведь сказала, что готова выйти за меня еще раз, не так ли?

Казалось, мы с ней были одни в комнате. Джейн смотрела на меня, а я вспоминал все, что втайне проделал за минувший год. Отпуск, который мне «отчего-то» дали вовремя; фотограф и официанты, «каким-то чудом» выделившие для меня свободный вечер; гости, у которых «вдруг» не оказалось никаких планов на выходные; рабочие, успевшие привести дом в порядок за пару дней...

Прошло несколько секунд, а затем на лице Джейн начало медленно отражаться понимание. Когда она наконец в полной мере осознала, что случилось, то воззрилась на меня с восторгом и недоверием.

– Моя свадьба? – спросила она почти шепотом.

Я кивнул:

– Свадьба, которая должна была состояться давным-давно.

Несмотря на то что жена требовала подробностей прямо здесь и сейчас, я взял фату, которую Анна по-прежнему держала в руках, и

аккуратно набросил на голову Джейн.

– Расскажу все после церемонии, – пообещал я. – Но сейчас ждут гости. Нам с Джозефом нужно стоять впереди, поэтому я лучше пойду. Не забудь букет.

Глаза Джейн были полны мольбы.

– Но... подожди...

– Честное слово, не могу, – негромко сказал я и улыбнулся. – Если помнишь, мне не следует видеть тебя до свадьбы. До встречи через пару минут.

Гости не сводили с нас глаз, пока мы с Джозефом шагали к шпалерам. Вскоре мы уже стояли перед Харви Уэллингтоном.

– Кольца у тебя? – уточнил я.

Джозеф похлопал себя по нагрудному карману.

– Да, отец. Купил их вчера, как ты и просил.

Солнце начало скрываться за деревьями, небо медленно серело. Я разглядывал гостей и, слыша их приглушенные перешептывания, преисполнялся благодарности. Кейт, Дэвид и Джефф сидели в первом ряду со своими супругами, за ними – Кит, далее – наши с Джейн друзья, которых мы знали много лет. Каждому из них я был обязан за то, что они сделали чудо возможным. Одни прислали фотографии для альбома, другие помогли устроить свадьбу. Хотя благодарен я был не только за это. Казалось невозможным сохранить секрет, но они не только держали рот на замке – они откликнулись на мой призыв с энтузиазмом и охотно согласились отпраздновать столь важный момент в нашей жизни.

Больше всех я хотел поблагодарить Анну. Ничего не получилось бы без ее участия – а ведь ей было нелегко. Дочери приходилось следить за каждым своим словом и заваливать Джейн делами. Киту тоже выпала нелегкая ноша; я подумал, что однажды из него получится прекрасный зять. Когда они с Анной наконец решат пожениться, дочь получит именно такую свадьбу, какую пожелает, и не важно, во сколько это обойдется.

Лесли тоже оказала мне неоценимую помощь. Именно она уговорила Джейн ночевать в Гринсборо и съездила в магазин, чтобы купить для Анны второе платье. Более того, именно к ней я обратился за идеями, когда задумался над тем, как сделать эту свадьбу идеальной. Лесли, с ее любовью к романтическим фильмам, охотно пришла на выручку; это она предложила позвать Харви Уэллингтона и Джона Петерсона.

Ну и, разумеется, Джозеф. Он с недоверием отнесся к моим планам, но, наверное, не стоило удивляться. Чего я точно не ожидал – так это того, что сын положит мне руку на плечо, когда мы стояли под шпалерами и

ждали Джейн.

– Отец... – шепнул он.

– Что?

Джозеф улыбнулся:

– Быть твоим шафером – честь для меня.

От этих слов я ощутил комок в горле.

– Спасибо. – Это было все, что я мог сказать.

Свадьба была именно такой, как я надеялся. Никогда не забуду приглушенный шепот гостей и то, как они вытягивали шеи, чтобы взглянуть на моих дочерей, идущих по проходу; никогда не забуду, как у меня задрожали руки, когда раздались первые аккорды свадебного марша, и как сияла Джейн, когда Ной повел ее ко мне.

Она казалась совсем молодой. С букетом тюльпанов и миниатюрных роз в руках Джейн как будто плыла по проходу. Ной, само воплощение счастливого отца, радостно улыбался.

Приблизившись ко мне, они с Джейн остановились, и Ной медленно приподнял ее фату. Поцеловав дочь в щеку, он что-то шепнул ей и занял свое место в первом ряду, рядом с Кейт. Сидевшие позади них женщины уже вытирали глаза платочками.

Харви начал церемонию с благодарственной молитвы. Попросив нас встать лицом друг к другу, он заговорил о любви и о том, каких усилий она требует. Все это время Джейн не отпускала моей руки и не сводила с меня глаз.

Когда пришло время, я попросил Джозефа подать кольца. Для Джейн я купил кольцо с бриллиантом, а для себя – точную копию того, что носил до сих пор, оно стало для меня символом надежды на лучшее. Мы повторили клятвы, которыми обменялись давным-давно, и надели друг другу кольца. А потом я поцеловал невесту – под аплодисменты и одобрительные возгласы, среди вспышек фотоаппаратов.

Праздник продолжался до полуночи. Ужин был великолепен, а Джон Петерсон проявлял просто чудеса виртуозности. Каждый из моих детей произнес тост – и я тоже, поблагодарив всех за помощь. Джейн улыбалась.

После ужина несколько столов сдвинули в сторону, и мы с Джейн принялись танцевать. Когда она останавливалась, чтобы передохнуть, то сыпала вопросами, которые не давали покоя мне самому в течение всей минувшей недели.

– А если бы кто-нибудь проболтался?

– Никто не проболтался.

– Но если бы?...

– Не знаю. Наверное, я надеялся, что если кто-нибудь и проговорится, ты решишь, что ослышалась. Ты бы просто не поверила, что я на такое способен.

– Ты доверил свой секрет стольким людям...

– ...и я благодарен за то, что они полностью оправдали мое доверие.

– Я тоже. Это самый прекрасный вечер в моей жизни. – Джейн окинула взглядом комнату. – Спасибо, Уилсон. Спасибо за все.

Ближе к полуночи гости начали расходиться. Все они по пути к дверям жали мне руку и обнимали Джейн. Когда Петерсон опустил крышку фортепиано, Джейн от души его поблагодарила. Тот немедленно поцеловал ее в щеку.

– Я бы в жизни не упустил такой возможности, – ответил он.

Харви Уэллингтон с женой ушли в числе последних, и мы с Джейн проводили их до террасы. Когда Джейн поблагодарила священника, тот покачал головой:

– Не стоит благодарности. Нет ничего прекраснее, чем быть сопричастным к столь радостному событию. В конце концов, именно такой и должна быть свадьба.

Джейн улыбнулась.

– Давайте как-нибудь поужинаем все вместе.

– С удовольствием.

Дети собрались за одним из столов, вполголоса обсуждая вечер; не считая их взволнованных голосов, в доме стояла тишина. Джейн присоединилась к ним; стоя позади нее, я оглянулся и заметил, что Ной исчез.

Большую часть вечера он держался до странности тихо, и я решил, что старик, должно быть, вышел на террасу в надежде побыть одному. Раньше я уже видел его там и, честно говоря, слегка забеспокоился. День выдался долгий, а поскольку время было позднее, я решил спросить, не хочет ли Ной вернуться в Крик-Сайд. Я вышел на террасу, но не увидел его.

Я уже собирался вернуться в дом и проверить комнаты наверху, когда вдруг заметил в отдалении, на берегу реки, одинокую фигуру. Понятия не имею, каким чудом я его разглядел, – будучи одетым в смокинг, Ной сливался с темным пейзажем.

Я задумался, стоит ли его окликнуть, потом решил этого не делать. Отчего-то у меня появилось ощущение, что Ной не желает, чтобы его обнаружили. Подгоняемый любопытством, мгновение я помедлил, но решил спуститься с крыльца и двинуться к нему.

В небе сияли звезды, в свежем воздухе пахло землей. Гравий тихонько

поскрипывал под моими ботинками, но потом начался травянистый склон – сначала пологий, затем более крутой. В густой траве было трудно удерживать равновесие; отводя ветки от лица, я тщетно гадал, зачем – и каким образом – Ной забрался сюда.

Отвернувшись, он что-то шептал. Поначалу я подумал, что Ной обращается ко мне, но затем понял, что старик даже не замечает моего присутствия.

– Ной, – тихо позвал я.

Он удивленно обернулся и начал вглядываться в темноту. Когда Ной узнал меня, выражение его лица смягчилось. У меня появилось странное ощущение, что я предотвратил беду.

– Я и не слышал, как ты подошел. Что ты тут делаешь?

Я улыбнулся:

– Мне хотелось задать вам тот же самый вопрос.

Вместо ответа Ной кивком указал в сторону дома:

– Вечеринка удалась на славу. Ты превзошел самого себя. У Джейн улыбка не сходила с лица весь вечер.

– Спасибо... Вы хорошо провели время?

– Прекрасно, – ответил он.

Мы помолчали.

– Как вы себя чувствуете? – наконец спросил я.

– Могло быть и лучше. Хотя, конечно, могло быть и хуже.

– Уверены?

– Да, – сказал Ной. – Уверен. – Возможно, заметив любопытство на моем лице, он продолжал: – Такая чудесная ночь. Я решил немного подышать свежим воздухом.

– Здесь? Он кивнул.

– Почему?

Наверное, следовало бы сразу догадаться, по какой причине Ной рисковал жизнью, спускаясь к реке, но тогда эта мысль мне даже в голову не пришла.

– Я знал, что она меня не бросила, – искренне ответил он. – Я хотел с ней поговорить.

– С кем?

Ной как будто не расслышал моего вопроса. Он просто указал в сторону реки.

– Она пришла на свадьбу.

Я вдруг понял, о чем речь, взглянул на реку и ничего не увидел. Меня охватило чувство беспомощности, и я задумался: может быть, врачи все-

таки правы? Может быть, у Ноя галлюцинации? Или он слишком устал за сегодняшний вечер? Когда я открыл рот, чтобы уговорить его вернуться в дом, слова словно застряли в горле.

На волнах залитой лунным светом реки как будто из ниоткуда появился лебедь. Здесь, на просторе, он выглядел волшебным, его перья отливали серебром. Я закрыл глаза, надеясь изгнать этот образ из сознания, а когда открыл их, то увидел, что лебедь описывает круг перед нами.

Я улыбнулся. Ной был прав. Хотя я не знал, как и почему лебедь появился здесь, я уже не сомневался, что это та самая птица. Я видел ее сотни раз и теперь даже издали заметил крошечное черное пятнышко на груди, прямо над сердцем.

Эпилог

Стоя на крыльце, я вдыхаю бодрящий осенний аромат и вспоминаю вечер нашей свадьбы. Я по-прежнему помню его в мельчайших подробностях – как и все то, что случилось за минувший год.

Странно сознавать, что все прошло. Приготовления так долго занимали мои мысли, и я столько раз рисовал себе эту картину, что иногда мне кажется, что я утратил связь с давним другом, рядом с которым всегда было хорошо и уютно. А еще я понял, что получил ответ на вопрос, над которым раздумывал с тех пор, как впервые оказался в Нью-Берне.

Да, человек может измениться.

События минувшего года открыли мне много нового, и я постиг важную истину: легко нанести рану человеку, которого мы любим, но исцелить ее куда труднее. И все-таки процесс исцеления стал богатейшим опытом в моей жизни; он заставил меня понять, что частенько я переоценивал сделанное за день и недооценивал сделанное за год. Но главное, я понял, что можно вновь полюбить друг друга, даже если между вами – целая жизнь, полная разочарований.

Не знаю, что и думать про лебеда и про то, что я видел той ночью. Должен признать, что романтика по-прежнему дается мне нелегко. Я каждый день переделываю себя и порой гадаю, хватит ли сил и впредь. Но что с того? Я хорошо помню уроки Ноя о том, как сохранить любовь, и даже если я никогда не стану настоящим романтиком, ничего страшного в этом нет, потому что главное – не сдаваться.

От автора

Благодарить всегда весело, и мне очень нравится это делать. И простите, если порой получается неуклюже. В первую очередь я благодарю детей, потому что очень их люблю. Майлз, Райан Лэндон, Лекси и Саванна, вы – источник счастья в моей жизни. Благодарю Тересу и Джеми, которые неустанно мне помогают. Я счастлив, что нам довелось работать вместе, и надеюсь, так оно и будет впредь. Спасибо Денизе, которая снимает фильмы по моим книгам, а также Ричарду, Хови и Скотти – друзьям и уполномоченным. Спасибо Ларри, Морин, Эми, Дженнифер и Эдне за профессионализм. У них настоящий талант продавать книги.

Есть и другие люди, которые превращают мою жизнь в сплошное удивительное приключение. Хочу выразить огромную благодарность всем своим друзьям и близким. Вы – подлинное сокровище.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

«Ротари» – международный клуб для бизнесменов и представителей свободных профессий; каждая профессия представлена в клубе одним членом. Основан в США в 1905 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Конфедерация – союз одиннадцати южных штатов, вышедших в 1861 г. из состава США.